

**ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
ТУРАНА**

№ 2

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. Я. ГУЛЯМОВА
КАРАКАЛПАКСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
КАРАКАЛПАКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ БЕРДАХА**

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ТУРАНА

№ 2

**ПОСВЯЩЕННЫЙ ЮБИЛЕЮ
МУХАММАД-ШАРИП КДЫРНИЯЗОВА**

Самарканд - 2016

История и археология Турана. №2. 2016 г. 178 с.

Ответственный редактор

к.и.н. А.Э. Бердимуратов

Рецензенты

к.и.н. А.А. Грицина

к.и.н. А.Х. Атаходжаев

Редакционная коллегия:

д.и.н. А.А. Аскарров, д.и.н. М.Х. Исамиддинов, д.и.н. М-Ш. Кдырниязов,
д.и.н. Б.Х. Матбабаев, д.и.н. Т.К. Ходжайов, д.и.н. Т.Ш. Ширинов,
к.и.н. Б.М. Абдуллаев, к.и.н. А.А. Анарбаев, к.и.н. Г.И. Богомолов,
к.и.н. М.А. Карлыбаев, к.и.н. З.И. Курбанова, к.и.н. Д.К. Мирзаахмедов,
к.и.н. М.Х. Пардаев, к.и.н. А.А. Раимкулов, к.и.н. Сайфуллаев,
к.и.н. М.Т. Туребеков, к.и.н. Г.Х. Хожаниязов

Составитель

к.и.н. Айсулу Искандерова

Печатается по решению Ученого Совета
Института археологии АН РУз.

В сборнике освещаются результаты археологических исследований, проведенных на территории Приаральского региона и сопредельных территорий. Хронологически охватывается широкий диапазон — от памятников эпохи бронзы до позднего средневековья. Освещается планировка и топография городищ, история архитектуры, ремесло и ремесленная технология, а также вопросы развития идеологических воззрений и этнографических исследований.

Сборник предназначен для археологов, историков, этнографов и студентов исторических факультетов ВУЗов и всех, интересующихся прошлым Средней Азии.

©Институт археологии АН РУз, 2016

©Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
ККО АН РУз, 2016

©Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, 2016

ISBN 978-9943-4300-3-7

МУНДАРИЖА

Тахририят аъзолари номидан	7
Ягодин В.Н., Хожаниязов Г.Х., Искандерова А.	
Олим ва педагог юбилейи	8
Бердах номидаги Қорақолпоқ Давлат университети, «Археология» кафедраси профессори т.ф.д. М-Ш.Кдирниёзовнинг илмий ва илмий олимобоб ишлари	11
Авизова А.К.	
Ўтрор воҳасининг Куюк Мардан ёдгорлигида олиб борилган янги археологик тадқиқотлар	21
Армарчук Е.А.	
Жанубий Хоразмнинг Садвар ёдгорлигидан топилган IX-XI аср сирланган сопол идишлари	37
Доспанов О.Т., Есбергенова С.Х., Узакбергенова Т.	
Қорақалпоқ урф одатларига доир археологик ва этнографик материалларнинг ўзаро қиёсий таҳлили масалаларига доир	53
Зиливинская Э.Д.	
Олтин Ўрда мақбаралар қурилишида Хоразм меъморчилиги анъаналари	59
Калменов М.Д.	
Мангистоғ қалъа-қўрғонлари	75
Кдырниязов М.-Ш.	
Хоразм XIII-XIV асрларда ижтимоий-иқтисодий аҳвол	87
Кдырниязов О.-Ш.	
Буюк Ипак йўли ва Хоразмнинг илк ўрта аср цивилизацияси	99
Қурбанов Б.Г.	
Бухоро музей кўриқхонаси коллекциясидаги ўғирчалар	103
Қурбанова З.И., Давлетияров М.М.	
Жанубий оролбўйи аҳолисининг шахсий гигиена ашёлари (ҚДСМ материаллари асосида)	109
Рахманов У., Мустафакулов С.	
Бактрия аҳолисининг Кучук I даврида дафн маросими масаларига доир	115
Саипов С.	
Миздахқаннинг ўрта аср сирланмаган сопол қопқоқлари	121
Турекеев К.	
Қорақалпоқларда фарзанд туғилиши билан боғлиқ урф-одатлар	133
Хожаниязов Г.Х.	
Акшахан қалъа юқори шаҳарининг шимолий шарқий дарвозасида олиб борилган қазилмалар	139
Ягодин В.Н.	
Жанубий-шарқий Устюрт текислигидаги Сазқудуқ қўрғони	147
Реутова М.А., Фрай Ж.	
Афросиёбдаги Вархуман саройи қабулхонаси деворий суратларининг таъмирланиши ва кайта куйилиши	159

Contents

<i>Editorial Staff</i>	7
Yagodin V.N., Khojaniyazov G.Kh., Iskanderova A.D. The Jubilee of the Scientist-teacher	8
The scientific works of Doctor of History, Professor of Department of "The Archaeology" Karakalpak State University named after Berdakh, M.-Sh. Kdyrniyazov	11
Avizova A.K. The New Archaeological Researches of Kuyuk-Mardan Site in Otrar Oasis	21
Armarchuk E.A. The Glazed Ceramics of 9-11 th Centuries from Sadvar Site in the Southern Khorezm	37
Dospanov O.T., Esbergenova S.Kh., Uzakbergenova T. To the Issue of Comparison of the Materials of Archeology and Ethnography in the Rites of the Karakalpaks	53
Zilivinskaya E.D. The Traditions of Architecture of Khorezm in Memorial Architecture of the Golden Horde	59
Kalmenov M.D. Fortresses-Refuges of Mangistau	75
Kdirniyazov M.-Sh. The Social and Economical Situation of Khorezm in 13-14 th Centuries	87
Kdirniyazov O.-Sh. The Great Silk Road and Early Medieval Civilization of Khorezm	99
Kurbanov B.G. The Collection of Mortars of Bukhara Museum	103
Kurbanova Z.I., Davletiyarov M.M. Personal Hygiene Items of Population of the Southern Aral Sea Area (the Materials of Karakalpak State Art Museum named I. Savitsky)	109
Rakhmanov U., Mustafakulov S. To the Issue on the Funeral Rite of Population of Bactria of the Period Kuchuk I	115
Saipov S. The Unglazed Ceramic Lids of Medieval Mizdakhkan	121
Turekeev K. The Karakalpaks Custom's and Beliefs Related to Birth and the First Days of the Child's Life	133
Khojaniyazov G.Kh. The Excavations of the North-Eastern Gate of the Upper City of Akshakhan Kala Site	139
Yagodin V.N. Sazkuduk Burial Mound at the South-Eastern Ustyurt	147
Reutova M.A., Fray J. Restoration and re-mounting of murals from a main hall of a palace of Varhuman on an Afrasiab	159

Содержание

<i>От редакционной коллегии</i>	7
Ягодин В.Н., Хожаниязов Г.Х., Искандерова А. Юбилей ученого-педагога	8
Научные и научно-популярные работы доктора исторических наук, профессора кафедры «Археология» КГУ им. Бердаха М.-Ш. Кдырниязова	11
Авизова А.К. Новые археологические исследования на городище Куюк-Мардан в Отрарском оазисе	21
Армарчук Е.А. Поливная керамика IX-XI вв. с городища Садвар на юге Хорезма	37
Доспанов О.Т., Есбергенова С.Х., Узакбергенова Т. К вопросу сопоставления материалов археологии и этнографии в обрядности каракалпаков	53
Зиливинская Э.Д. Традиции архитектуры Хорезма в мемориальном зодчестве Золотой Орды	59
Калменов М.Д. Крепости-убежища Мангистау	75
Кдырниязов М.-Ш. Социально-экономическое положение Хорезма XIII-XIV вв.	87
Кдырниязов О.-Ш. Великий Шелковый путь и раннесредневековая цивилизация Хорезма	99
Курбанов Б.Г. Ступки Бухары из коллекции Бухарского музея-заповедника	103
Курбанова З.И., Давлетияров М.М. Предметы личной гигиены населения Южного Приаралья (на материалах КГМИ им. И. Савицкого)	109
Рахманов У., Мустафакулов С. К вопросу о погребальном обряде населения Бактрии периода Кучук I	115
Саипов С. Неполивные керамические крышки средневекового Миздахкана	121
Турекеев К. Обычай и верования, связанные с рождением ребенка у каракалпаков	133
Хожаниязов Г.Х. Раскопки северо-восточных ворот Верхнего города Акшахан-кала	139
Ягодин В.Н. Курган Сазкудук на юго-восточном Устюрте	147
Реутова М.А., Фрай Ж. Реставрация и перемонтировка росписей из парадного зала дворца Вархумана из Афрасиаба	159

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В предлагаемом вниманию читателя сборнике «История и археология Турана» №2, посвященного 65 летнему юбилею видного каракалпакского исследователя археологии и истории Хорезма и Приаралья, доктора исторических наук М.-Ш. Кдырниязова, предложены материалы научных исследований памятников Центральной Азии. В соответствии с этим, научные публикации, размещенные в настоящем сборнике, подобраны с разносторонними научными интересами и взглядами исследователя, в расширенном географическом диапазоне — от среднего течения р. Сырдарья до Южного Приаралья и Бактрии. Приаралье на протяжении длительного этапа истории являлась важным связующим звеном между внутренними регионами Центральной Азии и народами, обитавшими в Прикаспийском бассейне и далее на запад—в Европе. Регион, изучение которого активно продолжается являлся одним из крупнейших очагов этнокультурного синтеза, центром ретрансляции достижений в области духовной культуры и религиозных воззрений.

Статьи, включенные в сборник, представляет публикации, посвященные изучению городища Куяк-Мардан в Отрарском оазисе, Акшахан-кала, крепостным сооружениям на Устюрте, вопросам этнографии каракалпакского народа, роли и места раннесредневековой цивилизации Хорезма в системе культурно-исторических связей на Великом Шелковом Пути. Здесь также рассматриваются вопросы художественной культуры Мавереннахра, торовтики и идеологические представления племен в эпоху раннего железа на территории Северной Бактрии. Традиционно, как и в первом сборнике, представлены результаты научно-исследовательской деятельности археологов Каракалпакского государственного университета, Нукусского педагогического института, Хорезмской экспедиции Института археологии РАН, Института этнологии и антропологии РАН, Института археологии АН РУз. Исследования материалов погребальных комплексов периода Кучук I позволили уточнить отдельные аспекты духовной жизни племен раннего железного века Северной Бактрии и погребальный обряд, который содержит важные составляющие элементы протозороастрийского культа.

Материалы сборника представляют несомненный интерес для историков, археологов, этнографов и лингвистов, а также для учащихся высших учебных заведений и популяризации истории Узбекистана.

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО – ПЕДАГОГА

70-е годы XX в. в Нукусе были периодом формирования местной школы археологов. Именно в это время заявил о себе археолог М.-Ш. Кдырниязов, доктор исторических наук, профессор кафедры «Археологии» КГУ им. Бердаха.

Кдырниязов Мухаммед-Шарип родился 30 марта 1950 г. в седьмом аулсовете Кунградского района в семье участника второй мировой войны. В связи с отдельными причинами семья Кдырниязовых летом 1950 г. переезжает в г. Ходжейли. Заметив стремление сына к учебе, отец с шестилетнего возраста определяет мальчика в школу. Мухаммед-Шарип, окончив школу №1 г. Ходжейли, поступает в 1966 г. на историко-филологический факультет ККГПИ (ныне НГПИ им. Ажинияза). Будучи студентом, он проявлял большой интерес к научным исследованиям, его ранние самостоятельные научные рефераты были посвящены истории тюркизмов в русской литературе. Постепенно формируется его главный научный интерес – археология. Начиная с 1969 по 1971 гг. он активный участник Курганчинской археологической экспедиции КК ФАН РУз., возглавляемой В.Н. Ягодиным. Тогда ему доверили вести первые самостоятельные археологические раскопки. После окончания пединститута в 1971 г. его приглашают на работу в сектор «Археологии» ИИЯЛ КК ФАН РУз.

С ноября 1971 г. по декабрь 1972 г. Кдырниязов М.-Ш. служил в армии. По окончании службы он возвращается в родной сектор. В начале 1973 г. руководство КК ФАН РУз, сочтя его достойным, направляет сначала на стажировку, затем на учебу в очную аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Здесь на кафедре «Археологии» начинающий исследователь под руководством известного ученого Г.А. Федорова-Давыдова изучает историю нумизматики кочевых племен Евразии и городскую цивилизацию Золотой Орды в целом. В Москве Кдырниязов, на кафедре «Археологии» МГУ на протяжении 1973-1977 гг. приобретает необходимые теоретические навыки исследовательской работы. Слушает лекции корифеев археологической науки МГУ и Института археологии РАН А.В. Арциховского, Б.А. Рыбакова, Л.Р. Кызласова, В.Л. Янина, И.Т. Кругликовой, И.В. Яценко, В.М. Массона и Г.А. Федорова-Давыдова. За годы учебы в МГУ М.-Ш. Кдырниязов в составе университетских экспедиций, принимает активное участие в археологических раскопках в Поволжье (1973-1976 гг.), столице Золотой Орды (Сарай), курганов кочевников Кривой Луки и Никольска (Волгоградская и Астраханская области РФ). После успешной защиты кандидатской диссертации на тему: «Города Хорезма золотоордынского периода» в 1980 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова он возвращается в отдел «Археологии» ККО АН РУз.

За годы работы в отделе «Археологии» в составе Айбугирской, Устюртской, Хорезмской археологических экспедиций, самостоятельно вел научно-исследова-

тельские работы. В 1982 г. начинается новая стезя в жизни М.-Ш. Кдырниязова, по результатам конкурсного отбора он переходит на работу в КГУ им. Бердаха в качестве старшего преподавателя кафедры «Истории». За годы работы в университете он получает звание доцента, затем профессора, продвигаясь соответственно и по служебной лестнице - зам. декана по науке, учебной работе, декан исторического факультета.

В 2005 г. М.-Ш. Кдырниязов при Специализированном совете Института археологии АН РУз успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Культура Хорезма XIII-XIV вв.». Научные интересы юбиляра тесно связаны со средневековой историей и культурой Южного Приаралья. Он является автором более 150 научных и 30 научно-популярных трудов. Среди них известные монографии: «Материальная культура городов Хорезма XIII-XIV вв.» (Нукус, 1989), «Золотая Орда и культура Южного Приаралья» (Нукус, 1993), «Городская культура средневекового Хорезма XII-XIV вв.» (Самарканд, 2007), «Средневековый Миздахкан» (Самарканд, 2010). Ученым – педагогом разработан и издан ряд учебных пособий: «Археология Приаралья. Позднежелезный век» (Нукус, 1989), «Письменные источники и исследования по археологии средневекового Хорезма» (Нукус, 1995), «Археология Средней Азии. Античность и средневековье» (Нукус, 2004); «Городская культура Хорезма» (Нукус, 2007), «Культура Приаралья в эпоху Амира Темура и Темуридов» (Нукус, 2009). Немало работ опубликованы и в зарубежных научных изданиях Франции, России, Казахстана («Вестник МГУ», «Труды ГИМ» (Москва), «Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия» (Санкт-Петербург), «Известия МОН Республики Казахстан» (Алматы), «Вестник МИЦАИ» (Париж-Бишкек-Самарканд).

В годы Независимости Республики М.-Ш. Кдырниязов активно разрабатывал научные проекты, круг интересов которых связан с городской культурой Хорезма в период развитого средневековья. Большинство проектов являются научными грантами, финансировавшимися Государственным Комитетом по науке и технике при Кабинете министров Республики Узбекистан. Это такие проекты как «Урбанизационные процессы в средневековом Хорезме. XII-XIV вв.», «Культура Хорезма в эпоху Амир Темура и Темуридов. 70-г. XIV-XV вв.», «История цивилизация Хорезма».

М.-Ш. Кдырниязов активно принимал участие в ряде международных конференций: «Научное и культурное наследие человечества - третьему тысячелетию» (Ташкент, 1997); «Место города Шахрисабза в мировой истории» (Ташкент, 2002), «Дашти-Кипчак и Золотая Орда» (Москва, 2003), «Великий шелковый путь и средневековые города Хорезма» (Самарканд, 2004), «Арало-Каспийский регион в истории культуры Евразии» (Актобе-Актау, 2006, 2007, 2010), «Город и степь в контактной евро-азиатской зоне» (Москва, 2006, 2008, Азов 2002, Астрахань 2011, Казань, 2013), «Место города Самарканда в культурном развитии человечества» (Ташкент-Самарканд, 2008), «Шевченківська весна» (Київ, 2008), «Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент» (Шымкент, 2008) и др. Его научные доклады вызывали большой интерес слушателей своей содержательностью и веской аргументацией.

Под руководством д.и.н М.-Ш. Кдырниязова защищены кандидатские диссертации С. Уталиева, Р. Бауетдинова, Б. Турганова и ряда других исследователей. Он являлся официальным оппонентом ряда кандидатских С. Ильясовой, К. Машарипо-

ва, М. Мадаминова, Т. Абдуллаева и докторских диссертаций Б.А. Байтанаева (Алмата), Б.Ж. Эшова (Ташкент), Б.Х. Матбабаева (Самарканд) и др. На сегодняшний день М.-Ш. Кдырниязов продолжает вести научное руководство ряда магистров и докторантов. Научную работу, профессор, сочетает с педагогической. Читает лекции студентам КГУ по специализированным предметам: «Археология Средней Азии», «Нумизматика», «История средневековых городов Средней Азии», «Историография». С 1986 г. он неизменный руководитель археологической экспедиции КГУ, проводимой на городище Миздахкан.

Вместе с тем М.-Ш. Кдырниязов активно участвует в общественных работах, являясь членом редакционного Совета журнала «Археология Узбекистана», редколлегии «Вестник КГУ им. Бердаха», Объединенного Специализированного совета Д. 015.93.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук (Институт археологии АН РУз) и К.015.30.01 (КНИИГН ККО АН РУз.) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Ученый-педагог М.-Ш. Кдырниязов хороший семьянин, воспитывает детей и внуков. Отмечая 65-летие юбиляра, хочется подчеркнуть такие его качества характера как скромность, человечность, дружелюбие, отзывчивость. Он всегда готов оказать помощь своим ученикам - студентам, магистрам и аспирантам.

Сегодня его старшие наставники, друзья, коллеги и ученики горячо поздравляют Мухаммеда-Шарипа Кдырниязова с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, долголетия, благополучия, успехов в научно-педагогическом поприще.

В.Н. Ягодин

Г.Х. Хожаниязов

А.Д. Искандерова

**НАУЧНЫЕ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ РАБОТЫ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА КАФЕДРЫ
«АРХЕОЛОГИЯ» КГУ им. БЕРДАХА М.-Ш. КДЫРНИЯЗОВА**

1977

1. Изучение истории городов Хорезма XIII-XIV вв. // Вестник Московского университета. Серия истории. Москва, №6.

1978

2. Торговые связи городов Хорезма XIII-XIV вв. // Вестник ККФАН АН РУз. Нукус, №3.
3. Ески каруан жоллары бойлап // Жас Ленинши. 26 декабря.
4. Улкемизге арналған жаңа китап // Совет Қаракалпақстаны. 28 декабря.

1979

5. Исследование в Хорезмской области // Археологические открытия 1978 г. Москва. (Соавтор Мамбетуллаев М.М.).
6. Города Хорезма золотоордынского времени // Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва.
7. Тарийхый естеликлер–халық мийрасы // Совет Қаракалпақстаны. 17 апреля.
8. Каруан өтер - из қалар // Совет Қаракалпақстаны. 10 февраля.
9. Тарийхымыздың қадимги естеликleri // Жас Ленинши. 19 сентября.

1980

10. Жез кемпирден табылған тенгелер // Жеткиншек. 22 октября.

1981

11. Ремесло Хорезма в XIII-XIV вв. // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент.
12. Пятидесятилетие Г.А. Федорова-Давыдова // Вестник ККФАН РУз. №3. (Соавтор Ягодин В.Н.).
13. Мазлумхан сулу мавзолейи // Жас Ленинши. 2 января.

1982

14. Культурные связи золотоордынских городов Хорезма // Средневековая городская культура Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата.
15. Городище Воянган // Археология Приаралья. Ташкент, вып. 1. (Соавтор Мамбетуллаев М.М.).
16. Тальковые изделия из собрания ГМИК КК АССР // Вестник КК ФАН Уз. №3.
17. Қадимги хорезмликлерде тастан пайдаланыу // Жас Ленинши. 2 апреля.

1983

18. Орта асир Хорезм қаласы абаданластырыу ислери // Жас Ленинши. 11 марта.

1984

19. Городище Джанпыккала // Археология Приаралья. Ташкент. Вып. 2. (Соавтор Манылов Ю.П.).
20. Культурные связи средневековых городов Хорезма // Археология Приаралья. Ташкент, вып. 2.
21. Жампық қаладан табылған ғәзийне // Совет Қаракалпақстаны. 4 апреля.

1985

22. Орта асирдеги Жампық қала моншасы // Совет Каракалпақстаны. 11 июня. (Соавтор Хожаниязов Г.Х.).

1986

21. Камнерезное ремесло в средневековом Хорезме // Археология Приаралья. Ташкент, вып. 3.
22. Благоустройство золотоордынских городов Хорезма // Тезисы докладов и сообщений X-ой научно-теоретической конференции КГУ. Общественные науки. Нукус.

1987

23. Новые страницы из истории искусства городов (кк. яз.) // Молодежная орбита. Нукус.
24. Городище Миздахкан золотоордынского времени // Тезисы докладов и сообщений XI научно-теоретической конференции КГУ. Нукус.
25. Қала тарийхының жаңа бетлери // Совет Қаракалпақстаны. 22 января.
26. Қала тарийхының жаңа бетлери // Нокис университети. 13 февраля.

1988

27. Археологические исследования в Миздахкане в 1987 г. // Вестник КК ФАН Уз, №4. (Соавтор Хожаниязов Г.Х.).

1989

28. Материальная культура городов Хорезма в XIII-XIV вв. Нукус.
29. Коллекция поливных чаш из Кзылкалы // Изобразительное прикладное искусство. Культура Среднего Востока. Ташкент. (Соавтор Хожаниязов Г.Х.).
30. Археологические раскопки на золотоордынском Миздахкане // Археологические открытия. Москва. (Соавтор Туребеков М.).
31. Поливная импортная посуда из Кзылкалы // Материалы XIII научно-теоретической конференции КГУ. Нукус.
32. Археология Приаралья. Позднежелезный век. Нукус.

1990

33. Привозная керамика из средневековых городов Хорезма // История, археология и этнография. Нукус.
34. Оборонительные сооружения Большой Айбуйр калы // История, археология и этнография. Нукус, вып. 1. (Соавтор Мамбетуллаев М.М.).
35. Раскопки жилого квартала XIII-XIV вв. в западной части Джанпык-кала // Археология Приаралья. Ташкент, вып. 4. (Соавтор Хожаниязов Г.Х.).

1991

36. Историко-политическое положение Южного Приаралья в эпоху Золотой Орды // Актуальные проблемы истории Каракалпакстана. Тезисы докладов Республиканской научно-теоретической конференции. Нукус.

1993

37. Золотая Орда и культура Южного Приаралья. Нукус.
38. Исследования Восточного квартала 1 Миздахкана // История, археология и этнография, вып. 2. Нукус.

1994

39. Миздахкан город золотоордынского времени // Ходжейли – древнейший город Республики Каракалпакстан. Тезисы докладов научно-теоретической конференции. Ходжейли. (Соавтор Туребеков М.).

1995

40. Письменные источники и историография средневековой археологии Хорезма. Нукус.
41. Источники и историография средневековой археологии городов Хорезма. Нукус.
42. Городское жилище Хорезма в эпоху Золотой Орды // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 25-летию образования Института археологии АН РУз и 60-летию академика А. Аскарлова. Самарканд.

1996

43. Приаралье в эпоху Темура и темуридов // Материалы XX научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной 660-летию Амира Темура. Тезисы докладов. Т.2. Гуманитарные и общественные науки. Нукус, (кк. яз.).
44. Темур ҳәм Темурийлер дәуиринде Арал бойы жерлери // Еркин Қаракалпакстан. 23 апреля (№49).

1997

45. Хорезм и Евразийская торговля в XIII-XV вв. (О роли Хорезма в мировой торговле) // Научное и культурное наследие человечества третьему тысячелетию. Тезисы докладов международного симпозиума, посвященного 2500-летию Бухары и Хивы. Ташкент.

1998

46. Миздахкан - город золотоордынского времени // Ходжейли - древнейший город Республики Каракалпакстан. Ходжейли. (Соавтор Туребеков М.).

1999

47. Архитектурный декор золотоордынских памятников Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. №2.
48. Об аграрном характере производительной деятельности населения Миздахкана // ОНУ, № 4-5.
49. Мастерские винодельни золотоордынского Миздахкана // Вестник ККОАН РУз. № 4-5.

2000

50. О роли Хорезма в Евразийской торговле (XIII-XIV вв.) // Общественные науки в Узбекистане. № 1.
51. Зеркала с изображением драконов из Миздахкана // Вестник ККОАН РУз. №3.

2001

52. Археологические исследования в южной части Миздахкана // Археологические исследования в Узбекистане - 2000 г. Самарканд, вып. 1.
53. 70-летие Г.А. Федорова-Давыдова // ИМКУ, вып. 32. Самарканд. (Соавторы Ширинов Т.Ш., Ртвеладзе Э.В. и др.).
54. Новые археологические данные о средневековом Миздахкане // ОНУ, №3. (Соавтор Бауетдинов Р.).
55. Влияние Самарканда на поливную керамику Хорезма в XIV-XV вв. // Заравшон воҳаси ва унинг тарихдаги ўрни. Ўзбекистон Республикаси мустақиллигининг 10 йиллигига бағишланган илмий-назарий конференция материаллари. 1-қисм. Самарканд.
56. Элементы доисламских реликтов в верованиях населения Хорезма в XIII-XIV вв. // «Авесто» - Ўрта Осиё халқлари тарихида» мавзусидаги республика илмий-амалий анжумани материаллари. Нукус-Хива.
57. Гончарные печи средневекового Миздахкана (XIII-XIV вв.) // Материалы XXV научно-практической конференции, посвященной 10-летию независимости Республики Узбекистан и 25-летию КГУ, т. 2. Нукус.
58. Золотоордынский этап в культурном наследии Хорезма (к вопросу о социально-экономических и этнических связях Хорезма XIII-XIV вв.) // Тарих, мустақиллик, миллий ғоя. Республика илмий-назарий анжумани материаллари. Тошкент.
59. Люстровый кувшин из Миздахкана // Материалы XXV научно-практической конференции, посвященной 10-летию независимости Республики Узбекистан и 25-летию КГУ, т. 2. Нукус.
60. Термез и средневековые города Хорезма. К вопросу о связях материальной культуры Термеца и его округов с Хорезмом в X-XV вв. // Место города Термеца в истории мировой цивилизации. Тезисы докладов. Ташкент-Термез.

2002

61. Исследование средневекового банного комплекса на Миздахкане // Археологические исследования в Узбекистане-2001. Самарканд, вып. 2. (Соавтор Кдырнязов А.).
62. Раскопки дома с производственным двором в Миздахкане // ИМКУ. вып. 33. Ташкент.
63. Об этническом, социальном составе городского населения Хорезма в конце XIII-начале XIV века // ОНУ. № 3-4.
64. Арал бойы жерлерининг орта асирлердеги Шығыс Европа менен байланыслары // Амударья. № 6. (Соавтор Оразбаев А.).
65. Миздахкан – памятник золотоордынской эпохи // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Труды Государственного исторического музея (ГИМ). Вып. 135. Москва.
66. Керамика Хорезма эпохи Темуридов // Шахрисабз шахрининг жаҳон тарихида тутган урни. Халқаро илмий конференция маърузалари тезислари. Тошкент.

2003

67. Раскопки средневековых жилищ в южной части Миздахкана // Археологические исследования в Узбекистане—2002 год. Ташкент. Вып. 3. (Соавтор Кдырнязов А.).
68. Торговые связи средневекового Миздахкана // Археология Приаралья. Вып. 6. Нукус. (Соавтор Бауетдинов Р.).
69. Капители-колонны из Миздахкана // SAN'AT. №2.
70. Люстровый кувшин из Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. № 1-2.

71. Средневековый Хорезм и христианский мир (о связях Хорезма с европейскими странами в средние века) // Вестник ККО АН РУз. № 6.
72. Миздохкандаги устунлар // SAN'AT. №2.
73. Хорезм ҳам Волга бойы Булгариясы менен қатнаслар // Магистрантлардың І-республикалық конференциясы материаллар топламы. І-болим. Ноқис. (Соавтор Оразбаев А.).
74. Этнические процессы в городах Хорезма XIII-XIV вв. // Ўзбекистонда миллатлараро муносабатлар: тарих ва ҳозирги замон. Илмий-амалий анжуман материаллари тўплами. Тошкент.
75. Археология Средней Азии. Античность и средневековье (кк. яз.). Нукус.

2004

76. Великий Шелковый путь и средневековые города Хорезма // Археология и история Центральной Азии. Самарканд.
77. Раскопки богатого дома с молельней в Миздахкане // ИМКУ. Вып.34. Самарканд. (Соавтор Кдырнийзов А.).
78. Продолжение раскопок в южной части Миздахкана // Археологические исследования в Узбекистане—2003. Вып.4. Самарканд.
79. Гончарные печи средневекового Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. №1. (Соавторы Искандерова А., Саипов С.).
80. Хорезм и Золотая Орда // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции: Маргулановские чтения. Алматы. Вып. XV.
81. Средневековый Хорезм в системе торгово-экономических связей Евразии в XIII-XV вв. // Ўзбекистон Республикаси жаҳон ҳамжамияти тизимида: Республика илмий-назарий анжуманинг илмий тўплами. Тошкент.

2005

82. Археологические работы на городище Пульжай // Археологические исследования в Узбекистане - 2004-2005. Вып.5. Ташкент. (Соавторы Искандерова А.Д., Турганов Б.К.).
83. Medieval towns of Khorezm and the nomadic world // Bulletin International institute for Central Asian studies. Vol.2. Samarkand-Bishkek.
84. Темуридская керамика Хорезма // Вестник ККО АН РУз. №1-2.
85. Этапы развития городской культуры Хорезма // Вестник ККО АН РУз. №3.
86. Этнический фактор в урбанизационном процессе средневековом Хорезме // Қарақалпақ халқының этногенези хэм этник тарийхы. Республикалық илмий-теориялық конференция материаллари. 2004-ж. 26-27 ноябрь. Ноқис.
87. Самарқанд и города Хорезма в эпоху Амира Темура и Темуридов // Археология ва тарих фанининг долзарб муоммалари. Республика ИНА материаллари. 1-қисм. Самарқанд.
88. Этнодемографический фактор в урбанизационном процессе средневекового Хорезма // Ўзбекистонда этнодемографик жараёнлар. Халқаро конференция материаллари. 1-қисм. Тошкент.
89. Периферийные города средневекового Хорезма и кочевой мир // Қарақалпақ халқының этногенези хэм этник тарийхы. Республика ИТК материаллари. Ноқис.
90. Культура Хорезма XIII-XIV вв. // Автореф. дис... доктора ист. наук. Самарканд.

2006

91. Кашинная керамика Хорезма // История и материальная культура Каракалпакстана. Нукус.

92. Раскопки на городище Миздахкан // Археологические исследования Узбекистана—2004-2005 годы. Вып. 5. Ташкент. (Соавторы Саипов С., Кдырниязов А.).
93. Преданность археологической науке // История и материальная культура Каракалпакстана. Нукус. (Соавтор Камалов С.К.).
94. Средневековый Хорезм и кочевая периферия // Вестник международного института Центральноазиатских исследований (МИЦАИ). №2. Самарканд-Бишкек.
95. Хорезм при Амир Темуре и Темуридах // Вестник ККО АН РУз. № 4.
96. Раскопки на городище Миздахкан // Археологические исследования Узбекистана—2004-2005 годы. Вып. 5. Ташкент. (Соавторы Саипов С., Кдырниязов А.).
97. Профессор М. Мамбетуллаев 70 жаста // Вестник ККО АН РУз. №1. (Соавтор Хожаниязов Г.Х.).
98. Люстровый кувшин из Миздахкана // Записки восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия. Т. II (XXII). С-Пб.
99. Амир Темур ва Темурийлар даврида Хоразмда ижтимоий ахвол // Амир Темур ва Темурийлар салтанатининг интеллектуал солохияти. Илмий назарий конференция материаллари. Самарканд.
100. Амир Темур ва Темурийлар даврида Хоразм маданияти // Амир Темур ва Темурийлар салтанатининг интеллектуал солохияти. ИНК материаллари. Самарканд.
101. Хорезм и кочевой мир Арало-Каспийского региона (средние века) // Материалы Международной НТК «Арало-Каспийский регион в истории культуры Евразии». Ч. 2. Актобе (Казахстан).
102. Культура Хорезма в эпоху Золотой Орды // Материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию Г.А. Федорова-Давыдова. Город и степь в контактной Евроазиатской зоне. Москва. Труды ГИМ.
103. Темурийлар давридаги Хоразм шаҳарлари // Хорезм Мамун Академиясынын 1000 жыллыгына багышланган Республикалык илимий анжуман материаллари. Нокус.
104. Хоразмнинг орта аср шаҳарлари маданияти. Нукус. 47 б. Учебное пособие.

2007

105. Городская культура средневекового Хорезма. XII-XIV вв. Самарканд
106. Железные изделия из средневекового Миздахкана // Вестник ККОАН РУз. №3. (Соавтор Турганов Б.).
107. Клад бытовых вещей из Миздахкана // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. Самарканд-Бишкек. №4. (Соавтор Саипов С.).
108. Изучение памятников эпохи Темуридов Хорезмской экспедицией // Материалы научной конференции Академии Мамуна Хорезма, посвященная 100-летию С.П. Толстова. Хива-Ургенч.
109. Средневековые памятники Устюрта их значение в изучении культурных связей Хорезма // Материалы международной научно-практической конференции «Историко-культурное наследие Арало-Каспийского региона». Ч.1. Актау (Казахстан).
110. Самарканд и Хорезм // Роль Самарканда в истории мирового культурного развития. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летнему юбилею города Самарканда. Ташкент.
111. Миздахкан в эпоху Темуридов // Қаракалпакстан тарийхының заманағой машкалалары. Нокус.
112. Хорезмско-джучидская культура в трудах С.П. Толстова // Тезисы докладов Международного симпозиума «Приаралье на перекрестке культур» и II полево-

го семинара «Археология древнего Ташкырманского оазиса», посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя Центральной Азии С.П. Толстова. Нукус-Бустон-Беруни.

113. Я.Ф. Гуломов атындагы Семинар жумысы // Каракалпак университети. 21-август.
114. Хорезм цивилизациясы дурданаларын изертлеген уллы алым // Каракалпак университети. 17-18 саны. Ноябрь.

2008

115. Предметы вооружения в средневековом Хорезме // ИМКУ. Вып.36. Самарканд. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
116. Ремесло Хорезма в эпоху Амир Темура и Темуридов // Вестник ККО АН РУз. №1.
117. Бытовые вещи из Миздахкана // Вестник ККО АН РУз. №2.
118. Археологу, историку Г.Х. Хожаниязову 60 лет // Вестник ККО АН РУз. №3. (Соавтор Мамбетуллаев М.М.).
119. Древний и средневековый Миздахкан // Вестник КГУ. №1.
120. Металлические изделия из средневекового Миздахкана // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Материалы Международной научно-практической конференции. Шымкент. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
121. Средневековый Хорезм и Северное Причерноморье // Тезисы докладов IV Международной научной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», г. Азов (Россия). 30 сентябрь—3 октябрь. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
122. Культурные связи средневекового Хорезма с Крымом // Шевченківська весна. Тезиси Шостої Міжнародної науково-практичної конференції молодих учених. Історія. Київ. (Соавтор Акимниязова Г.).

2009

123. Раскопки в «Южном поселении» городища Миздахкан в 2006-2007 гг. // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. VI. Ташкент. (Соавторы Искендерова А., Саипов С., Кдырниязов О.).
124. Темурийлар давридаги Хоразм топонимлари // Вестник КГУ. №3. (Соавтор Юсупов Ш.).
125. Вопросы исторического развития урбанистической цивилизации средневекового Хорезма // Национальная экономика и образование: стратегия развития в условиях глобализации. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию юбилею академика С. Баишева. Актобе.
126. Культурно-мемориальная архитектура золотоордынского Хорезма // Материалы VIII Конгресса этнографов и антропологов России. Оренбург, 1-5 июля. Оренбург. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
127. Amir Temur va Temuriylar davrida O'ral boyi madaniati. Nukus. 75 б. Учебное пособие.
128. Амир Темур ва Қўнғиротли сўфилар ҳақида манъбалар // Амир Темур – символ могущества народа. Материалы республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 673-годовщине Амира Темура (7-8 апреля). Нукус. (Соавторы Юсупов О., Юсупов Ш.).

129. Темурийлар даврида Жанубий Хоразм // Амир Темур – символ могущества народа. Материалы республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 673-годовщине Амира Темура (7-8 апреля). Нукус. (Соавтор Юсупов Ш.).

2010

130. Средневековый Миздахкан. Самарканд. (Соавтор Бауетдинов Р.).
131. Средневековый Хорезм и христианский мир // Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С.П. Толстова. Сборник статей. Москва. (Соавтор Доспанов О.Т.).
132. Археологические исследования в Северном квартале Миздахкана // Археологические исследования в Узбекистане - 2008-2009 гг. Вып. VI. Самарканд.
133. Кочевнический компонент и демография золотоордынского города Хорезма (XIII-XIV вв.) // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Алматы. № 1. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
134. Основные итоги изучения Миздахкана // Археологические изучения и их значение в развитии исторической науки в Каракалпакстане. Тезисы и материалы Республиканской научно-теоретической конференции. Нукус. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
135. Золотоордынские памятники на юго-восточном Устюрте // Историко-культурное наследие Арало-Каспийского региона. Материалы II Международной научно-практической конференции. Актау. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
136. Письменные источники о Миздахкане // Археологические изучения и их значение в развитии исторической науки в Каракалпакстане. Тезисы и материалы Республиканской научно-теоретической конференции. Нукус. (Соавтор Бауетдинов Р.).

2011

137. Миздахкан в эпоху Хорезмшахов-Ануштегинидов // Вестник КГУ им. Бердаха. №1. (Соавтор Саипов С., Бекниязов Б.).
138. Мечети Миздахкана // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы. 13-14 декабря. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
139. Пульжай – северный форпост Хорезма // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. Актобе, 14-18 сентября. Алматы-Актобе.
140. Ремесленно-производственные комплексы золотоордынского Миздахкана // Диалог городской и степной культуры на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Москва-Астрахань, 3-7 октября. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
141. Культурно-мемориальная архитектура золотоордынского Хорезма // Вопросы археологии, этнографии и истории Южного Приаралья. Материалы Международной научно-теоретической конференции. Нукус. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
142. Архитектурно-планировочная структура средневековых городов Хорезма (X-XIV вв.) // Известия НАН Республики Казахстан. Серия общественных наук. № 3 (282). (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
143. Миздахкан в эпоху Хорезмшахов-Ануштегинидов // Антик давр цивилизацияси тараққиётида Хоразмнинг урни. Республика илмий анжумани материаллари. Урганч-Хазрасп. (Соавтор Саипов С., Бекниязов Б.).

2012

144. Ремесленно-производственные комплексы золотоордынского Миздахкана // ИМКУ. Вып.37. Самарканд. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
145. Золотоордынский этап в истории цивилизации Хорезма // Материалы XII Республиканской научной конференции молодых ученых Каракалпакстана. 20 апреля. Нукус. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
146. Цивилизация средневекового Хорезма и кочевой мир Арало-Каспия // Ўзбекистон худудида кечган этномаданий мунособотлар ва унинг давлатчиликнинг шаклланишидаги ўрни. Республика илмий анжумони материаллари. Хива. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
147. Итоги изучения городища Миздахкан в годы независимости Узбекистана // Развитие и перспективы археологии и этнологии в Узбекистане. Материалы научной конференции. Ташкент. (Соавтор Саипов С.Т., Кдырниязов О.-Ш.).
148. Буюк Хоразмшоҳлар даври цивилизация тарихи // Развитие и перспективы археологии и этнологии в Узбекистане. Материалы научной конференции. Ташкент. (Соавтор Бекниязов Б.).
149. Буюк Хоразмшоҳлар даврининг цивилизациявий курсаткичлари // Ўзбекистон худудида кечган этномаданий мунособотлар ва унинг давлатчиликнинг шаклланишидаги ўрни. Республика илмий анжумони материаллари. Хива. (Соавтор Бекниязов Б.).
150. Цивилизация средневекового Хорезма и кочевий мир Арало-Каспия // Вестник КГУ им. Бердаха. № 1-2. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
151. Қорақалпоғистон тарихини ёритишда янги археологик малумотлардан фойдаланишнинг аҳамияти // Ўзбекистон тарихи фанидаги инновациялар (Илмий тўплом). Тошкент.

2013

152. Хорезмско-дзучидская культура в трудах С.П. Толстова // Приаралье на перекрестке культур. Самарканд (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
153. Религия в средневековых городах Южного Приаралья // Материалы Международной НТК «Общество и религия в глобализованном мире: поиски новых парадигм». Актобе. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
154. Религия и культово-мемориальные памятники Хорезма в эпоху Золотой Орды // История и археология Турана. №1. Самарканд. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
155. Мавзолей Мазлумхан Сулу—уникальный памятник Хорезма эпохи Золотой Орды // Поволжская археология. №4 (6). Казань. Материалы IV Международной конференции, посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
156. Хожаниязов известный историк-археолог Приаралья // История и археология Турана. №1. Самарканд. (Соавторы Ягодин В.Н., Искандерова А.Д.)
157. Хорезмшоҳлар давлатининг савдо алоқалари (XI-XIII аслар) // История и археология Турана. №1. Самарканд.
158. Мавзолей Мазлумхан-Сулу—уникальный памятник древнего Миздахкана // Вестник МИЦАИ. №16. Самарканд. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
159. Урбанистическая цивилизация средневекового Хорезма // Вестник МИЦАИ. №18. Самарканд.
160. Хорезм в эпоху Золотой Орды // Город и степь в контактной Евро-азиатской зоне. Труды ГИМ. Москва.
161. Археологические работы на городище Пульжай // АИУ-2012 г. Вып.9. Самарканд. (Соавторы Саипов С., Амиров Ш, Кдырниязов О.-Ш.).

2014

162. Домашняя молельня в Миздахкане // Восхождение к вершинам археологии. Сборник материалов Международной научной конференции Древние и средневековые государства на территории Казахстана, посвященной 90-летию со дня рождения К.В. Акишева. Алматы. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
163. История античной цивилизации Хорезма // Учебно-методическое пособие. (кк. языке). Нукус. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
164. Дом с молельней в золотоордынском Миздахкане // Тезисы НТК Музей Востока. Декабрь, 2014. Москва.
165. Средневековая урбанизация Приаральской части Каракалпакстана // Международная НПК. Маргулановские чтения. Алматы-Петропавловск. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
166. Изучения истории жилищ на территории древнего Каракалпакстана // Вестник КГУ им. Бердаха. № 1. Нукус. (Соавторы Алимбетов А., Шныкеев Ж.).
167. Керамическое ремесло Миздахкана // Археология Узбекистана. №1. (Соавторы Саипов С., Кдырниязов О.-Ш.).
168. Хорезм в эпоху Золотой Орды // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне / Материалы III международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения профессора Г.А.Федорова-Давыдова (1931-2000).

2015

169. Культура Хорезма в XIII-XIV вв. Самарканд.
170. Городище Пульжай // Вестник КГУ им. Бердаха. № 1. (Соавторы Саипов С.Т., Кдырниязов О.-Ш., Алимбетов А.К.).
171. Средневековая урбанизация Южного Приаралья // Проблемы истории, археологии и этнологии Центральной Азии. Сборник статей, посвященный 75 летию кафедры Археологии Национального университета Узбекистана. Тошкент. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
172. Полевым исследованиям кафедры археологии КГУ-30 лет // Вестник КГУ. Нукус, № 2. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).
173. Городище Пульжай (город и степь Арало-Каспия) // Казахское ханство в потоке истории. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства. Алматы.
174. Изучение средневековых жилищ Миздахкана // «Мустақитлик йилларида Қорақалпоғистонда археология фанининг ривожланиши» мавзусидаги республика илмий анжуман материаллари. Ноқис. (Соавтор Алимбетов А.К.).
175. Миздахканской археологической экспедиции 30 лет // Археология Узбекистана. № 2 (11). (Соавторы Искандерова А.Д., Саипов С.Т., Кдырниязов О.-Ш.).
176. Особенности городской цивилизации в контактной зоне оседлой и кочевой культур (по материалам Хорезма) // Сборник Материалов международной научно-практической конференции: «Казахское ханство, как историческая основа независимого Казахстана в контексте идей Мангилик ел» посвященной 550 летию казахского ханства. Шымкент. (Соавтор Кдырниязов О.-Ш.).

А.К. АВИЗОВА

*Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова
(г. Шымкент, Казахстан)*

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ КУЮК-МАРДАН В ОТРАРСКОМ ОАЗИСЕ

Городище Куюк-Мардан, находящееся в десяти километрах к северо-западу от городища Отрар является развалинами одного из крупных средневековых городов центральной части Отрарского оазиса. Памятник представляет собой группу бугров, среди которых различаются цитадель, шахристан и рабад (рис. 1).

Цитадель представляет собой подчетырехугольный в плане бугор с двумя закругленными углами и плоским верхом. Размеры площадки поверху составляют 90х60 м и достигают высоты около 8 м. С юго-запада к цитадели примыкает шахристан в виде овального холма площадью 160х180 м (по верху) и высотой 7-11 м. К юго-востоку от шахристана располагаются развалины рабада площадью 650х260 м. Въезд в город находится с западной стороны. Башня, которая защищала въезд, в настоящее время представляет собой бугор, достигающий 14 м высоты. Длина его по верху составляет 40 м, ширина – 10-15 м. В 700 м к востоку от центрального въезда к городищу находится некрополь.

Первые археологические раскопки на городище Куюк-Мардан проводились в 1949-1951 гг. Южно-Казахстанской археологической экспедицией, возглавляемой А.Н. Бернштамом. Раскопки проводились на территории рабада. Итоги работ ЮКАЭ опубликованы в статье Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевича (Агеева, Пацевич,

Рис. 1. Городище Куюк-Мардан. План

1958. С. 86-88). Памятник был датирован I в. до н.э.-XII в.н. Находки, собранные на поверхности городища определены исследователями как изделия кушанского и тюркского времени.

В 1986-1987 гг. Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией под руководством К.М. Байпакова проводились раскопки на цитадели городища (Байпаков, 1990. С. 56-64). Раскопки были «привязаны» к центральной улице, идущей от въезда и пересекающей цитадель с юга на север. Отмечены три строительных горизонта. Верхний из них зафиксирован только по остаткам участков полов, мусорных ям и подъемной керамики, относящейся к IX-XI вв. Постройки второго строительного горизонта имеют следы пожара, о чем говорят обгоревшие стены домов, обуглившиеся остатки деревянных перекрытий, спекшиеся куски глиняной обмазки кровли. Во втором горизонте вскрыты остатки двух домов, датированные исследователями VII-VIII вв. В третьем строительном горизонте, который предварительно отнесён к VI-первой половине VII вв., обнаружены девять помещений, три из которых оказались трехкомнатным домом.

Археологические исследования, проведенные на территории городища, позволяют считать, что город существовал в течение нескольких столетий (Байпаков, Воякин, Смагулов, 2006. С. 15; Свод памятников истории, 2007. С. 130-137). Наиболее древняя часть, охватывающая территорию шахристана, цитадели и рабада функционировала в I-IX вв. В XI-XII вв. основная жизнь была сосредоточена в восточной части городища. В XIII-XV вв. была обжита территория, прилегающая к городищу с востока – здесь находился квартал ремесленников-гончаров. Об этом свидетельствуют остатки гончарных печей и керамических шлаков, прослеженные на поверхности памятника.

В 2012 г. Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией под руководством К.М. Байпакова были начаты новые археологические исследования на городище Куюк-Мардан. Основной целью исследований являлось получение новых данных по характеру жилой застройки, а также выявление административных и храмовых комплексов, которые должны пополнить наши представления о культурном облике раннесредневекового города Отрарского оазиса.

Раскопки 2012 года проводились на юго-восточном склоне цитадели площадью 150 кв. м (раскоп № 1). В ходе работ было выяснено, что все склоны цитадели после его запустения послужили местом для средневекового городского кладбища. Второй раскоп (раскоп № 2) площадью 728 кв. м (26x28м) был заложен в северо-западной части цитадели и примыкал к северо-восточному краю раскопа 1986 года.

В ходе раскопок 2012 года вскрыт участок цитадели, состоящий из 15 помещений, объединенных в отдельные домовладения, а также айван и внутренний дворик (рис. 2). Они расположены вдоль главной дугообразной улицы, идущей с запада на восток от одного из входов в эту часть города и вдоль отходящих от нее трех улиц в северном и южном направлениях. Помещения в плане подпрямоугольные или подтреугольные. Последние отмечаются на крутых поворотах улицы. Одна из 4-х стен этих помещений являлась либо полукруглой, либо с овальным углом. Таких своеобразных помещений, обращенных к дугообразной улице – четыре. Ширина улиц – 1,2-1,3 м, местами достигает 1,7 м.

В 2012 году раскоп №2 был углублен на глубину 0,1-0,5 м от современной дневной поверхности до уровня пола 1 среднего строительного горизонта за исключением помещения №3. В нем вскрытия были осуществлены до уровня второго пола на глубине 1,2 м.

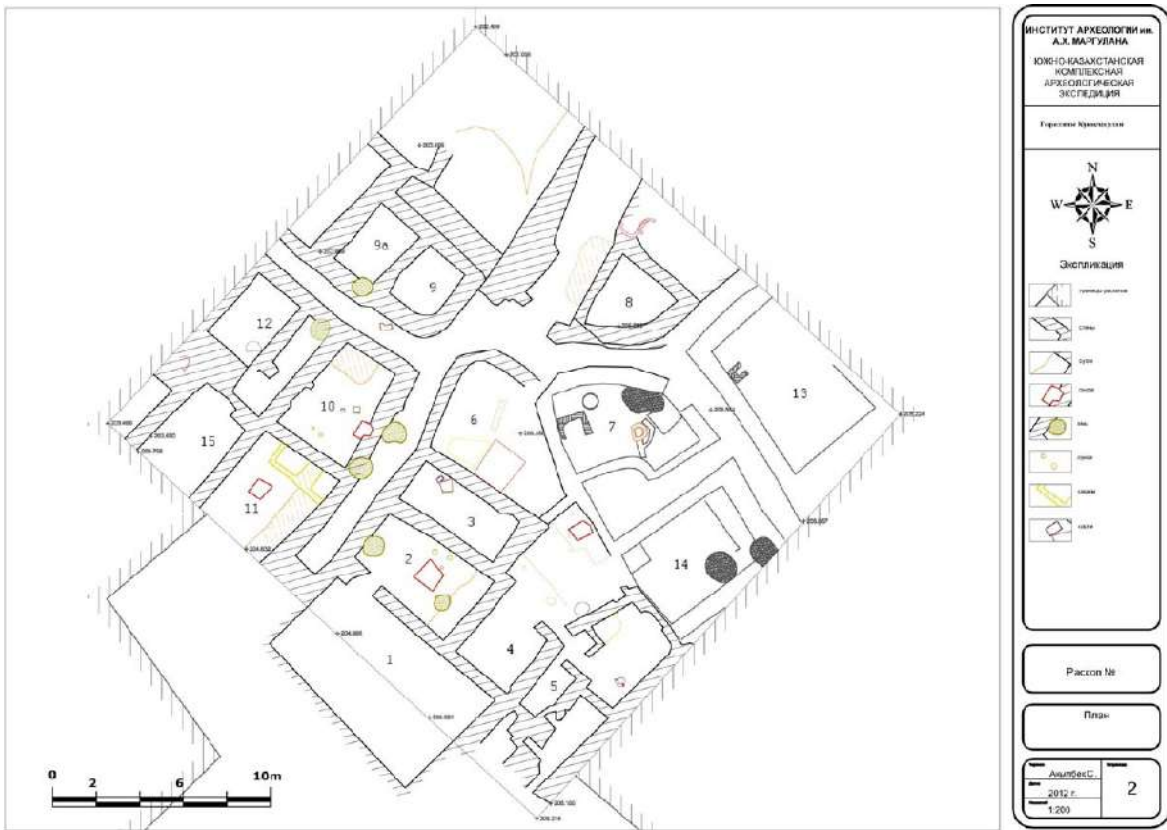

Рис. 2. План раскопа №2 2012 г.

Рис. 3. План раскопа №2 2013 г.

Рис. 4. Раскоп № 2. Помещение № 7Б

Рис. 5. Хум с тамгой (помещение № 7Б)

Рис. 6. Фрагмент кувшина

Рис. 7. Фрагмент кувшина (помещение №7Б, яма)

Рис. 8. Фрагмент кувшина
(помещение №14)

Рис. 9. Фрагмент кувшина
(помещение №13)

Рис. 10. Фрагменты крышек (яма)

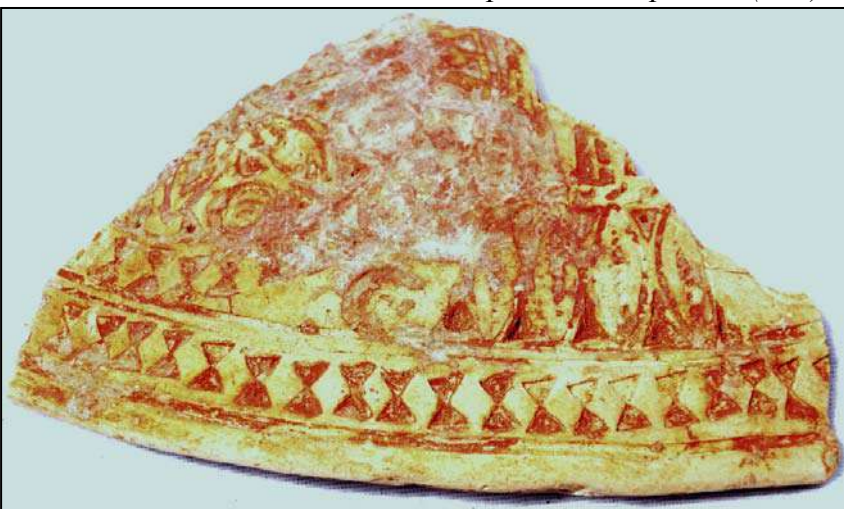

Рис. 11. Фрагмент красноангобированной крышки

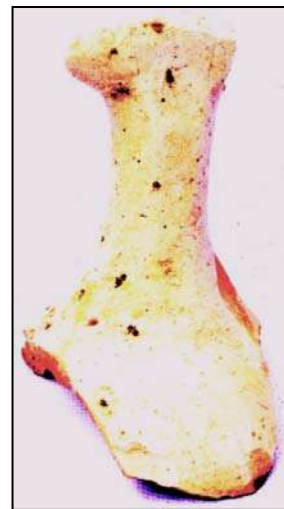

Рис. 12. Фрагмент
крышки

Рис. 13. Кружка с зубчатой ручкой (Помещение №14)

Рис. 14. Чаша из ямы

Рис. 15. Керамическая курильница (помещение №2)

Рис. 16. Стекланный стакан из ямы №2 (помещение №14)

Рис. 17. Стекланный графин из ямы №2

Раскопки 2013 года были проведены в восточной части ранее вскрытого участка (рис. 3). Проводились понижения раскопа вдоль северо-восточного и юго-восточного профиля. Вскрытия велись от восточного угла на северо-запад и юго-запад. В результате в 4-х помещениях (№7А, №7Б, №13 и №14) раскоп был углублен на глубину 1,4-2,0 м от современной дневной поверхности (от верха юго-восточной стены раскопа) до уровня третьего пола среднего строительного горизонта. Длинная дугообразная улица также была расчищена по уровню второго строительного горизонта.

В ходе понижения в юго-восточной части раскопа вскрыто помещение №13. На уровне пола 1 ССГ здесь был зафиксирован открытый двор. Было установлено, что в пределах помещения №7 находится не одно, как полагали ранее, а два помещения, которым присвоены номера «7А» и «7Б» (рис. 4).

Главная улица вскрытого участка цитадели начинается с северо-западного края раскопа и идет в восточном направлении. По ее правой стороне ее располагались домовладение №2, которое включало в себя 2 помещения (№10, №11), а также помещения №12 и №15 (в помещении №15 раскопки не производились). По левую сторону – помещения №9, которое условно названо караульным и №9А (снят только верхний слой). Протянувшись в восточном направлении на 5 метров, улица упирается в помещение №6, поворачивая в северо-восточном направлении. Здесь от нее по правую сторону расположено помещение №6, а по левую помещения №9. Далее эта улица тянется в юго-восточном направлении между помещениями №7А, №7Б, №13 и №14 (помещение №14 было вскрыто в 2013 г.). После помещения №10 от длинной улицы отходит одна улочка в южном направлении. Данная улочка проходит между домовладениями №1 и №2. Выход на нее имеет лишь кладовое помещение №3, у остальных помещений примыкающих к улочке выявить выход не удалось. Ближе к юго-западному краю раскопа, между помещениями №1 и №11 улочка забутована сырцовым кирпичом. После помещения №9 и №8 от длинной улицы отходят еще две улочки, которые протянувшись в северном направлении, уходят под срез раскопа.

Таким образом, выявленная в ходе раскопок разветвленная сеть улочек делит вскрытый участок цитадели на домовладения и отдельные помещения. Можно выделить условно два домовладения. Первое домовладение включает помещение №1 – большой зал и помещение №2 – жилая комната с суфой. Домовладение №2 состоит из двух помещений: помещения №10 и №11.

Здесь следует отметить, что помещения №1, №2, №3 и №6 расположены несколько выше, чем остальные помещения юго-восточной части раскопа.

Домовладение №1 занимает южную часть раскопа и представлено помещениями №1 и 2. Помещение №1 – большой зал и помещение №2 – жилая комната с суфой.

Помещение №1, расположенное в южной части домовладения является ранее выявленным (к данному помещению и был прирезан раскоп №2) и условно можно называть его «залом». Размеры помещения 6,5х9,5 м. Стены сложены из прямоугольного сырцового кирпича (37х20х10 см), положенного рядами «ложком» и «тычком» на глиняном растворе. С севера к помещению №1 примыкают помещения №2 и №4. Наиболее хорошо сохранились восточная и северная стены, высотой 0,5-0,7 м и шириной 0,55 м. За западной стеной помещения фиксируется улочка, которая была забутована сырцовыми кирпичами. Основной вход в помещение выявить не удалось, обнаружен лишь проход шириной 0,8 м в его северо-восточной части, в северной стенке, ведущий в жилое помещение №2. Северная стена является также общей с хозяйственным помещением №3. В результате с севера к помещению примыкает помещение №2, а с северо-востока помещение №3. Юго-западную часть помещения пререзает яма №1 (ВСГ). Яма в плане овальной формы диаметром 1,5 м.

Помещение №2 прямоугольное в плане размером 6,0х3,7 м, вытянуто с востока на запад и занимает южную часть дома. Ширина стен 0,75 -0,85 м, высота 0,4-0,8 м. С внешней стороны западной стены прослеживается улочка. У восточной стены устроена суфа шириной 1,0 м и высотой 0,15 м. На суфе в северо-восточном углу, зафиксирован завал из сырцовых кирпичей, в котором обнаружены остатки от верх-

него перекрытия в виде фрагментов древесины и следов камыша. Перед суфой, посередине выявлена яма №2, часть ямы оказалась под ней. Диаметр ямы 0,9 м и глубина 3 м. В юго-западной части комнаты зафиксирована яма №3 (ВСГ) диаметром 0,8 м, прорезавшая пол на 0,1 м. В центре помещения обнаружен напольный очаг (1x1 м) в плане подквадратной формы с округлыми углами и бортиком.

Помещение №3 – большая кладовая размером 5,5x2,0 м примыкает к домовладению №1 с севера. Южная стена помещения общая с помещением №2, имеет толщину 0,75 м. Северная стена является общей с помещением №6, толщина стены 0,6 м. С внешней стороны восточной стены расположен крытый дворик (айван). Ширина прохода в западной стене, выходящего на улочку равна 1,1 м. Стены сложены из сырца в полтора кирпича (37x20x10 см) методом тычком и ложком. В помещении зафиксированы два пола: верхний пол на глубине 0,4 м от верхней части восточной стены, а нижний на глубине 1,2 м. В северо-западной части помещения обнаружен венчик от крупного хума в перевернутом виде. Диаметр хума равен 0,8 м.

Квадратное в плане *помещение №4* (3,3x3,3 м) расположено в юго-восточной части раскопа и примыкает к домовладению №1 с востока. Западная стена (ширина 0,75 м) помещения является общей с помещением №2, южная стена (ширина стены 0,5 м) – общая с помещением №1.

С юго-востока к помещению №4 примыкает малое кладовое *помещение №5* размером 2,8x1,3 м. Вход в помещение зафиксирован в северной части помещения, который выходит на крытый дворик – айван. За восточной стеной помещения прослеживается открытая часть двора. Стены помещения сохранились на высоту 0,5 м. Ширина восточной и западной стен 0,7 м, южной – 0,6 м, северной – 0,4 м. В северо-восточном углу помещения зафиксирована печь, пристроенная к восточной стене. От нее в восточном направлении через помещение №5 уходит продух (канн). Из находок следует отметить украшение для кос и бронзовую застежку (бляшка).

При расчистке помещений найдены фрагменты хумов, кувшин, кружки и чаши, аморфные кусочки медного «лома» и монета. Из ям получены фрагменты тагоры (тазика) и мелкие фрагменты керамических изделий караханидской эпохи.

Айван – крытый дворик расположен в юго-восточной части раскопа. Размер айвана составляет 5,3x3,3 м. С северо-востока к нему примыкает помещение №14, с северо-запада ограничен открытым внутренним двориком, с юго-запада помещением №5. С запада с айвана можно попасть в помещения №4 и №5.

Восточная часть айвана имеет приподнятую на 0,2 м площадку, на которой в ЮВ части обнаружен напольный очаг, округлый в плане формы (диаметр 0,35 м, глубина 0,15 м). Очаг был заполнен угольками и золой. На ЮЗ части платформы обнаружены закрома в виде ниш. Параметры ниш 0,9x0,6x0,3 м и 1x0,8x0,3 м.

Перед платформой ниже, зафиксированы остатки тандыра, в плане округлой формы (диаметр 0,9 м и глубиной 0,5 м).

В ЮЗ части айвана, перед входом в помещение №4 зафиксирована небольшая платформа, на которой обнаружены лунки от стоек навеса. Одна лунка зафиксирована в ЮЗ углу диаметром 11 см, вторая в 2 м восточнее диаметром 30 см. В СЗ части также зафиксирована еще одна небольшая платформа, на которой обнаружена печь. Печь в плане прямоугольной формы 0,65x0,5 м. Перед печью зафиксирована еще одна лунка под стойку навеса диаметром 20 см.

Помещение №6 в плане подтреугольной формы (6,0x4,5 м) расположено в центральной части раскопа. С севера оно примыкает к кладовому помещению №3, а

с запада – к помещению №7. Северо-западная стена помещения в плане имеет форму полукруга и с внешней стороны прослеживается улочка. С целью выявления стратиграфической ситуации в южной части помещения заложен шурф размером 2,0х2,0 м. В помещение расчищен только верхний горизонт, где пол зафиксирован уже на глубине 0,1 м. Северо-западная округлая в плане стена сохранилась всего на 0,1 м. В ЮЗ части помещения фиксируется площадка в виде забутованной сырцовым кирпичом участок.

Помещение №7А верхнего строительного горизонта представляет собой трапециевидное помещение с длинным коридорообразным пространством, которое тянется с северо-восточного края помещения и ведет через входной проем (шириной 1,0 м) на основную длинную улицу.

Помещение вместе с коридором имеет размеры 3,2х6,0 м (длина юго-западной стены – 3,2м, юго-восточной стены – 6,0 м). За юго-западной стеной шириной 0,65 расположен открытый дворик. Северо-западная тонкая кривая стена (толщина 0,4-0,5 м), идущая в восточном направлении через 2,0 м плавно поворачивает в юго-восточном направлении на 1,0 м и далее снова под прямым углом поворачивает в восточном направлении и тянется еще 3,0 м, образуя вышеописанный коридор. Длина данного коридора 3,0 м, ширина 1,0 м. Пол 1 ССГ отмечен на глубине 0,1-0,25 м. Стены сложены из прямоугольного сырцового кирпича (40х22х10 см).

Вскрытия стен помещения осуществлены до глубины 1,7 м (от верха южной стены помещения). Выявлены еще два уровня полов среднего строительного горизонта. Уровень пола 2 был зафиксирован на глубине 0,5-0,6 м. Под полом зафиксирован мощный слой забутовки, состоящий из плотно-трамбованной глины с кусками сырцовых кирпичей из зеленой и коричневой глины. Под этим слоем на глубине 1,2 м (от верха южной стены помещения) залегает толстый слой грунта из рыхлых отложений и завалов стен с остатками угля и отпечатками камыша. На этом же уровне выявлена ремонтная кладка вдоль юго-восточной стены, сложенная из прямоугольного сырцового кирпича (45х23х10) в один ряд.

Раскоп был доведен до третьего уровня пола помещения. Он находился на глубине 1,7 м. При расчистке помещений среди рыхлых отложений и завалов стен встречались единичные экземпляры фрагментов керамики, принадлежащие хумам больших размеров, миниатюрным сосудам, а также фрагменты медных монет (диаметр первой 2,0 см, другой – 1,3 см).

Углубление в коридорообразном пространстве помещения позволило выявить своеобразный пандусно-лестничный спуск в него, состоящий из 3-х горизонтальных ступенек и между ними 2-х пандусов (кладка из наклонно уложенных кирпичей). Этот своеобразный пандусно-лестничный спуск, по-видимому, связан с третьим уровнем пола. В последующие периоды он остался под завалами стен, далее забутован сырцовыми кирпичами на глиняном растворе и больше не использовался.

Помещение № 7Б расположено за северо-западной тонкой кривой стеной помещения № 7А, а также имеет общую стену с помещением №6. Помещение подпрямоугольное в плане с двумя параллельными полукруглыми и двумя прямыми стенами. За северо-восточной полукруглой фасадной стеной (длина 7,5 м, ширина 0,8-0,6 м) проходит главная дугообразная улица, которая поворачивает здесь на юго-восток. Западная стена помещения (ширина 0,35 м) является общей с помещением №6 (длина 4,0 м), южная и юго-восточная – общими с помещением №7А (длина 2,5 м).

Вход в помещение шириной 2,3 м (порог со ступенями?) находился с северо-востока, ближе к восточному углу помещения.

Раскопочные работы 2013 года позволили зафиксировать в помещении № 7Б два уровня полов второго строительного горизонта. Пол №2 зафиксирован на глубине 0,5 м. На уровне пола 2 (на глубине 0,5-0,6 м от верха кривой стены помещения) расчищен глиняный тандыр и подпрямоугольный в плане пристенный очаг, встроенные в суфы.

Тандыр находится в восточной части помещения ближе к центру на глубине 55 см от верха кривой стены помещения (диаметр 75 см, сохранившаяся высота 20 см, толщина стенки 10 см). Края очага оформлены одним рядом радиально уложенных кирпичей.

Очаг подпрямоугольный в плане (1,5x1,3 м) устроен у западной стены помещения и сохранился на высоту 0,3 м. Края оформлены одним рядом кирпичей размером 40x22x10 см. Топочное отверстие расположено с боковой стороны.

При расчистке помещения получено небольшое количество керамики, среди которых преобладают фрагменты хумов. Из других находок имеются керамические пряслицы (диаметр 3,0-3,5 см, высота 1,0-1,5 см).

Большая мусорная яма №1, обнаруженная у северной фасадной стены помещения (диаметр 1,5 м) разрушила часть суфы. Она спущена от уровня пола верхнего строительного горизонта, имеет глубину 1,5 м. Яма заполнена рыхлой землей с хозяйственными отбросами в виде костей животных и фрагментов керамики ВСГ.

Следующий уровень пола, на котором обнаружен напольный очаг зафиксирован на глубине 1,05 м. Небольшой «подковообразный» в плане напольный очажок (50x40 см) был обнаружен в центральной части помещения. Он ориентирован с востока на запад.

В северо-западной части помещения найден хум большой емкости (диаметр венчика 55 см, диаметр тулова 85 см, диаметр дна 45 см), установленный у северной стены. На плечике хума имеется тамгообразный знак в виде «сердечки». Поверхность хума украшена обильными потеками темно-коричневой краски. Хум имеет ремонтные отверстия. На внутренней поверхности сохранились отпечатки пальцев.

Вдоль западной стены на глубине 1,2 м (под пристенным очагом второго уровня пола) была выявлена еще одна яма (№2). Наполненная золой яма дала богатый материал неполивной керамики.

Помещение №8 треугольное в плане с полукруглой ЮВ стеной размером 3,8x3,5 м. расположено между помещением № 13 и северным участком раскопа. С юго-востока и северо-запада помещение окружают главная улица и первая северная улочка. Вход в помещение выявить не удалось в виду того, что стены сохранились всего в один-два ряда кладки кирпича. Ширина северной и юго-восточной стен – 0,8 м, северо-западной стены – 0,5. Стены сложены из прямоугольного сырцового кирпича (37x20x10 см), положенного рядами «ложком» и «тычком».

Помещения №9 и №16 входят в северную часть раскопа, которая, как и западная его часть расположена примерно на 2,0-2,5 м ниже другой половины раскопа.

Помещение №9 расположено по левую сторону главной улицы у входа в цитадель. С юго-запада через улочку расположено помещение №10 домовладения №2, а с юго-востока через улочку – помещение №6. Помещение подпрямоугольное в плане (3,0x2,3 м), юго-восточный угол которого слегка скруглен. Юго-западная (толщина 1,0 м) и юго-восточная (толщина 0,7 м) стены помещения являются фасадными. Стены сохранились всего в один-два ряда кладки кирпича от пола 1 среднего строительного горизонта.

В юго-западной части помещения №16 с внешней стороны западной стенки, зафиксирована ямы (ВСГ). Диаметр ямы 0,9 м, глубина 0,35 м.

Западная часть раскопа представлена домовладением № 2 и помещениями №12 и №15.

Домовладение №2 включает в себя помещения №10 и №11.

Помещение №10 (5,5x3,5 м) занимает северную половину домовладения, с севера через улочку напротив него расположено караульное помещение №9, а с востока помещение №6, южная стенка общая с помещением №11. Ширина стен помещения составляет 0,7-0,9 и 0,8-0,9 м. Сохранившаяся высота стен от 0,1 до 0,4 м от уровня пола 1 ССГ.

В центре помещения в южной половине зафиксирована донная часть хума диаметром 0,4 м. Восточная и западная стены помещения имеют ниши глубиной 0,1 м и шириной 0,45 м, на одной из которых, найдены остатки от напольного переносного очага. Восточная стена частично разрушена двумя мусорными ямами диаметром 0,9 м верхнего строительного горизонта. Другая – яма диаметром 0,9 м и глубиной 0,5 м была обнаружена в северо-западной части помещения с внешней стороны западной стенки. В северо-западной части помещения имеется суфа (2,0x1,3x0,2 м).

Помещение №11 (4,5x3,7 м) расположено за южной стеной помещения №10 и занимает южную половину домовладения №2. Ширина стен – 0,5-1,1 м. Пол помещения зафиксирован на уровне 0,1-0,2 м от современной дневной поверхности.

Северная часть помещения занята тремя ларями прямоугольной в плане формы. Первый ларь размером 1,4x1,0x0,65 расположен в СЗ углу. Стенки его обложены сырцовыми кирпичами. Второй ларь размером 1,8x1,3x0,9 м примыкает к первому с восточной стороны, они разделены стенкой в 0,25 м. Восточная стенка его имеет ступени. И третий ларь занимает СЗ угол помещения, который забутован сырцовым кирпичом.

Вдоль восточной стены располагалась суфа шириной 0,9 м. Часть суфы разрушена ямой №8 ВСГ диаметром 0,9 м, глубиной 2 м. В центре помещения находилась печь подквадратной в плане формы с округлыми углами и топочной частью, сохранившейся в виде лунки с золой. Размер печи 1x1 м. С северной стороны к печи пристроен напольный очаг, размером 0,4x0,4 м.

Помещение №12 выявлено за пределами цитадели, в южной части раскопа по правую сторону главной улицы, которая ведет в цитадель. С внешней стороны восточной стены предположительно расположена еще одна улочка. Размеры помещения 3,8 x2,7 м. Ширина восточной стены составляет 0,5 м, высота 0,3 м, южной и северной – 0,8 м, сохранившаяся высота 0,1 м, а западная частично осталась в бровке раскопа. В юго-восточной части помещения обнаружены остатки перевернутого хума.

Помещение №13. Как было отмечено, оно занимает северо-восточный угол раскопа. Размеры помещения 7,1x4,95 м. Ширина западной стены составляет 1,0 м, остальные стены имеют ширину 0,7-0,6 м. Часть северной стены помещения оказалась под северо-восточный срез раскопа. Стены помещения сложены из сырцового кирпича размером 38-39x22x10 м. В прошлом сезоне раскоп был углублен на 0,5 м. В полевом сезоне 2013 года углубления были продолжены и раскоп доведен до уровня третьего пола среднего строительного горизонта.

В ходе горизонтальной зачистки в юго-западном углу помещения вдоль западной стены выявлена суфа длиной 1,2 м, шириной 0,8 м и высотой 0,2 м. Она сложена сырцовых кирпичей размером 28-30x25x8 см. На суфе сохранились остатки под-

ковообразного очажка. Часть северной стены и восточный край суфы были разрушены поздней могилой, спущенной сверху. Ближе к юго-западному углу на расстоянии 0,6 м от западной стены обнаружена донная часть хума диаметром 0,38 м. Он находится на высоте 0,3 м от поверхности пола 2. Внутри хума зафиксированы остатки золы и угля. Рядом с ним зафиксированы остатки очага, устроенного на пахсовой тумбообразной конструкции высотой 0,3 м.

На глубине 0,7 от поверхности юго-западной стены был выявлен пол 2. Толщина пола около 0,25-0,3 м, вымощен крупными кусками сырцовых кирпичей. Местами использованы и целые кирпичи. В восточной части помещения пол срезает поздняя мусульманская могила. Под полом залегают рыхлый грунт, который содержит небольшое количество фрагментов керамики, угольки и кости животных. Пол 3 фиксируется на глубине 1,3 м от поверхности юго-западной стены помещения. На глубине 1,45 м стены ССГ заканчивается. Среди немногочисленных находок следует отметить фрагменты хумов, горшков, крышек, красноглиняной тонкостенной и краснолощеной керамики.

Помещение №14 размером 5,9x4,2 м расположено в юго-восточной части раскопа Стены сложены из сырцовых кирпичей размером 37-40x22x10 см. Юго-восточный угол помещения остается под юго-восточный срез раскопа. Южная стена шириной 0,6 м имеет ремонтную кладку из горизонтально уложенных сырцовых кирпичей размером 45x22x10 см. Вдоль этой стены устроена суфа шириной 0,9 м, сложенная из сырцовых кирпичей. Размеры 33x23x10 и 35x23x10 см. Остатки суфы шириной 0,95 м сохранились вдоль СЗ стены. Полностью сохранилась суфа вдоль восточной стены. Она была выявлена на глубине 0,1 м и продолжает прослеживаться ниже до глубины 1,0 м. Ширина ее 0,9 м. При выравнивании почвы для новых построек развалы стен забивали лёссовой глиной так, что суфы почти не расчищаются. Проследить границы суф можно только по кладкам кирпичей.

На глубине 0,5 м обнаружены две ямы (№1 и №2). Первая разрушила углы ЮВ и СВ стен помещения, а яма №2 прорезает суфу вдоль ЮВ стены. Диаметр первой ямы 1,0 м, глубина 0,4 м. В яме №1 ничего не было обнаружено. Вторая оказалась мусорной ямой, которая дала богатый материал неполивной керамики и стеклянной посуды. Она в плане овальной формы диаметром 1,5 м, глубина 3,3 м. В западной части помещения ближе к его западному углу была обнаружена третья яма (№3). Диаметр ямы 1,35, глубина 0,5 м Она прорезает верхнюю часть западной стены.

Здесь также зафиксированы два уровня полов. Пол 1 находится на глубине 1, 0 м от поверхности ЮВ стены, пол 2 – на глубине 1, 45 м. Ближе к центру на восточной половине помещения (пол 2) были зафиксированы следы напольного подковообразного очажка размером 0,5x0,4 м.

При расчистке помещения №14 было найдено небольшое количество керамической посуды. Это в основном фрагменты хумов, хумчей, чернолощеной кувшин с раздутым туловом, чернолощеной кружка с одной кольцообразной зубчатой ручкой и геометрическим орнаментом. Большую часть находок составляет археологический материал, полученный из мусорной ямы №2.

В ходе раскопок помещений была найдена керамика, изделия из стекла, несколько экземпляров медных монет, пряслицы и керамическая курильница. Основная масса находок из раскопа №2 происходит из мусорных ям верхнего строительного горизонта. Они дали наряду с богатым керамическим материалом интересную коллекцию стеклянных изделий. Археологический материал, полученный из культурного слоя, незначителен и представлен керамикой среднего строительного горизон-

та. Среди керамики, происходящей из слоя, преобладают фрагменты тарной посуды. Чаще всего это фрагменты хумов и кувшин. Кухонная керамика представлена котлами, горшками, крышками. Из столовой посуды присутствует небольшое количество горшков, кружек и мисок. Поливная керамика отсутствует.

Хумы. Для них характерны массивные подтреугольные, квадратные и прямоугольные венчики, отогнутые, с наклонными или прямыми пальцевыми вдавлениями. Наружная поверхность, иногда внутренние края венчиков покрыта красным или светло-серым ангобом. Некоторые украшены обильными потеками темно-коричневой краской. Диаметр венчика от 36 до 42 см. Большой хум с широкими, слегка покатыми плечиками был найден на полу помещения №7Б. Диаметр венчика 55 см, диаметр дна 45 см. Обжиг красноватый. Массивный венчик прямоугольный в сечении, слегка отогнутый. Тулово грушевидное (диаметр 85 см), ко дну сужается. Горловина выражена слабо. Поверхность хума украшена обильными потеками темно-коричневой краски. Хум имеет ремонтные отверстия. На дне остались отпечатки пальцев. На плечико хума нанесен прочерченный орнамент – тамгообразный знак в виде «сердечка» (рис. 5).

Кувшины. Подавляющее большинство кувшинов происходят из ям. Среди них имеются экземпляры с высокой узкой горловиной и массивной широкой ручкой (рис. 6). Они изготовлены из хорошо отмученного теста. Поверхность покрыта светло-серым ангобом, иногда с потеками темной краски. Скругленная закраина треугольная в сечении. Диаметр горловины 5-6 см. Коленчатая ручка с выпуклой спинкой верхним концом прикреплена у края горловины, а нижний – в верхней части тулова. Аналогичные формы широко распространены в Отрарском оазисе в X-XI вв. (Байпаков, 1990. С. 126; Смагулов, 2011. С. 57-79, рис. 9, 3).

Имеется фрагмент кувшина, изготовленного на круге из хорошо отмученной светло-серой глины с примесью песка. У него широкая цилиндрическая горловина со скругленной прямоугольной закраиной (диаметр 10 см). Корпус шаровидный. Плоская в сечении коленчатая ручка прикреплена у края горловины. Аналогии данным сосудам известны в материалах X-XII вв. городищ Среднего течения Сырдарьи.

Другой фрагмент водоносного кувшина с шарообразным туловом изготовлен из хорошо отмученного, почти без примеси теста, обжиг светло-коричневый, покрыт светло-серым ангобом. Венчик и придонная часть не сохранились. Кувшин украшен расписным орнаментом. Роспись нанесена темно-коричневой краской (рис. 7).

Единичными экземплярами представлены обломки тонкостенных лощеных кувшинов. Один из них найден в слое второго уровня пола помещения №14. Сохранились только корпус и нижняя половина ручки (рис. 8). Это кувшин с выделенной (возможно цилиндрической) узкой горловиной и раздутым зауженным ко дну туловом. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины с примесью песка, темно-серого обжига. Поверхность сосуда покрыта черным ангобом и лощением. От другого тонкостенного узкогорлого чернолощеного кувшина с цилиндрической горловиной сохранился только венчик. Закраина венчика чуть отогнута наружу. Диаметр венчика 10 см. Горло высокое, прямое.

Одним экземпляром представлен фрагмент краснолощеного кувшина (помещение 13, пол 2). У него узкое горло (диаметр 3,5 см) орнаментировано рифлением. На плечиках также имеется геометрический орнамент в виде не замкнутых треугольников. Аналогичные сосуды с высокой рифленой горловиной бытовали в Отрарском оазисе в VI-VIII вв. (рис. 9).

Горшки. Кухонные горшки изготовлены на гончарном круге, тонкостенные из грубоватого теста с большим количеством примеси. Черепок в изломе серого цвета. С обеих сторон покрыт красновато-коричневым ангобом, который закопчен на внешней поверхности. Один из горшков с выделенной горловиной диаметром 17 см и отогнутой наружу закраиной подтреугольной в сечении. Сосуд имеет выпуклое шаровидное тулово. Другой горшок со слабовыраженной высокой прямой горловиной диаметром 24 см и со слегка отогнутой наружу закраиной подтреугольной в сечении. Оба горшка найдены в помещении №14, на уровне пола 2.

Много фрагментов горшков из хозяйственных ям. Они представлены в основном округлыми формами с выпуклым зауженным ко дну туловом. Имеют довольно крутые плечики, выраженную горловину с закраиной отогнутой наружу. Сосуды формованы на гончарном круге и довольно тонкостенные. Обжиг темно-серый или черный. Поверхность сильно закопчена. Диаметр горловины от 16 до 22 см. Имеется горшок, сделанный вручную из грубого теста с большой примесью дресвы и шамота. Коленчатая ручка укреплена к верхней части тулова и под закраиной. Поверхность горшка с обеих сторон покрыта серым ангобом и сильно закопчена. Одним экземпляром представлен чернолощенный тонкостенный столовый горшок с прямой горловиной с прямоугольной закраиной в сечении. Края горловины украшены горизонтальным валиком с пальцевыми вмятинами.

Крышки в основном полусферической формы разных размеров. За исключением одного, все они происходят из хозяйственных ям. Большинство из них небольшого диаметра (15-20 см). Они грубоватой выделки, с прочерченным орнаментом в виде косых насечек. Орнамент иногда покрывает всю поверхность крышек, иногда украшены только края крышек и ручек. Судя по остаткам копоти на поверхности, ими закрывали горшки и котлы. Некоторые из них имеют отверстия для выхода пара. Ручки в основном конусообразной, цилиндрической и грибовидной формы. Имеются крышки, сделанные из грубого теста с обильными примесями дресвы и шамота, слабо обожженные без орнамента с цилиндрической ручкой.

Крышки полусферической формы, грубой лепки с резным и прочерченным орнаментом, который состоит из полукружий, треугольников, прямых линий следует отнести к VIII-X вв. (рис. 10).

Среди полусферических крышек встречаются красноангобированные массивные изделия диаметром более 30 см. На них следы копоти отсутствуют. Внешняя поверхность покрыта густым красновато-коричневым ангобом. Ободок ее украшен пояском X-образных знаков. Внутри имеются крупные многолепестковые розетки, вписанные в круг X-образных знаков. Между листьями розеток, расположены солярные знаки, а между кругами X-образных знаков – группы лепестков и одиночные солярные знаки. Техника нанесения орнамента – штамп и резьба (рис. 11). Крышки с подобной техникой и мотивом орнаментации датируется IX-X вв.

Имеется фрагмент ручки от сферической крышки с зооморфным навершием (помещение №13, пол 3). Крышка изготовлена из плоской хорошо отмученной красной глины. Внешняя поверхность покрыта светло-серым ангобом (рис. 12).

Кружки и миски. Незначительным количеством представлены кружки. Одна из них найдена в помещении № 14 (пол 1). Кружка ручной лепки с округлым туловом, ребристой поверхностью в средней части и низкой расширяющейся вверх горловиной (рис. 13. Диаметр края 6,5 см, диаметр дна – 4,5 см, высота 7,5 см. Она снабжена кольцеобразной зубчатой ручкой. Горловина верхней части тулова украшена геометрическими мотивами и прочерченным орнаментом в виде пояса

елочек. Поверхность кружки покрыта черным ангобом и залощена. Ангоб захватывает и внутренний край горловины. Кружки с зубчатыми ручками, со сходными узорами орнаментации хорошо известны в Отрарском оазисе из слоев VII-IX вв. (Байпаков, 1986. С. 104; Байпаков, 2005. С. 144, рис. 38-40).

Имеется еще один фрагмент чернолощенной кружки со слегка отогнутым наружу венчиком. Верхний конец петлеобразной ручки расположен у закраины, а нижний конец – в верхней части тулова. Такие кружки встречаются в комплексе керамики Отрара IV-VII вв.

Встречаются фрагменты тонкостенной красноглиняной посуды: венчики придонные части кружек и венчик миски (помещение №14, пол 3). Все они имеют прямую горловину со слегка отогнутой закраиной и покатые плечики. Кружки изготовлены на круге, из хорошо отмученного теста почти без примеси. Черепок в изломе светло-красного цвета. Поверхность сосудов с обеих сторон покрыта красным ангобом. Одна из кружек имеет прямую горловину со слегка отогнутой закраиной и покатые плечики. Диаметр венчика 8 см. Поверхность снаружи покрыта темноватой красной краской и залощена. У второй кружки (помещение №1, пол 3) аналогичной формы и размера основание горловины подчеркнуто двумя каннелюрами. Подобные кружки известны в материалах VII-VIII вв. Отрарского оазиса.

В коллекции керамики VII-VIII вв. имеется фрагмент красноглиняной миски с прямой закраиной диаметром 40 см, сделанной на гончарном круге. В тесте имеется небольшое количество примеси мелкого песка.

Чаши имеют полусферическое тулово, с прямой или слегка вогнутой закраиной (рис. 14). Диаметр – 16-30 см. Черепок в изломе светло-коричневый или коричневый. Поверхность чаш покрыта светлым ангобом. Наружная поверхность украшена потеками темно-коричневой краски. Чаши изготовлены из тщательно отмученной глины без примесей, обжиг светло-коричневый, формованы на круге. Все они получены из хозяйственных ям.

Имеются фрагменты широкогорлых сосудов диаметром 30 см с сильно суживающимся ко дну туловом, сделанные на круге. Венчик сосуда треугольной формы, плоской закраиной. Края закраины украшены пояском вдавленного волнистого орнамента. Поверхность сосудов покрыта красным ангобом.

Среди керамики, собранной из хозяйственных ям есть обломки дастарханов. Диаметр венчика одного из них 42 см. Низкий бортик венчика высотой 3 см вогнут вовнутрь. Поверхность изделия по краям украшена пальцевыми ямочными вмятинами, остальная часть заполнена штампованным орнаментом в виде кружков, заполненных лепестками.

В отдельную группу керамических изделий относится целый экземпляр чашевидной курильницы на трех ножках (рис. 15). Она была найдена в помещении №2. Чаша-резервуар курильницы сильно закопченная.

Сосуды из стекла представлены толстостенными стаканами (целых – 3 экз.), кружками, тонкостенными графинами (1 экз.) и обломками сосудов из полупрозрачного стекла. Стаканы цилиндрической формы с вертикальными стенками, некоторые из них имеют снаружи рельефный орнамент в виде пчелиных сот (рис. 16). Высота и диаметр одного из стаканов – 5 см, других – 7 см. Цвет стекла – болотно-зеленый и темно-синий. Графин с округлым туловом и широкой горловиной в виде раструба изготовлен из ярко синего полупрозрачного стекла. Коленчатая ручка соединяет венчик с туловом в месте наибольшего диаметра. Высота 11 см, диаметр тулова 8 см. Тулово покрыто рельефным орнаментом, горловина гладкая (рис. 17).

Встречаются фрагменты тонкостенных сосудов с шишечкой на ручке. Аналогичные формы стеклянных изделий представлены в коллекции стекла из городищ Куйруктобе, Отрар, Алтынтобе и датируются XI-XII вв. (Байпаков, 1986. С. 164-166; Смагулов, 2011. С. 57-79, рис. 6).

Таким образом, верхний строительный горизонт рассматриваемого объекта представлен комплексом керамики из мусорных ям. Помимо керамики в комплексе этого горизонта имеются пряслицы, монеты и стеклянные изделия. Керамические сосуды этой группы находят широкие аналогии в материалах городищ Среднего течения Сырдарьи IX-XII вв.

Средний строительный горизонт вскрытых помещений представлен небольшим количеством керамики, в основном VI-VIII вв. Характерная особенность керамического комплекса – это наличие небольшого количества хумов, в том числе с тамгой, единичные фрагменты кувшинов с высокой рифленой горловиной, кружек с кольцеобразной зубчатой ручкой, горшков и курильницы на трех ножках.

Использованная литература

- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. //Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Каз. ССР. Т. 5. 1958. С.86-88.*
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XII в.). Алма-Ата: Наука, 1986.*
- Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата: Наука, 1990.*
- Байпаков К.М., Воякин Д.А., Смагулов Е.А. Отрарский оазис: городища Куик-Мардан, Алтынтобе, Жалпактобе. Алматы: Баур. 2006.*
- Байпаков К.М. Городище Куйруктобе –город Кедер. Алматы, 2005. С.144. Рис. 38-40.*
- Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007. С.130-137 .*
- Смагулов Е.А. Археологические исследования городища Алтынтобе в Отрарском оазисе: находки // Известия МОН РК, НАН РК. Сер. общественных наук, №3, 2011. С. 57-79.*

ЎТРОР ВОҲАСИНИНГ КУЮК МАРДАН ЁДГОРЛИГИДА ОЛИБ БОРИЛГАН ЯНГИ АРХЕОЛОГИК ТАДҚИҚОТЛАР

Мақола Куюк Мардон ёдгорлигида Жанубий Қозоғистон комплекс археологик экспедицияси томонидан олиб борилган янги қазув тадқиқотлари натижаларига бағишланган. Тадқиқотларнинг асосий мақсади Ўтрор воҳаси илк ўрта аср шаҳарларининг турар жойлари хусусиятлари ҳамда маъмурий ва диний мажмуаларини аниқлаш ва уларга ойдинлик киритишдан иборат.

THE NEW ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES OF KUYUK-MARDAN SITE IN OTRAR OASIS

This article deals with the results of new researches of Kuyuk-Mardan site conducted by South Kazakhstan complex archaeological expedition. The main objective of the study was to obtain new data on the nature of residential buildings, as well as identifying the administrative and temple complexes of early medieval city of Otrar oasis.

Е.А. Армарчук
Институт археологии РАН
(г. Москва, Россия)

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА IX-XI ВВ. С ГОРОДИЩА САДВАР НА ЮГЕ ХОРЕЗМА

В ходе раскопок Хорезмской экспедицией ИЭ АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук) средневекового городища Садвар в 1972-1975 гг. под руководством Н.Н. Вактурской поливная керамика была обнаружена на разных его объектах: на центральном участке – т.н. «цитадели», в насыпи северо-восточного отрезка рва вокруг неё и в двух кварталах рабада (Вактурская и др., 1973; Вактурская, 1974; 1975; 1976). В целом, эта керамика малочисленна по сравнению с неполивной и изучена не в полном объёме, и поэтому нуждается в публикации для введения в научный оборот. Её датировка укладывается в рамки IX-XI вв. Небольшая группа изделий, найденных в верхних слоях раскопов 2 и 4 на центральном участке, относится к XII – началу XIII в. и не будет рассматриваться в данной статье.

Садварская поливная керамика дошла до нас почти при отсутствии целых форм в виде фрагментов, тем не менее, позволяющих определить категорию и форму изделий. Она представлена столовой посудой - тонкостенными чашами и пиалами, тарелками и кувшинчиками наряду с несколькими светильниками-чирагами. Преобладающими являются чаши на низком дисковидном или дисковидно-вогнутом поддоне с выпуклыми стенками и прямым или чуть загнутым внутрь краем, т.н. «сегментовидной»¹ формы. Другую форму - коническую с резким изломом прямых стенок в нижней трети высоты сосуда - демонстрируют чаши, заметно уступающие по численности сегментовидным. Тарелки, кувшины и светильники представлены единичными находками. Вся поливная посуда сделана на гончарном круге из хорошо промешанной однородной глины без заметных на глаз примесей, которая после обжига приняла розовый, красновато-розовый или кремовый цвет черепка и поверхности. У большинства чаш глазурью покрыта внутренняя и внешняя (иногда частично) поверхность, у кувшинов глазурование варьирует и будет описано ниже. К сожалению, не располагая аналитическими данными о составе формовочных масс и кроющих глазурей, мы не можем оперировать точными их определениями. Как принято, посуда классифицируется по технологическим признакам – характеристикам ангоба (включая его отсутствие), глазури (качество, цвет), способа и цветовой гаммы росписи.

1. Без росписи с прозрачной бесцветной глазурью по белому ангобу

Эта группа представлена тремя изделиями, покрытыми ангобом и глазурью с обеих сторон.

1 – небольшая площадка конической формы высотой 3,2 и диаметром 8 см, с плоским дном диаметром 5,5 см и прямыми стенками со слегка скошенным наружу краем (рис. 1, 5). По форме, цвету ангоба и качеству глазури она сопоставима с чашечкой X в. из Афрасиаба, в отличие от садварской украшенной одноцветной над-

писью; по технологическим характеристикам полностью совпадает с конической чашечкой типа I.1.ZAa оттуда же (Шишкина, 1979. Табл. XIII-12, XIV-7). Найдена в траншее раскопа 3 на центральном участке городища на глубине 80 см.

2 – фрагмент мелкого открытого сосудика с устьем диаметром 6,5 см, округлыми стенками и припухлым венчиком (рис. 1, 4). Глазурь тронута иризацией. Обнаружен при расчистке обжигательной камеры горна №2 в гончарном квартале у реки, за пределами города. Н.Н. Вактурская на основании находок обломков яйцевидных хумов в его заполнении датировала горн IX-XI вв.

3 - фрагментированная пиала сегментовидного профиля диаметром 12 см, дно которой не сохранилось (рис. 1, 1). Глазурь тонкая, блестящая. Технологически идентичные, но конические чашечки-пиалы под бесцветной глазурью без росписи типа I.1.ZA.a, по Г.В. Шишкиной, изготавливались афрасиабскими гончарами в XI в. (Шишкина, 1979. Табл. XIV-6, 7). В нашем случае из-за неполной сохранности пиалы нельзя утверждать, что она не имела локального рисунка на дне или стенках. Найдена в шурфе 2 в северо-восточном рву «цитадели».

II. С монохромной (коричневой или черной) росписью по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью

Глазурь на посуде этой группы характеризуется ярким и чистым блеском и тонким слоем, что обычно отличает свинцовые глазури. Одноцветная роспись иногда дополняется единичными крапинами-пятнами другого цвета. К ней относятся следующие изделия.

1 – два фрагмента ангобированной с обеих сторон конической пиалы диаметром 14 см с изломом стенок внизу (рис. 2, 1). Пиала украшена внутри вдоль края арабской надписью черной краской курсивом, обращённой верхушками букв к центру сосуда. Идентичная, но помещённая по линии через центр сосуда надпись имеется на фрагменте чаши из Джигербента, относящейся к X – началу XI в. (Вишневецкая, 2001. Рис. 28, 2. С.70). Надпись на садварской пиале соответствует почерку и манере письма широким мазком, которыми в это время пользовались гончары многих производственных центров Средней Азии. Как наиболее близкие назову кружку первой половины X в. из Чача (Брусенко, 1986. Табл. 36-10) и чаши из Мерва, датировка которых укладывается во вторую половину X - начало XI в. (Лунина, 1962. Рис. 20 - слева вверху; Филанович, 1974. Рис. 36, 5). В X в. мастера Чача, Мерва и Согда располагали надписи аналогично по кругу на бортах чаш и тарелок, а также по стенкам и плечикам кувшинов, альбарелло и кружек (Брусенко, 1986. С.55. Табл. 23, 2, 5, 36-1-6, 41-1, 2, 6; Лунина, 1962. Рис. 18-20; Шишкина, 1979. Табл. LI-LVII). Исследования афрасиабских материалов Г.В. Шишкиной показали, что курсивное письмо на согдийской поливной керамике появляется не раньше X в., причем вплоть до его конца буквы располагались верхушками к центру чаши, в отличие от обратного расположения в XI в. (Шишкина, 1979. С. 53, 56. Табл. XXXV-1, LIV-3, 4). Эти наблюдения позволяют датировать садварскую пиалу X веком. Найдена в раскопе II на городище, кв. 1-4.

2 – фрагмент ангобированной с обеих сторон сегментовидной пиалы диаметром 9,5 см со слегка развернутым краем. Внутри по вертикали, от края к центру, располагается нанесённый тёмнокоричневой краской узор в виде прямой нити-линии с примыкающими к ней угловатыми штрихами (рис. 2, 2). Благодаря визуально близкому, эпиграфическому декору на чачских и афрасиабских сосудах X в. данный узор можно трактовать как сильно упрощённую псевдонадпись (Шишкина, 1979. С. 54. Табл. LIV-2, LV-1, 2, LXI-1, 3; Брусенко, 1986. С. 55. Табл. 13-5). Стилизация

надписей более характерна для конца этого века и проиллюстрирована также хорезмской посудой из Замахшара (Вактурская, 1959. Рис. 9-1). Найден на поверхности «цитадели».

3 – чаша диаметром 20 см, дно с придонными стенками утрачено (рис. 2, 3). Ангобирована с обеих сторон. Внутри расписана коричневой краской следующим образом: вдоль края шестью отрезками выведен зубчатый бордюр, прямая линия пересекает сосуд по хорде, вдоль неё расположена отрезком широкая орнаментальная полоса с внутренним заполнением тонкими вертикальными штрихами и завитком, нанесённым жирным мазком. Возможно, это остатки надписи или псевдонадписи, поскольку завиток напоминает верхушку буквы в стиле цветущего куфи. Подобное расположение эпиграфического орнамента, то есть радиальным отрезком от края к центру сосуда или по диаметру (как у предыдущего фрагмента), встречается на чашах X в. из Чача, Самаркандского и Бухарского Согда, Мерва, Кердера и самого Хорезма (Брусенко, 1986. Табл. 4-6, 11-2; Пайкенд, 2003. Рис. 80-5; Лунина, 1974. Рис. 6. С. 190; Вактурская, 1959. Рис. 9-1, 17-5, 6; Искандерова, 2003. С.128). Примером декоративной композиции с таким элементом в центре является чаша конца IX - начала X в. из Афрасиаба, где орнаментированный участок-полоса заполнена похожими завитками, а борта украшены изображениями двух букетов (Шишкина, 1979. Табл. LXII-4. С. 57). Найдена в раскопе II на городище, кв. 1-4.

4 – фрагмент дисковидно-вогнутого поддона диаметром 8 см, принадлежавшего чаше или блюду (рис. 2, 4). Рисунок коричневой краской в виде крупной жирной куфической надписи в центре сосуда дополнен красной крапиной-горошиной. Наиболее вероятно, что это остатки благопожелания «ал-йумн», одного из самых употребляемых в керамическом декоре X-XI вв. в Средней Азии, где расположение различных надписей на дне чаш практиковалось с IX в. (Шишкина, 1979. С. 10. Табл. I-36, LI-1, LX-3; Брусенко, 1986. Табл. 17-1, 5; Вишневская, 2001. Рис. 28-9). Найдена в верхней части керамической забутовки в траншее 2 через северо-восточный ров «цитадели».

5 – дисковидное донце диаметром 8,8 см от чаши или блюда (рис. 3, 7). Из центра радиально расходятся восемь дуговидных лучей, нарисованных коричневой краской толстой кистью, которые делят поле сосуда на восемь чередующихся секторов, широких и узких. Многосекторная композиция часто встречается в декоре поливной керамики Согда и Чача X-XI вв. (Шишкина, 1979. Табл. III а 12; Брусенко, 1986. Табл. 10-15). Найдено в раскопе II на городище, кв. 1-4.

6 – дисковидно-вогнутое донце диаметром 7,2 см с коричневой росписью в виде прямого креста, между лучами которого помещены овальные контурные фигуры (рис. 3, 5). Рисунок сделан толстой кистью. Такой же узор на дне поливной чаши X – начала XI в. встречен в Пайкенде (Пайкенд, 2003. Рис. 80-16). Найдено в раскопе II на городище, кв. 1-4.

7 – донце ангобированной с обеих сторон чаши с дисковидным поддоном, на котором контурно, друг к другу спинками изображены темно-коричневой краской парные птицы (рис. 3, 8). Показательны миндалевидные крылья, «оторванные» от корпуса и декорированные внутри спиралью и параллельными штрихами. Такие миндалевидные фигуры использовались как самостоятельные элементы в орнаментике хорезмской и согдийской поливной посуды в X-XI вв. В последней фигурировал и мотив парных птиц, который отсутствует на замахшарских и джигербентских чашах (Вактурская, 1959. Рис. 8-1, 10-2, 16-1; Вишневская, 2001. Рис. 26-5; Шишкина, 1979. С. 60. Табл. I-26, II-73, LXVIII-7, 8). Цветовая гамма, общая манера и от-

дельные детали рисунка на садварском фрагменте более всего сближают его с изображениями птиц на керамике X-XI вв. из Мерва и Новой Нисы, выполненными тёмной краской по белому фону (Лунина, 1962. Рис.17. С. 248; Массон, 1949б. Рис. 15, 16). Сходство же с пернатыми на чашах из Замахшара отсутствует (Вактурская, 1959. Рис. 15, 18-34). Возможная семантика данного конкретного сюжета рассматривалась мною ранее в отдельной статье, здесь же можно повторить предположение, что на садварской чаше нарисованы голуби (Армарчук, 1992. С.144-145). Найдено в раскопе II на городище, кв. 1-4.

8 – фрагменты венчиков двух ангобированных с обеих сторон чаш диаметром 23 и 24 см с коричневой росписью. Внутренний край обеих украшен зубчатым бордюром. На стенке первой чаши нарисована радиальная линия с коричневыми крапинами-горошинами вдоль неё (рис. 3, 4). Возможно, этот рисунок тоже подразумевает «ветку» с двумя рядами крапин-листьев, подобную той, что украшает чашу из Замахшара (Вактурская, 1959. Рис. 12-5). В Чаче в качестве самостоятельного элемента декора дна поливных чаш этот мотив известен с IX в., также он встречен на ранней поливной керамике IX в. из Джигербента, но в обоих случаях связан с посудой иной технологической группы (Брусенко, 1986. Табл. 28-4; Вишневецкая, 2001. Рис. 22-6. С. 59). Найдена в яме 5 раскопа I на городище.

Вторая чаша украшена изображением двух крупных завитков, нанесённых толстыми мазками и образующих округлую разомкнутую фигуру с пятном внутри (рис. 3, 1). Аналогичные фигуры размещены на дне замахшарской чаши и использованы в орнаментике мервских и афрасиабских изделий X-XI вв. (Вактурская, 1959. Рис. 14-5; Лунина, 1969. Рис. 23; Шишкина, 1979. Табл. 1-18). Найдена в шурфе 2 в северо-восточном рву «цитадели».

9 – фрагменты сегментовидных чаш диаметром 20 и 22 см с горизонтальными орнаментированными зонами на стенках. Найдены в раскопе II на городище, кв.1-4. У одной чаши рисунок выполнен коричневой краской - это двойные линии по окружности, между которыми помещены вертикальные дуговидные, спиральные и горизонтальные прямые штрихи разной толщины (рис. 3, 2). На другой чаше роспись сделана красной краской и представляет одинарную жирную линию по окружности, окаймляющую округлые мазки, на берёжке расположены коричневые крапины (рис. 3, 3). Характер рисунка обеих чаш геометрический.

10 - стенка сосуда с силуэтным рисунком спирально закрученного побега с трёхчастной пальметтой на конце (рис. 3, 6). Точно такие же побеги можно видеть на чашах X в. из Чача, подобные – на афрасиабской посуде (Брусенко, 1986. Табл.11-2, 23-10; Шишкина, 1979. Табл. I-1). Найдена в раскопе II на городище, кв. 1-4.

III. С двуцветной (красно-коричневой, красно-чёрной) росписью по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью

Глазурь изделий этой группы визуально не отличается от глазури предыдущих групп и с большой вероятностью её тоже можно считать свинцовой. В основном, роспись коричневая с красным, но в отдельных случаях вместо коричневой краски использована чёрная.

1 – целая чаша диаметром устья 28, дна 11,5 см и высотой 9 см (рис. 4, 1). Поддон дисковидно-вогнутый. Основным рисунком являются два переплетённых овала, образованных широкими, оконтуренными тонкой линией полосами ангобного фона, концы которых оказались, как бы обрезаны краем сосуда. Центр чаши занимает круговая спираль из тонкой линии, а в промежутках между концами овалов находятся сердцевидные фигуры, нарисованные такой же тонкой спирально закру-

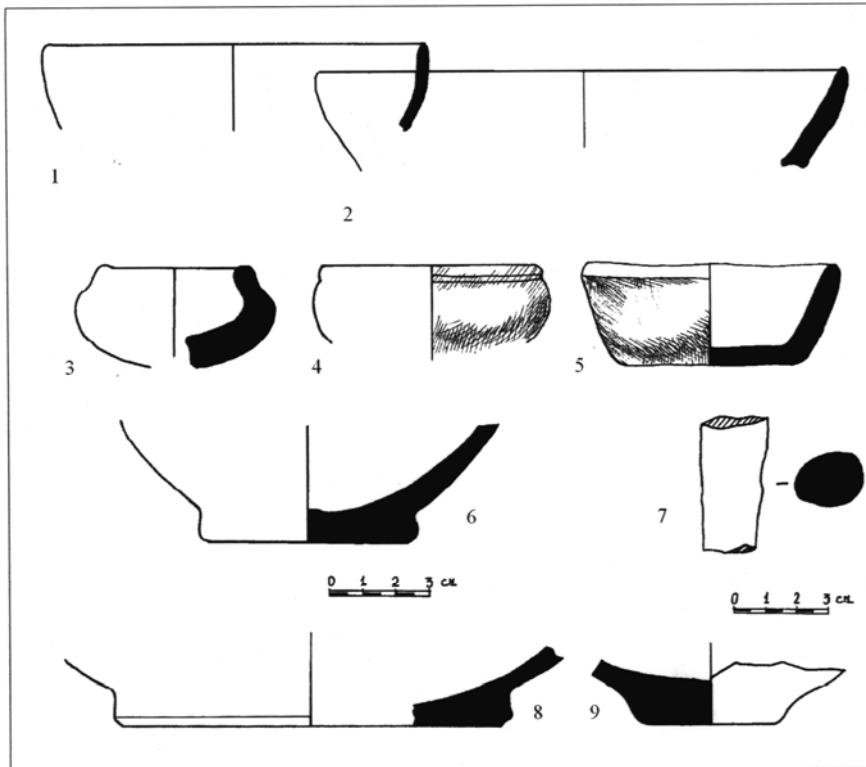

Рис. 1. Поливная керамика Садвара. Группа I: без росписи с бесцветной поливой (№№1, 4, 5). Группа VIII: без росписи с окрашенной, зеленой поливой (№№2, 3, 6-9)

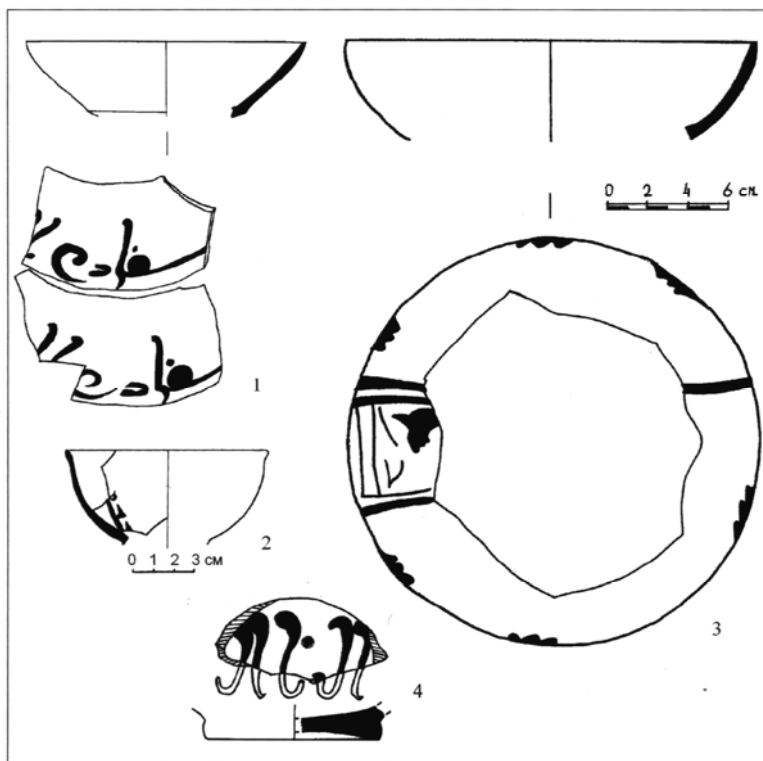

Рис. 2. Поливная керамика Садвара. Группа II: с монохромной росписью под бесцветной поливой

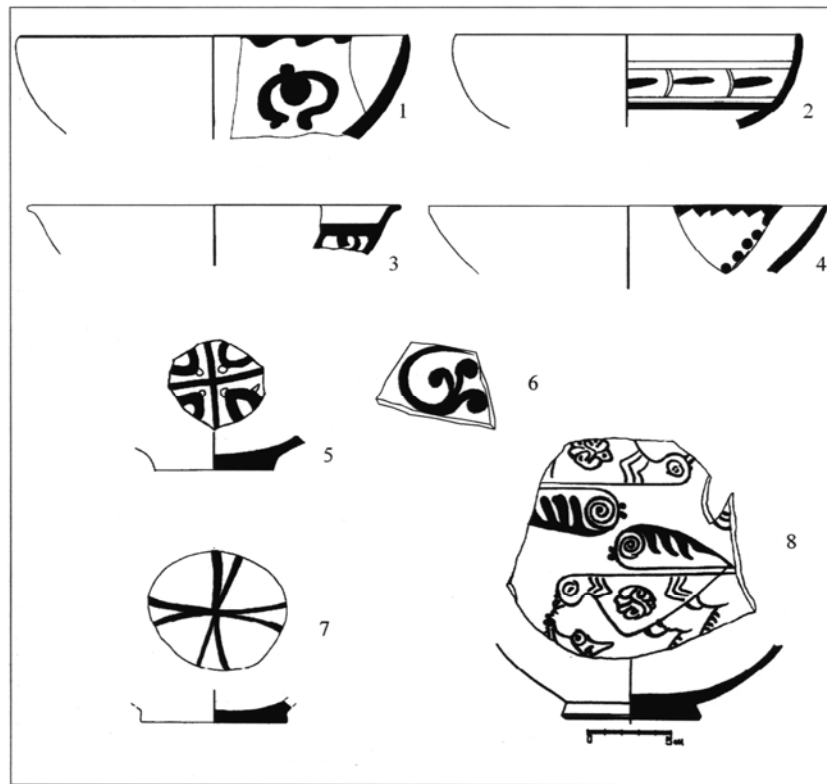

Рис. 3. Поливная керамика Садвара. Группа II: с монохромной росписью под бесцветной поливой

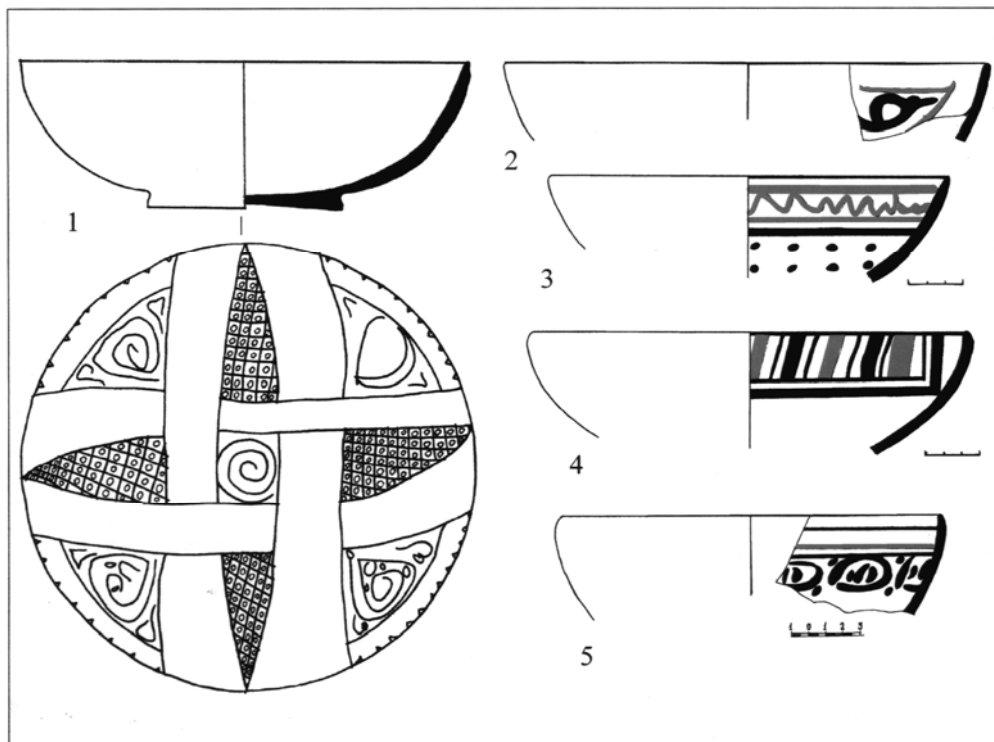

Рис. 4. Поливная керамика Садвара. Группа III: посуда с двуцветной росписью по белому фону под бесцветной поливой. Серой заливкой показана красная краска, черным цветом – коричневая и черная краски

ченной линией, и мелкие завитки справа и слева от них. Внутри овалов помещена штриховка мелкой прямой сеткой с крапинами в каждой ячейке. Края чаши над сердцевидными фигурами украшены зубчатым бордюром. Бордюр и основной рисунок нанесены коричневой краской, штриховка – красной. Найдена в раскопе II на городище, кв. 1-4.

Все элементы данной композиции часто применялись в орнаментике среднеазиатской поливной керамики IX-XI вв. в разных сочетаниях. Мотив двух сплетённых овалов, занимающих всё поле или центральную часть сосудов, встречен на изделиях из Афрасиаба, Пайкенда, Мерва и соседнего с Садваром Джигербента (Шишкина, 1979. Табл. LXX-30-37, LXVII-4, LXVI-1. С.58-59; Пайкенд, 1999. Рис. 57; Лунина, 1962. С.244-245. Рис.15; Вишневская, 2001. Рис. 28-1. С. 70). «Сетка» с точками использовалась для внутренней штриховки донного круга и разных фигур декора. Это демонстрируют в Хорезме - керамика из Замахшара, Шах-Сенема и Джигербента, не выходящая за пределы XI в. (Вактурская, 1959. Рис. 10-3, 17-2; Рапопорт, 1958. Рис. 13-12. С. 412; Вишневская, 2001. С.68. Рис. 26-6, 27-9, 10), в Чаче - керамика первой половины X в. (Брусенко, 1986. Табл. 4-12, 11-1), чаши IX-X вв. из Афрасиаба (Шишкина, 1979. Табл. I-48, LXIV-3) и Мерва (Филанович, 1974. Рис. 30-26; Лунина, 1969. Рис. 23) и посуда X – начала XI в. из Пайкенда (Пайкенд, 2003. Рис. 79, 9). Наконец, крупные спиральные завитки аналогичной формы украшают борта многих блюд и чаш из перечисленных центров (Вактурская, 1959. Рис.17-2, 5; Рапопорт, 1958. Рис. 13-2; Пайкенд, 2003. Рис. 72-10; Шишкина, 1979. С.59; Брусенко, 1986. Табл. 38-7; Туркестанъ, 2007. Илл. 22).

2 – донце чаши на дисковидном поддоне диаметром 10 см (рис. 5, 3). В центре изображён прямой крест, между лучами которого концентрически вписаны параллельные ему прямые линии, которые нанесены коричневой и красной красками поочередно. Возможно, эта композиция занимала всё поле чаши, а не только её дно или центральную часть, поскольку в афрасиабской коллекции имеется целое изделие с похоже расчерченными четырьмя секторами (Шишкина, 1979. Табл. LX-1). Очень близки садварскому донцу чаш X в. из Пайкенда и Чача (Пайкенд, 1999. Рис. 21-5, 47-1; Брусенко, 1986. Табл. 18-6). Вместе с тем, чаша IX в. из субструкционной клетки Джигербента даёт другой вариант секторной композиции, образованной широким прямым крестом, промежутки, между лучами которого заполнены мелкой косой сеткой (Вишневская, 2001. Рис. 17-3). Найдено в раскопе II на городище, кв. 1-4.

3 – фрагмент чаши диаметром 20 см (рис. 5, 2). Внутри край украшен коричневым зубчатым бордюром, ниже него фон оставлен свободным. Большую часть внутреннего поля ограничивает жирная коричневая окружность, внутри которой нарисована плетёнка из широкой, оконтуренной тонкими коричневыми линиями «тесьмы» красно-терракотового цвета с цепочкой мелких белых перлов посреди. На участки между плетениями поставлены коричневые крапины. Вдоль наружного края чаши коричневой краской нанесены характерные параллельные косые мазки. Найден в раскопе I на городище.

Рисунок плетёнки уверенно восстанавливается благодаря аналогиям X в. из Мерва: он имел шесть условных лепестков, не выступающих за линию окружности, в центре находился крупный спиральный завиток или похожая фигура (Лунина, 1962. Рис. 9. С. 233, 244-245, 268-269; Лунина, 1974. Рис. 4. С. 188-189). На мервских изделиях мастера рисовали красную плетёнку на коричневом фоне или черную на красном. Плетёнки из «тесьмы с перлами», где она образовывала крупные розетки,

весьма характерны для продукции X-XI вв. Афрасиаба и, в гораздо меньшей степени, Чача (Шишкина, 1976. С. 11. Табл. LXV; Брусенко, 1986. С. 79. Табл. 5-2). Близкая садварской плетёнка в виде 5-лепестковой розетки изображена на пайкендской керамической форме-калыбе для крышек и фляг, найденной в мастерской X – начала XI в. в шахристане II (Пайкенд, 1999. Рис. 179-3).

4 - фрагменты венчиков пяти чаш диаметром от 26 до 22 см. Найдены в кв. 1-4 раскопа II на городище и в шурфе 2 северо-восточного рва «цитадели». Кроме одной, чаши расписаны орнаментом, расположенным горизонтально вдоль края сосуда в обрамлении прямых линий. В одном случае узор состоит из ритмично повторяющейся комбинации вертикальных широких и узких штрихов красного и тёмно-коричневого цвета, заключённых в прямоугольную рамку (рис. 4, 4). В другом случае венчик (рис. 4, 2) украшен изображением коричневой силуэтной полупальметты в обводе красной линией, которое имеет соответствия в росписи замахшарских и мервских чаш (Вактурская, 1959. Рис.17-2; Филанович, 1974. Рис. 36-15. С.129). Третий фрагмент имеет рисунок из крупных овальных завитков со штрихами внутри (рис. 4, 5). На четвёртом фрагменте основным элементом служит красная волнистая линия, ниже которой фон заполнен параллельными рядами коричневых крапин (рис. 4, 3).

Декор пятой чаши представляет собой повтор крупной белой арабской буквы в тёмнокоричневом контуре на красном фоне (рис. 5, 1). Выше рисунка вдоль устья чаши расположена цепочка крупных тёмнокоричневых крапин. Снаружи её борт украшен цепочкой z-образных фигур, а глазурь покрывает лишь его верхнюю часть. Схематизация орнамента, характерный наружный декор и частичное внешнее глазурирование служат признаками датировки этой чаши XI веком.

Скорее всего, и остальные узоры являются поздними подражаниями надписям, то есть вариациями псевдоэпиграфического орнамента. Их прообразы, а в некоторых случаях и аналоги, нетрудно найти в керамике X в. и, чаще, XI в. из Хорезма, Мерва, Согда и Чача (Вактурская, 1959. Рис. 13-7; Вишневская, 2001. Рис. 26-5; Лунина, 1974. Рис. 4; Пайкенд, 1999. Рис. 98-5, 6; Пайкенд, 2000. Рис. 156-2; Пайкенд, 2003. Рис. 72-8, 80-8; Брусенко, 1986. Табл. 38-12). Там же были распространены приём отделки внешнего борта чаш крупными z-образными фигурами и размещение крапин вдоль внутреннего их края (Вактурская, 1959. С.286; Вишневская, 2001. Рис. 26-4, 6; Пайкенд, 1999. Рис.76-6; Пайкенд, 2000. Рис. 137, 128-1, 2; Пайкенд, 2003. Рис.79-4; Шишкина, 1979. Табл. I-79, 90. С. 11; Брусенко, 1986. Табл. 16-1).

5 – фрагмент венчика чаши с псевдоэпиграфическим бордюром-полосой вдоль края в виде белых букв на чёрном фоне. Ниже него с отступом нанесён узор из чёрных линий и белых крапинок на красно-терракотовом фоне (рис. 5, 4). Именно такое сочетание и начертание искаженных букв надписи «ал-йумн» (в виде z-образной фигуры в чередовании с двойной вертикальной чертой) Г.В. Шишкина считает показательными для посуды периода XI в., что подтверждается и материалами из Чача (Шишкина, 1979. Табл. I-39. С.55; Брусенко, 1986. Табл. 34-22, 38-1, 3). В Хорезме эта роспись неоднократно зафиксирована на замахшарских и джигербентских изделиях (Вактурская, 1959. Рис. 8-2, 9-3, 4, 11-1; Вишневская, 2001. Рис. 28-4, 9). Аналогичный бордюр встречается на посуде из Пайкенда и Мерва (Пайкенд, 1999. Рис.76-3; Пайкенд, 2000. Рис.125-3; Лунина, 1962. Рис. 29). Найден в раскопе I на городище.

6 – четыре фрагмента венчиков белфонных чаш с рисунком, оконтуренным тонкими коричневыми или красными линиями и как бы данным «резервом» на точеч-

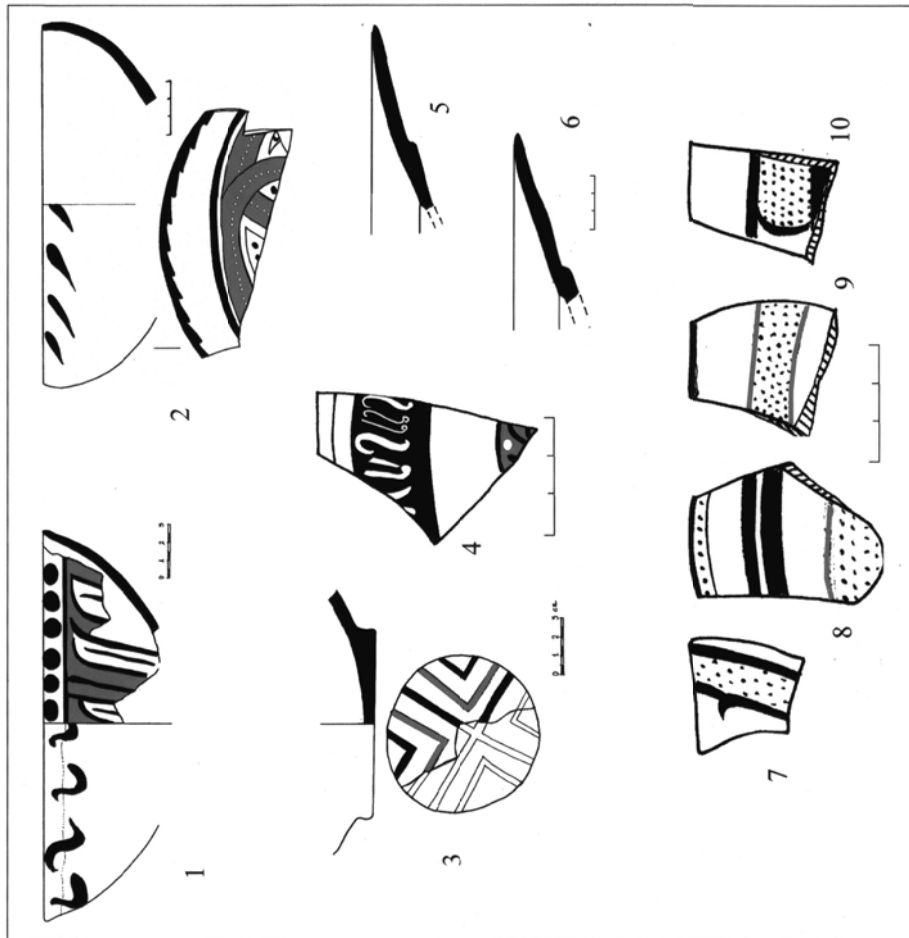

Рис. 5. Поливная керамика Садвара. Группа III: посуда с двуцветной росписью по белому ангобу под бесцветной поливой. Серой заливкой показана красная краска, черным цветом – коричневая и черная краски

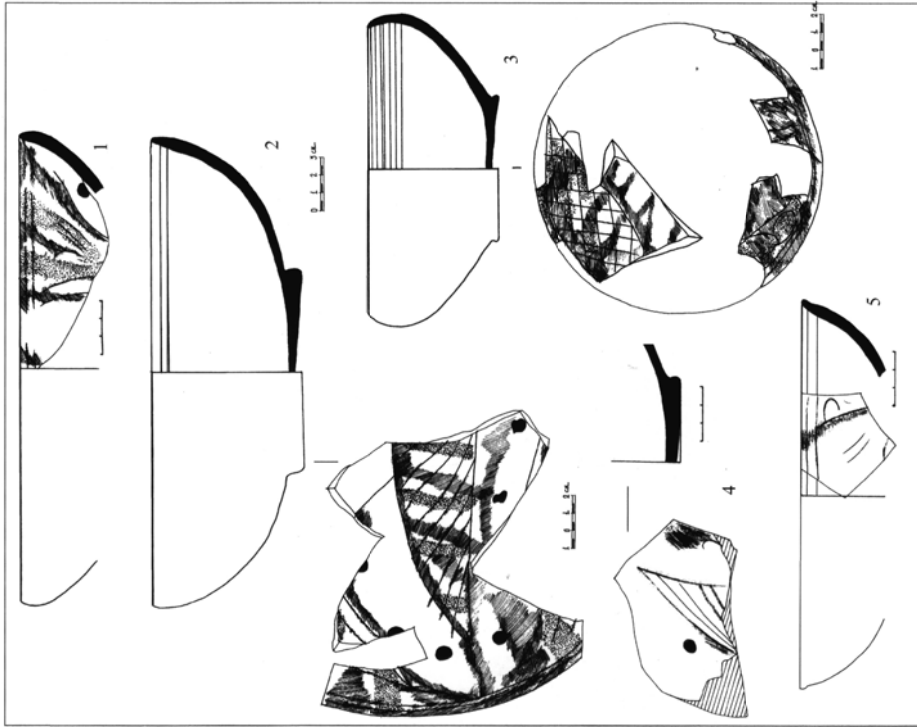

Рис. 6. Поливная керамика Садвара. Группа IV: посуда с трехцветной росписью и гравировкой под бесцветной поливой. Точками показана желтая краска, тонкой штриховкой – зеленая, черным – коричневая

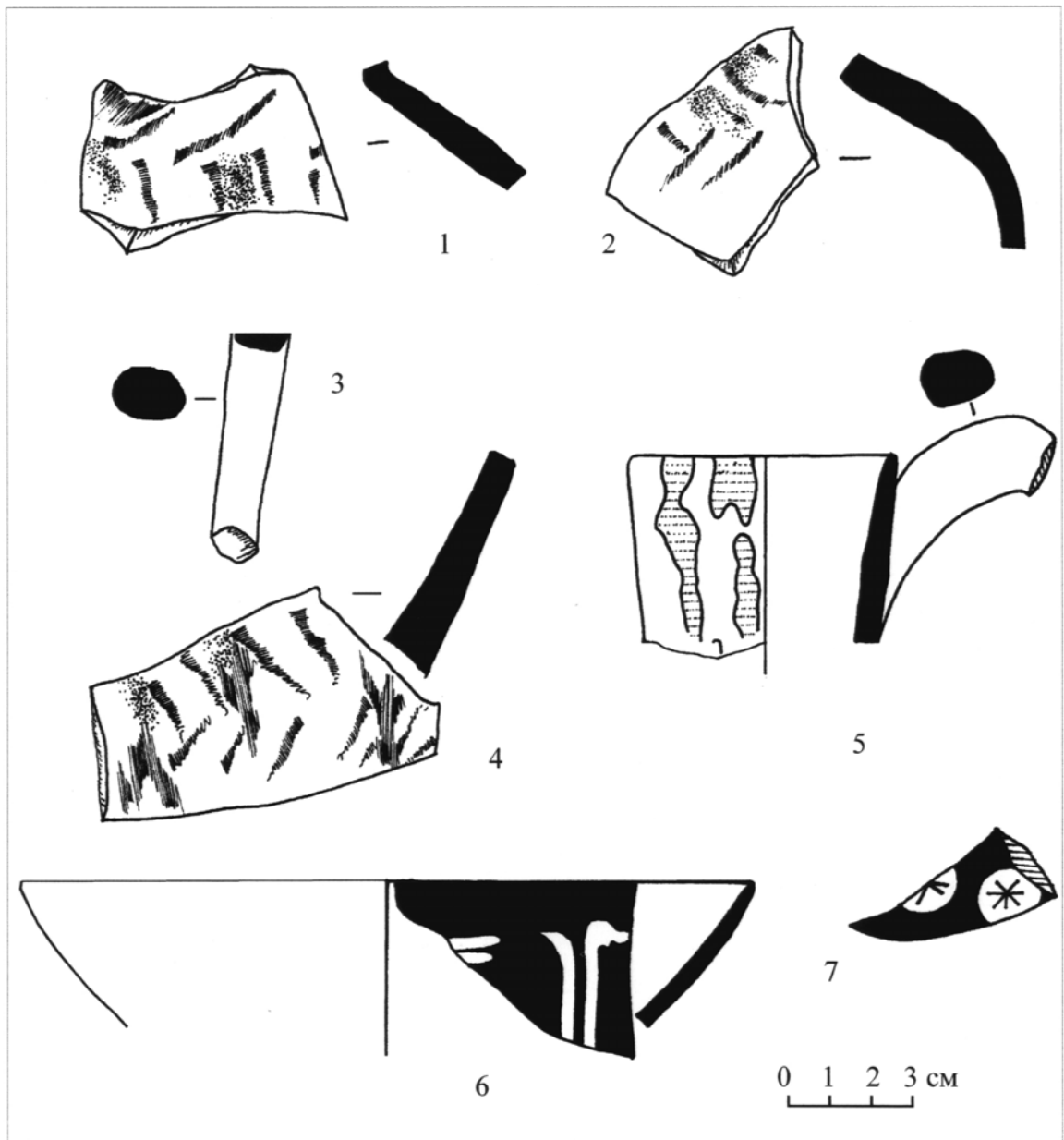

Рис. 7. Поливная керамика Садвара. Группа V: с трехцветной росписью по белому ангобу под бесцветной поливой (№№1-4); группа VI: с белой росписью по черному ангобу (№6); группа VII: с двухцветной росписью по красному ангобу (№7); группа IX: с росписью зелеными потеками по белой глазури (№5)

ном фоне. Правда, по имеющимся мелким черепкам трудно понять, что именно было покрыто мелкими коричневыми точками – фон, широкий обвод рисунка или сам рисунок, который из-за фрагментарности не определяется (рис. 5, 7-10). Подобная посуда, подражающая декору на металле, выделялась в Согде с конца IX на протяжении X века (Шишкина, 1979. Табл. LVI, LXXVI-2, 3. С. 25, 54, 56; Туркестань, 2007. Илл. 16). Причём, в Согде как контрастный рисунок с белым обводом наносился на точечный фон, так и сам рисунок составляли произвольные фигуры, нанесённые тонкой красной линией и заполненные мелкими чёрными точками (К исто-

рической топографии, 1981. С. 126). В небольшом количестве посуда с точечным фоном «саманидского вида», по выражению Н.Н. Вактурской, встречается на хорезмских памятниках (Вактурская, 1959. Рис. 7-4, 5. С. 286; Вишневская, 2001. Рис. 22-5. С. 60). Она также была распространена в Чаче во второй половине IX–X в. (Брусенко, 1986. Табл. 10-3, 6, 9, 33-11). Найдены в верхней части керамической забутовки в траншее 2 через северо-восточный ров «цитадели».

7 - несколько обломков тарелок с характерным уступом-ребром стенок снаружи и внутри, найденных на раскопе II на городище в квадратах 1-4 (рис. 5, 5, 6). Они невыразительны в отношении росписи, но их форма может реконструироваться благодаря найденным на Замахшаре тарелкам X-XI вв. диаметром от 23 до 35 см с аналогичным изломом широких бортиков (Вактурская, 1959. С. 300. Рис. 16-1, 4; 18-66, 67).

IV. С полихромной (коричневой, жёлтой и зелёной) росписью и гравировкой «сграффито» по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью

В основном, роспись изделий данной группы (рис. 6) в виде расплывчатых пятен и потёков сделана двумя жидкими красками, зелёной и жёлтой. Темно-коричневой густой краской нанесены лишь редкие чёткие крапины-горошины. Подцветка, как правило, не сочетается с линиями гравировки, но покрывает те же участки. Гравировка, выполненная тонким остриём по сырому ангобу, занимает не всё поле чаш, оставляя много свободного пространства. Она имеет геометрический характер: это крупные сегментовидные и крыловидные фигуры по центру или на бортах, заполненные сетчатой или косой штриховкой; растянутые пружины и треугольники из дуговидных двойных линий вверху у края, который всегда подчёркнут несколькими параллельными линиями. Внешний декор отсутствует. Глазурь может иметь лёгкий желтоватый оттенок. Садварская посуда этой группы представлена только чашами сегментовидной формы. Найдены в кв. 1-4 раскопа II на городище.

В Хорезме аналогичные изделия, названные в обиходе «яичницей с зелёным луком», найдены на городищах Замахшар и Джигербент, но отсутствуют на Шах-Сенеме и Кават-кале, средневековый слой которых, в основном, относится к XII – началу XIII в. (Вактурская, 1959. С. 297-298. Рис. 7-6, 16-2, 3; Вишневская, 2001. С. 71. Рис. 29-7). Кроме того, они были распространены в Мерве, Новой Нисе, Пайкенде, Афрасиабе и гораздо реже встречаются в памятниках Чача.

Садварская продукция этой группы имеет прямое сходство с однотипной по способам декора посудой из слоёв X – начала XI в. Пайкенда, что проявляется в формах, размытости красок и одинаковых элементах гравировки. На это сходство ранее обратила внимание Н.Н. Вактурская, оперируя немногочисленными тогда ещё находками, но материалы из новых раскопок Пайкенда подтвердили его (Пайкендская коллекция ОВ ГЭ, №№ 4006-4020, 4277-4294; Пайкенд, 1999. Рис. 99, 145-2. С.30; Пайкенд, 2003. Рис. 43. С. 21-22). Исследователи Мерва и Пайкенда называют поливу таких чаш и блюд «мраморовидной» (Массон, 1949а. С. 10-11). В Мерве они были местной продукцией, поскольку найдены при раскопках гончарных горнов X-XI вв. (Лунина, 1962. С. 255, 269. Рис. 5; Лунина, 1969. С. 126; Лунина, 1974. С. 190; Филанович, 1974. С. 129). В Чаче чаши и блюда с такими технологическими признаками не выходят за пределы слоёв второй половины IX-X в. (Брусенко, 1986. Табл. 4-2, 16-9. С. 48-49). Согласно исследованиям Г.В. Шишкиной, на Афрасиабе они появляются с конца IX в. и относятся к ранней ангобированной поливной посуде с гравировкой и росписью пятнами и/или потёками типа I.1.ZA.gd. (80, 81).б (Шишкина, 1979. С. 25. Табл. XXX-2, XXXI-1, XXXIII-7, XXV-12). Среди них есть

изделия с яркими, насыщенными и не расплывчатыми красками, к тому же отличающиеся от садварских густой композицией декора (Туркестань, 2007. Илл.15). Вероятно, одну подобную последним джигербентскую чашу на этом основании можно считать импортной согдийской (Вишневская, 2001. Рис. 29-6. С. 71).

Надо сказать, что цветовой гаммой росписи, узорами гравировки и оттенком глазури посуда этой группы заметно отличается от тех изделий, тоже орнаментированных в технике «сграффито», которые производились в Хорезме впоследствии в эпоху Великих Хорезмшахов.

V. С полихромной (коричнево-жёлто-зелёной) росписью по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью

Этот способ декора выделен благодаря находке фрагментов тонкостенного небольшого сосуда закрытой формы (кувшина), расписанного по плечикам и тулову горизонтальными рядами «ёлочкой». Роспись нанесена тонкой кистью жидкой коричневой краской и дополнительно расцвечена непринуждённо разбросанными блеклыми жёлтыми и зелёными пятнами (рис. 7, 1-4). На ручку уплощённо-овального сечения посажено красно-коричневое пятно. Это изделие по технологическим характеристикам совпадает с кувшином конца IX – начала X в. из Афрасиаба, который украшен трёхцветной беспорядочной пятнистой росписью той же гаммы по белому ангобу под бесцветной глазурью (Шишкина, 1979. Табл. XXXIII-8). Кроме того, в афрасиабских материалах второй половины - конца IX в. есть блюдо с подглазурной росписью крупной горизонтальной «ёлочкой», выполненной белым ангобом и дополненной пятнами тех же трёх цветов (Шишкина, 1979. Табл. XXXI-3). Казалось бы, эти относительные параллели позволяют датировать садварский сосуд данной группы концом IX – началом X в. Однако этому противоречат условия находки, ибо его обломки находились в яме 1 помещения 16 раскопа II на цитадели вместе с кладом из шести монет хорезмшахского чекана. Правда, чёткая стратиграфическая позиция клада и обломков кувшина в яме и их взаиморасположение нам неизвестны и поэтому нельзя исключить позднее сокрытие клада в раннюю яму.

VI. С монохромной (белой) росписью по чёрному ангобу под прозрачной бесцветной глазурью

Эту роспись имеет единственный черепок - фрагмент венчика чаши диаметром 18 см (рис.7, б). Ангоб покрывает обе поверхности. Фрагмент мелкий, но не оставляет сомнений, что чаша имела арабскую надпись вдоль края (вероятно, курсивом), ориентированную верхушками букв к центру чаши. В Хорезме ранее подобная керамика не встречалась, но она хорошо известна по мервским и согдийским материалам X в. (Лунина, 1962. С. 249, 274; Лунина, 1969. Рис. 12. С. 126; Туркестань, 2007. Илл. 16). Г.В. Шишкина выделила такую афрасиабскую посуду в тип I.2.ZA.гн, который объединяет эпиграфический декор и тёмный, красный или коричневый ангоб (Шишкина, 1979. С. 14). Найден в раскопе II на городище, кв. 1-4.

VII. С двуцветной (чёрно-белой) росписью по красному ангобу под прозрачной бесцветной глазурью

В данной манере украшен также единственный, но характерный по росписи черепок под глазурью желтоватого оттенка (рис. 7, 7). Рисунок представляет собой мелкие белые круги с чёрными звездочками-розетками внутри. Посуда с таким декором не характерна для Согда и Чача, но была распространена в Южном Туркменистане в X-XI вв., где изготовлялась, например, в Мерве (Лунина, 1962. С. 233,

244-245, 268-269. Рис. 15; Лунина, 1969. С. 126. Рис. 12). Найден в раскопе II на городище, кв. 1-4.

VIII. Без росписи, с окрашенной (зелёной) глазурью

В садварском материале эта группа представлена изделиями только с зелёной глазурью разного качества, обусловленного различным её составом. Кроме двух случаев, наличие или отсутствие ангоба осталось не выясненным.

1 – донная часть диаметром 4,5 см чашечки из розоватого теста с редкими белыми включениями (гипса?), покрытая глазурью по черепку с обеих сторон (рис. 1, 9). Отлогие придонные стенки плавно переходят в маленький плоский поддон без краин. Морфологически одинаковое дно чашечки под зелёной поливой по черепку, без ангоба происходит из ташнау 14 раскопа 9 на Афрасиабе (Шишкина, 1979. Табл. XXV-2). Там изделия этого технологического типа, I.O.RB.a классификации Г.В. Шишкиной, – одни из самых ранних поливных и появляются в первой половине – середине IX в., о чём говорит стратиграфия этого и других ташнау и бадрабов (Шишкина, 1979. С. 12-13, 23-24). Замечено, что для ранних чаш этого типа характерно сплошное покрытие глазурью, как и в нашем случае (Шишкина, 1979. С. 33). Оба совпадения позволяют датировать садварский фрагмент IX веком. Найдена в раскопе II на городище, кв. 1-4.

2 – донная часть кувшина, покрытого снаружи мутной полупрозрачной поливой по черепку (рис. 1, 6). Поддон диаметром 6,6 см дисковидный. Форма и способ глазурования сосуда имеют параллели в согдийском материале IX в. (Шишкина, 1979. Табл. VII-10). Фрагменты закрытого сосуда с зелёной глазурью с обеих сторон были найдены и на Джигербенте (Вишневская, 2001. С. 58). Найдена в раскопе II на городище, кв. 1-4.

3 – фрагмент ручки кувшина округлого сечения диаметром около и чуть более одного сантиметра (рис. 1, 7). Найден в раскопе II на городище, кв. 1-4.

4 – фрагмент дисковидного дна чаши или блюда диаметром 12 см. Внутри покрыт мутной глазурью (рис. 1, 8). Найден в шурфе 2 в северо-восточном рву «цитадели».

5 – фрагмент венчика чаши диаметром 17 см со светлобежевым (лёссовым) черепком под мутной глазурью с обеих сторон (рис. 1, 2). Найден в шурфе 2 в северо-восточном рву «цитадели».

6 – мелкая толстостенная плошка высотой 3,5 см с диаметром устья 5 см, тулова – 6,5 см. Мутная глазурь покрывает обе поверхности (рис. 1, 3). Повторяет форму поливных светильников-чирогов раннего типа, т.е. плосковидных со слегка прищипленным сливом и маленькой петлевидной ручкой. Такие чираги были распространены в Хорезме и других среднеазиатских областях в IX-XI вв. (Вактурская, 1958. Рис. 16-5, 6. С. 293). В Афрасиабе они покрывались окрашенной глазурью без росписи или, как и хорезмские, декорировались цветными пятнами под бесцветной прозрачной глазурью (Шишкина, 1979. Табл. XVII-10, 13). Найдена в шурфе 2 в северо-восточном рву «цитадели».

Во втором и трёх последних случаях внешний вид поливы позволяет предположить, что она относится к классу щёлочно-свинцово-оловянных глазурей. Помимо Садвара изделия с зелёной поливой по черепку обнаружены в малом количестве в слоях IX – начала XI в. в Джигербенте; в классификации Н.Н. Вактурской их нет из-за отсутствия такого материала в раскопанных тогда памятниках (Вишневская, 2001. С. 58, 66).

***IX. С росписью потёками зелёной краски по окрашенной
(молочно-белой) глазури***

Посредством этих приёмов был изготовлен единственный небольшой кувшин с ручкой, представленный фрагментом верха (рис. 7, 5). Он имел горло-раструб с прямыми, расходящимися кверху стенками с простым краем, и ручку овального сечения, поднимающуюся над устьем. Ангоб отсутствует; глазурь по виду щелочная (поташная). Роспись выполнена потёками зелёной краски, спускающимися от устья вниз по горлу. Аналогичный верх характерен для афрасиабских поливных кувшинов с овоидным туловом на дисковидном поддоне и резким перегибом стенок при переходе к горлу, которые изготавливались на рубеже X-XI столетий, но с иной отделкой (Шишкина, 1979. Табл. VI-5, VII-8). Вероятно, такую форму имел и садварский кувшин. Однако среди ранней афрасиабской посуды второй половины IX в. есть кувшины этого же абриса, украшенные зелёными пятнами по белой глазури типа I.0.NA.fv (Шишкина, 1979. С. 42, 65. Табл. VII-11). Таким способом декорированы чачские чаши и светильники IX в. (Брусенко, 1986. С. 39. Табл. 25-1, 26-11, 31-12) и кувшины с белой поливой и бирюзовыми или блеклыми зелёными потёками, обнаруженные при раскопках Мерва, - в частности, на городищах Султанкала и Гяур-кала в слоях IX в. (Лунина, 1969. С. 160; Филанович, 1974. С. 114). В небольшом количестве керамика с зелёными пятнами-потёками по белой щелочной глазури (чаши и кувшины) встречена в самом Хорезме на городищах Куны-Уаз и Джигербент, где датируется IX веком (Вактурская, 1959. С. 285, рис.7-1, 2; Вишневская, 2001. Рис.17-1. С. 47). По всей видимости, так же следует датировать садварский сосуд, скорее учитывая способы его декора, нежели чем хронологически более распространённую форму. К этим экземплярам надо добавить ранний кувшин с росписью по белой глазури из Кердера (Искандерова, 2003. С. 129). Найден в раскопе IV на «цитадели».

Итак, поливная садварская посуда исчерпывается девятью технологическими группами. Среди неё количественно лидирует керамика второй и третьей групп с белым ангобом и монохромной и двуцветной росписью, общая палитра которой ограничена чёрной, коричневой и красной (красно-терракотовой) красками. Посуда с такой росписью является типичной для памятников саманидского времени и синхронных ему слоёв многослойных городищ древнего Хорезма. На втором месте по численности стоит посуда четвёртой группы с гравировкой и росписью в стиле «яичница с луком». В силу такой распространённости, а также благодаря обнаружению в гончарных печах, раскопанных на Замахшаре, изделия этих групп можно считать местной, хорезмской продукцией. Скорее всего, местной является и простая белофонная посуда без росписи первой группы. Существование собственного гончарного производства на Садваре доказывают расположенные на его территории горны и специализированный квартал за чертой города. Правда, кроме двух горнов для обжига крупных сосудов, эти объекты не исследовались. Что же касается небольших, явно производственных печек, обнаруженных в раскопе I городского квартала, то они не позволяют уверенно связать их с процессом изготовления поливной посуды, но это ещё не повод отрицать его на Садваре (Армарчук, 2005). Остаётся констатировать, что у нас просто нет данных о садварских печах, предназначенных для обжига глазурованных изделий.

Пятая, шестая и седьмая группы поливной керамики выделены по единичным экземплярам и не встречались раньше при раскопках средневековых памятников Хорезма. Можно поэтому предположить, что чаши с рисунком по чёрному и крас-

ному ангобу были привезены в Садвар из Согда и Мерва. Помимо указанных выше аналогий это косвенно подтверждается отсутствием подобной керамики в синхронных материалах средневекового Джигербента, как и Садвар, активно раскапывавшегося в 1970-х годах. Кувшинчик с коричнево-жёлто-зелёной росписью пятой группы, в сущности, примыкает к изделиям в стиле «яичница с луком», отличаясь от них рисунком и отсутствием гравировки, и мог быть сделан местным ремесленником. Материал восьмой и девятой групп, малочисленный на Садваре и вообще в Хорезме, не позволяет сказать что-либо определённое о месте его производства.

На мой взгляд, кувшин с белой глазурью и зелёными потёками девятой группы и посуда с однотонной зелёной глазурью восьмой группы (может быть, не вся) являются самыми ранними садварскими поливными изделиями, которые можно датировать в пределах второй половины IX – начала X в. Датировка остальной садварской поливной керамики, основанная на приведённых аналогиях, укладывается, главным образом, в рамки X – начала XI века и лишь некоторые изделия относятся к XI в., что отмечалось выше.

На первый взгляд, фрагментарность садварского материала ограничивает степень его сопоставления с поливной керамикой из других среднеазиатских областей, в основном, деталями. Но его более пристальное исследование позволило сделать следующие общие выводы.

Во-первых, основная категория садварских поливных изделий - чаши имели одинаковые формы с продукцией Согда, Чача и Мерва. Это относится и к единичным кувшинам и чирагам. В целом же, набор поливной посуды Садвара несопоставимо беднее по видам, формам и разнообразию изделий, чем продукция из столиц этих областей. Даже, несмотря на разный административно-экономический статус сравниваемых памятников, садварский ассортимент наверняка не исчерпывался имеющимся материалом, ибо получен лишь с части памятника. Правда, тот же набор (преобладание открытых чаш при малом числе закрытых и других форм) характерен для Джигербента, Кердера и других хорезмских средневековых городов, функционировавших в саманидское и непосредственно предшествующее ему время.

Во-вторых, садварская поливная керамика была изготовлена при помощи распространённых в ту эпоху технологических приёмов.

В-третьих, в декоре садварских изделий использовались широко известные среднеазиатским гончарам «бродячие» надписи-благопожелания и элементы орнамента: зубчатый бордюр и крапины вдоль устья, плетёная тесьма, крупные завитки, силуэтные пальметты и полупальметты, сетчатая штриховка, переплетённые овалы, цепочка z-образных фигур или косые штрихи снаружи по краю. Роспись характеризуют те же мотивы – растительные, геометрические, эпиграфические и псевдоэпиграфические, - а иногда и одинаковое расположение элементов. Вместе с тем, в отличие от Согда растительных сюжетов и вообще орнаментальных элементов в ней гораздо меньше; отсутствуют изображения цветочных и вихревых розеток и многие типичные композиционные построения (например, букеты в сочетании с надписями), а также изображения животных.

Черты сходства свидетельствуют как о некоей художественной и технологической стандартизации этого вида гончарного ремесла (в широком его охвате), так и о том, что в Хорезме производство поливной керамики в IX-XI вв. шло в одном направлении с общим развитием этой отрасли гончарства в Средней Азии. Сравнительный анализ садварской посуды показал большую её близость к изделиям Согда и Мерва, чем Чача и более отдалённых районов.

Примечания

Данным термином пользовалась Н.Н. Вактурская при классификации поливной хорезмской керамики; современные среднеазиатские исследователи определяют эту форму как полусферическую (Шишкина, 1979. С. 17-18. Табл. V-1; Брусенко, 1986. С. 38, 45. Табл. 29). Во втором случае высота чаши без поддона должна была бы равняться радиусу её диаметра, что отсутствует в нашем материале или не определяется из-за его фрагментарности.

Использованная литература:

- Армарчук Е.А.** Семантика зооморфной орнаментации поливной керамики Хорезма // *Археологические исследования в Туркменистане. Ашгабат, 1992.*
- Армарчук Е.А.** Производственные печи на средневековом городище Садвар в Южном Хорезме // *Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XIII. Москва – Магнитогорск, 2005.*
- Брусенко Л.Г.** Глазурованная керамика Чача IX-XII веков. *Ташкент, 1986.*
- Вактурская Н.Н.** Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // *ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.*
- Вактурская Н.Н.** Раскопки средневекового города Садвар // *АО 1973 г. М., 1974.*
- Вактурская Н.Н.** Раскопки на городище Садвар // *АО 1974 г. М., 1975.*
- Вактурская Н.Н.** Новые данные о городище Садвар // *АО 1975 г. М., 1976.*
- Вактурская Н.Н., Воробьева М.Г., Лоховиц В.А.** Работы Хорезмской экспедиции в зоне затопления Тюямуюнского водохранилища // *АО 1972 г. М., 1973.*
- Вишневская Н.Ю.** Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н.э. – XIII в. н.э.). М., 2001.
- Искандерова А.Д.** К вопросу о ранних типах поливной керамики средневекового Хорезма // *Археология Приаралья. Вып. VI. Нукус, 2003.*
- К исторической топографии Самарканда.** Ташкент, 1981.
- Лунина С.Б.** Гончарное производство в Мерве X – начала XIII в. // *ТЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.*
- Лунина С.Б.** Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-кала, его обводов и западной части пригорода // *ТЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад, 1969.*
- Лунина С.Б.** Историческая топография западной части рабада средневекового Мерва // *ТЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974.*
- Массон М.Е.** Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года // *ТЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949а.*
- Массон М.Е.** Городища Нисы в селении Багир и их изучение // *ТЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949б.*
- Раскопки в Пайкенде в 1999 г.** СПб., 2000.
- Раскопки в Пайкенде в 2000 г.** СПб., 2001.
- Раскопки в Пайкенде в 2003 г.** СПб., 2004.
- Рапопорт Ю.А.** Раскопки городища Шах-Сенем // *ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958.*
- Шишкина Г.В.** Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент, 1979.
- Туркестанъ в старых фотографиях и керамике.** Государственный музей Востока. Материалы выставки. М., 2007
- Филанович М.И.** Гяур-кала // *ТЮТАКЭ. Т. XV. Ашхабад, 1974.*

**ЖАНУБИЙ ХОРАЗМНИНГ САДВАР ЁДГОРЛИГИДАН ТОПИЛГАН IX-XI АСР
СИРЛАНГАН СОПОЛ ИДИШЛАРИ**

Хоразмнинг IX-XI асрларга оид сирланган гулдор сопол идишларининг қиёсий таҳлилари га кўра, улар бадий ва технологик жиҳатдан Суғд ва Марв кулоллик маҳсулатлари билан жуда ўхшаш хусулиятларга эга. Тадқиқотларнинг далолат беришига, Хоразм ва Мовароуннаҳр кулоллик ҳунормандчилиги ривожланган ўрта асрларда ишлаб чиқаришнинг ягона иўналиши ва мезонлари остида таваққий этган.

**THE GLAZED CERAMICS OF 9-11TH CENTURIES FROM SADVAR SITE
IN THE SOUTHERN KHOREZM**

The comparative analysis of glazed ceramics of 9-11th centuries from Khorezm indicated its similarity with the ceramics of Sogd and Merv and proved the artistic and technological standardization of ceramic handicraft. The production of ceramics was developed in the same direction with the general development of pottery in Central Asia.

**О.Т. Доспанов
С.Х. Есбергенова
Т. Узакбергенова**

*Каракалпакский научно-исследовательский
институт гуманитарных наук ККО АН РУз.
Каракалпакский Республиканский институт
усовершенствования учителей им. К.Убайдуллаева
(г. Нукус, Узбекистан)*

К ВОПРОСУ СОПОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ОБРЯДНОСТИ КАРАКАЛПАКОВ

В последнее время, в исторической науке получили широкое развитие исследования на стыке наук, особенно интересны сопоставления и синтез материалов археологии и этнографии. Эти науки располагают фактологическими материалами, раскрывающими сущность проблемы путем реконструкции развития общества.

Многие еще не решенные вопросы в целом, в свете вновь открытых археолого-этнографических материалов, могут быть значительно продвинуты к своему разрешению.

В данной статье в качестве источников синтеза используются некоторые каракалпакские женские ювелирные украшения, представляющие собой древний широко распространенный предмет культуры, являющийся историческим источником.

В результате этнографических экспедиций на территории Каракалпакстана стало очевидно, что ювелирное ремесло является наименее изученной областью традиционных занятий каракалпакского народа и оно очень слабо освещено в этнографической литературе. Между тем изделия каракалпаков сильно отличались от изделий других народов Средней Азии. Своего расцвета ювелирное искусство каракалпаков получило в XIX- начале XX вв. Мастерами изготавливались, главным образом, женские украшения, а также украшения из серебра для конского снаряжения, пояса и другие предметы.

Бусы, как один из видов ювелирных украшений, с древнейших времен бытуют у каракалпаков и казахов Приаралья. Джетыясарская культура, следы которой отмечены в регионе, считается одной из своеобразных культур Средней Азии и Казахстана. В могильнике Джетыясар расположенном на берегу Кувандарьи, в кургане № 27, относящемся к VII веку до н.э., раскопано захоронение девочки (судя по наличию молочных зубов и толщины костей не старше 13-15 лет), ростом не более 150 см, с очень узким тазом, разрушенными костями стоп. К западу от черепа на суфе лежал разбитый пополам подквадратный в сечении кусок мела, рядом с ним речная раковина белого цвета, галька, проволочная бронзовая серьга. На черепе покойной сохранились остатки головного убора из темно-красной ткани полусферической формы с металлическими бляшками. Украшения располагались в несколько рядов вдоль нижнего края головного убора (обрывок ремешка, обломок проволоки с

вплотную нанизанными на ней цилиндрической формы деревянными бусами) (Левина, 1993. С. 51).

Описанные фрагменты головного убора напоминают каракалпакский женский головной убор «саукеле». Как известно, данный головной убор имел ритуальное значение, его надевали во время свадебных торжеств, а элементы захоронения девушек в свадебной одежде имеют место в культуре каракалпаков, узбеков и других соседних народов (Есбергенов Х., 1989. С. 72-73).

Украшением женщин являлся «арабек»- носовая серьга с бирюзовой вставкой. Бирюза являлась одним из распространенных украшений каракалпачек. Женщины в XVIII веке носили медные и серебряные браслеты с бирюзовой или ячменной вставкой. Серьги, типа «арабек», носили серебряные, массивные, как и браслеты грубой обработки. Зачастую в виде подвесок к ним служили российские серебряные монеты. Иногда серьги бывали настолько массивными, что они подвязывались ниткой вокруг уха.

Если обратимся к прическам, то девушки заплетали волосы в мелкие косы, а женщины прятали их под платками, или выпускали две сплетенные косы (Иванов, 1935. С. 245). П.П. Иванов описывая прически женщин каракалпачек, останавливается и на женских украшениях - серебряных браслетах с бирюзой, а так же арабеках. Прически, подобные описанным выше изображены на стенке и крышке гипсового оссуария из Ток калы (VII-VIII вв. н.э.) (Гудкова, 1964. С. 96. Рис. 27).

В XVIII веке некоторые молодые люди заплетали на макушке и височной части головы косы. Волосы, как у женщин, так и у молодых девушек, всегда были заплетены в косы. Женщины заплетали волосы в две иногда в три косы, две из которых лежали на плечах, украшенные различными подвесками или наматывались вдоль шапки, а третья коса, оборачивалась в бархат и спускалась за спину. Молодые незамужние девушки заплетали множество тонких косичек, на концы которых вплетали серебряные бляхи со змеиными головками или кисти разноцветных лент (Левшин, 1832. С. 45-47).

Эти традиционные сюжеты, можно сопоставить с изображениями на стенках оссуариев из Ток калы, отражающих погребальную сцену и процесс похорон. Костюмы участников похорон напоминают традиционные туникообразные рубахи каракалпачек XIX – начала XX веков. Там же изображены плачущие женщины, волосы которых заплетены в две косы. Подобные сцены оплакивания с рыданиями и раздиранием волос все еще прослеживаются в традиционной погребальной обрядности каракалпаков. Устойчивое и длительное бытование в XIX-XX вв. таких обычаев, причесок, а так же схожесть костюмов – видимо, свидетельствует об участии населения Ток-калы в этногенезе каракалпаков. Здесь, уместно отметить о находке оссуария из некрополя Миздахкана (VII-VIII вв. н.э.), на стенках которого изображены сюжеты, близко напоминающие погребальные процессы местного населения. Сцена аналогична сцене с оссуария из Ток-калы X-XI вв. (Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 251).

Истоки обычая носить две косы по данным письменных источников XII века бытовали у кипчаков Приаралья. Система выбривания части волос на голове и сохранения волос на затылке, которые затем заплетались в две косы были присущи половцам (кипчакам) (Плетнева, 1974. С. 33). Как известно, родовое объединение кипчак встречается в составе родоплеменной структуры казахов XVIII-XX вв. Данное родовое объединение существует и у каракалпаков и является одним из крупных каракалпакских объединений. До настоящего времени кипчаки компактно расселились в правобережной дельте Амударьи - Нукусском, Кегейлинском и Чимбайском районах Каракалпакстана. Оно включает в свой состав 14 крупных родов: 1) канглы; 2) санг-мурын; 3) естек; 4) канжыгалы; 5) шунак; 6) басар; 7) толыс; 8) жабы 9)

арык; 10) жагалтай; 11) баганалы; 12) майлы-балта; 13) жадик; 14) салтыр, которые в свою очередь подразделяются на 29 более мелких подразделений – т.н. «тире».

Кипчаки имели общеплеменную тамгу - алип и уран “Токсаба”. Термин “Токсаба” интерпретируют как составное слово “ток” - сытый, полный, “саба” – бурдюк для приготовления кумыса. При этом существует мнение, что в отличие от других родов каракалпаков кипчаки занимались овцеводством, коневодством, приготовлением кумыса. Эта распространенная трактовка кипчакского урана отражена в “Шежире” Бердаха (Жданко, 1950. С. 45-46. Табл. 6).

**“Кыпчак разводил лошадей
К шести жеребят привязывал.
Для кумыса бурдюки готовя
“Токсаба” ураном кыпчаков стал
(Бердах, 1993. С. 5).**

Т.А. Жданко, интерпретируя термин “Токсаба”, обращается к историческим связям каракалпаков с половцами. В источниках зафиксировано название данного племени.

Классик каракалпакской литературы конца XIX – начала XX вв. Аяпберген Муса улы (1880-1936) описывая богатую природу Южного Приаралья и глубокую духовность народа, в стихотворении «Тарип» пишет:

**Аржақ-бержақ болып еки сан болған,
Бөлим-бөлим еллер қаралпақтады
Ғарқылдасып үйрек ушып газ қонған,
Айдын-айдын көллер қаралпақтады
(Аяпберген Муса улы, 1960. С.197).**

В этих строках поэт описывает просторы природы, его флору и фауну, традиционный быт каракалпакского народа, тем самым подчеркивая географию расселения коренного народа. В то же время, поэт красочно передает нравственность и патриотизм каракалпаков, смелость и чувство любви к родной земле:

**Данишманд, хош созли фахим-идракли
Урыста бир ози мыңга дерекли
Гөр углы хайбатлы, Рустем йурекли
Белли-белли жигит қаралпақтады.**

Нас в произведениях поэта интересуют данные, касающиеся традиционной культуры каракалпакского народа, в частности, описание ювелирных украшений девушек:

**Қызлары бар қыя-қыя қаслары
Ийнин жабар өрим-өрим шашлары
Шашбауында гаўхар қасыл таслары
Хұр – перизат қызлар қаралпақтады**

В произведениях фольклора, творчестве каракалпакских поэтов переданы не только исторические события, в них зачастую можно найти информацию о культуре, традициях, ювелирных украшениях каракалпаков. Например, в произведении “Назлы жанан”, поэт описывает один из традиционных нагрудных украшений девушек каракалпачек «онирше».

**Камала келмишдур қаддини дузип,
өнирше таққан дур тилладан сәдеп**

Из строк поэта, очевидно, что молодые девушки носили в основном нагрудные украшения. В данном случае уместно упомянуть о находке из неолитического погребения низовий Амударьи, где археологами обнаружено украшение, изготовленное из кости животного, установленное на груди погребенного (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986. С. 17. Рис. 7, 35). Каракалпакское нагрудное украшение

«онирше», в основе своей являлось принадлежностью молодых девушек, и представляло собой переходную ступень от одного социального статуса в другой.

«Айдар», отращиваемый на голове, вне зависимости от пола, являлся выражением силы и могущества. Так, например, существующая в народе легенда о Шамун-Наби, гласит о его невероятной силе, заключенной в его «айдаре» (Есбергенов, Ягодин, 1966. С. 52). По сообщениям респондентов, отращивание «айдара» на макушке являлось свидетельством того, что его носитель единственный сын в семье. Волосы, отращиваемые на висках у девочек, носили название “тулумшак”:

*Қызда болар тулумшақ
Жылқыда болар қулыншақ
Тулымшағы болмаса
Хатын дейди бизиң жақ*

Существовал обычай отращивания волос у мальчиков надо лбом, который назывался “кекил”. У каракалпаков и туркмен в годовщину рождения ребёнка родители праздновали так называемый “Гулпак той”. Под словом «гулпак» подразумевались волосы, специально отращиваемые на голове у детей (айдар, кекил, тулумшак). Данная традиция была широко распространена среди каракалпаков, туркмен, таджиков, казахов, узбеков и киргизов. Здесь уместно отметить произведение классика каракалпакской литературы XIX века, Ажинияза Косыбай улы “Бозатау”, посвященное трагедии 1858-1859 гг., где описывается разорение народа, говорится о детях, попавших в плен. Поэт использует здесь термин «гулпаклы оглан».

*Атадан айырылды гулпаклы углан
Сатылды, хур басын айледі гулам,
Кимлер Ирак кетти, кимлер кетти Шам
Кимселер Гурд, Техран тушти, Бозатау*
(Ажинияз, 1975. С. 36)

Термин “гулпак” встречается и в «Шежире» Бердаха (1827-1900):

*Мәликтиң углы-Разыхақ
Яшлығында қойды гулпақ,
Кийген екен қара қалпақ
Шундан “қалпақ” болған екен*
(Бердах, 1993. С.147)

Обычай ношения “гулпак” широко характерен предкам каракалпаков.

Таким образом, можно предположить, что изображения на стенке оссуария из Ток-калы (VII-VIII вв.) со сценой оплакивания усопшего женщинами, волосы которых были заплетены в две косы, напоминают нам обычаи каракалпаков, свидетельствующие о глубокой преемственности традиций каракалпаков XIX-XX веков с традициями местного населения VII-VIII вв.

Интересные данные для сопоставления дает нам культовое сооружение Мазлумхан Сулу. Памятник сооружен местными мастерами на высоком естественном холме. Внутри мавзолея расположено два надгробных сооружения с надписями на персидском языке. Еще в 1940-е годы XX века, в ночь с четверга на пятницу, в подземелье мавзолея собирались порханы и устраивали зикр. Большинство посетителей зикров были женщины, а главными порханами - мужчины. Порханы считались специалистами по гаданию, предсказанию и лечению, особенно от женского бесплодия.

В народе существует легенда о том, что Мазлумхан-Сулу была дочерью хана, владения которого охватывали Индию, Переднюю и Среднюю Азию. Территория Хорезма была уделом его дочери - Мазлумхан-Сулу. Для нее был построен дворец на холме, на острове. Один из рабов, увидев Мазлумхан-Сулу, полюбил ее и предложил выйти за него замуж. Она тоже полюбила раба. Однако, зная, что отец не согласится отдать её замуж за раба, и чтобы проверить истинность его чувств, сказа-

ла: «Если любишь меня, то построй дворец, который бы не был бы похож на другие дворцы в Средней Азии». Раб, с помощью друзей построил необычный дворец. Убедившись в исполнении желания, Мазлумхан-Сулу еще больше полюбила его. Зная, что при земной жизни они никогда не будут вместе, Мазлумхан-Сулу сказала рабу: «Докажи свою любовь бросившись с крыши моего дворца». Раб повинился и погиб. Вслед за ним бросается и погибает сама Мазлумхан. Оба они были похоронены во дворце, ставшем для них мавзолеем. Аналогичные легенды были связаны и с памятниками Куня Ургенча (Халимов, 1991. С. 48-49). Не решена до сих пор функция памятника Мазлумхан-Сулу. Одни авторы считают его мавзолеем, то есть местом захоронения людей отнесенных к лику святых. Более правдоподобным можно считать предположение древних авторов о том, что памятник является местом для наблюдения за небесными светилами, то есть использовался в качестве астрономического центра (Атамуратов, Есбергенов, 2009. С. 31). Как было указано выше, на внутренних стенах северного намогильного сооружения сохранился отрывок стиха на персидском языке. По предположению учёных, это намогильное сооружение принадлежало женщине. Об этом свидетельствует в тексте слово «Мешатэ», которое наряду с другими значениями имело значение «расчесывальщица невесты» или «женщина, украшающая невесту». В Индии так называют сваху. Персы произносят это слово без ташдида (Некрасов, 1930. С. 584-585). Для более полного разъяснения термина приводятся стихи поэта муллы Тугра:

*Мешатэ сплела узлами локоны ноготка
Чудо, что узел сердца (моего) легко распускается*

Пример употребления слова из стиха Назира Нишапури:

*Мешатэ сада требует с меня брачного выкупа.
Но ведь до сих пор дочь лозы (вино)
Живет в виноградном домике*

Мешатэ здесь выступает в качестве свахи. О роли мешатэ, как прислужницы говорится, например, у Саади.

*Проникает главный мешатэ утра, когда твоя красота
Завязывает на чалме свешивающийся конец из солнечных лучей*

Шервин Бавена, лектор персидского языка ЛГУ, приходит к выводу о том, что мешатэ - женщина, расчесывальщица волос, украшающая невесту перед свадьбой (до свадьбы) (Некрасов, 1930. С. 584-585).

Легенда о Мазлумхан-Сулу, в определенном аспекте отражает некоторые вопросы исторической этнографии народов Южного Приаралья. В частности, в них утверждаются о формах общественного строя, семейно-брачных отношениях и прочее. Эти и другие приведенные данные, служат историческими источниками в изучении этногенеза и этнической истории народов Южного Приаралья, в том числе каракалпаков.

Традиционные виды одежды, особенности ношения определенных украшений, в соответствии с половозрастными нормами, являлись показателями глубокой нравственности человека. Не соблюдавшие предписанные нормы подвергались критике со стороны общественности.

Бусы и различные подвески, носившиеся каракалпачками, являлись символами плодородия и оберегами, охраняющими человека от злых сил, а также представляли собой источник благополучия. Начиная с 30-40-х годов XX в. бусы как ювелирные украшения, почти исчезают из быта народа. Это было связано с идеологией тех времен, когда все традиционное, в том числе и ювелирные украшения, считались символами отжившего, устаревшего, и не имели места в современном быту. В связи с этим резко сократилось изготовление традиционных украшений. Это привело к тому, что постепенно стала вымирать профессия мастера-зергера.

Таким образом, синтез археологических и этнографических материалов дает нам возможность в комплексе исследовать историю и культуру каракалпакского народа.

Полученные результаты могут служить раскрытию этнокультурных связей местного населения с древнейших времен.

Использованная литература:

- Ажинияз. Произведения. Нукус, 1975.*
Атамуратов Т., Есбергенов Х. Народная астрономия // Билим булагы, Нокис, 2009. № 1.
Аяпберген Муса улы. Произведения. Нокис, 1960.
Бердах. "Шежире" Нокис, 1993.
Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Г. Древнейшее население низовий Амударьи // Труды ХАЭЭ. Т.ХV. М., 1986.
Гудкова А.В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
Есбергенов Х. Вопросы этнической истории и традиционной культуры каракалпаков // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.
Есбергенов Х. Ягодин В.Н. Некоторые итоги изучения мазара Шамун-Наби // Вестник КК ФАН Уз. 1966, №4.
Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.-Л., 1950.
Иванов П.П. Очерки истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков // Труды института востоковедения АН СССР. Т. VII. М.-Л., 1935.
Левина Л.М. Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Часть I. Склепы. М., 1993.
Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких Орд и степей. Ч. III. СПб., 1832.
Некрасов А. Надписи на надгробиях Мавзолея Мазлум-Сулу в Миздахкане // Записки коллегии востоковедов при азиатском музее АН СССР. Т.V. Л., 1930.
Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974.
Толстова Л.С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984.
Халимов Н. Памятники Ургенча. Ашхабад, 1991.
Ходжаниязов Г.Х., Юсупов Н.Ю. Культово-погребальные сооружения II-XIV вв. на некрополе Древнего Миздахкана // Тезисы докладов практической конференции «Ходжейли – древнейший город Республики Каракалпакстан. Ходжейли, 1994.
Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // Записки коллегии Востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930.

**ҚОРАҚАЛПОҚ УРФ ОДАТЛАРИГА ДОИР АРХЕОЛОГИК ВА ЭТНОГРАФИК
МАТЕРИАЛЛАРНИНГ ЎЗARO ҚИЁСИЙ ТАҲЛИЛИ МАСАЛАЛАРИГА ДОИР**

Ушбу мақолада қорақалпоқларнинг айрим заргарлик буюмлари, миллий кийим ва маиший турмуш тарзига оид буюм тарихий манба сифатида ўрганилган. Мазкур турдаги археологик ва этнографик материалларнинг ўзаро қиёсий таҳлили қорақалпоқ халқининг тарихи ва маданиятини комплекс тарзда тадқиқ этиш билан бирга уларнинг этномаданий алоқаларини аниқлаш имконини беради.

TO THE ISSUE OF COMPARISON OF THE MATERIALS OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY IN THE RITES OF THE KARAKALPAKS

In this article the sources of synthesis such as some Karakalpak woman's jewelry, household items and clothes as the object of a widespread ancient culture and the historical source were used. The synthesis of archaeological and ethnographical materials gives possibility to explore the history and culture of Karakalpakstan people in complex. The obtained results can discover the ethnical and cultural connections of the local population since ancient times.

Э.Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН

(г. Москва, Россия)

ТРАДИЦИИ АРХИТЕКТУРЫ ХОРЕЗМА В МЕМОРИАЛЬНОМ ЗОДЧЕСТВЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ*

В литературе, посвященной городам Золотой Орды, неоднократно повторяется тезис о сложении архитектуры и строительства в них под преимущественным влиянием Средней Азии (Баллод, 1923. С. 118-120; Якубовский, 1931; 1932; Греков, Якубовский, 1950. С. 160, 170-176; Смирнов, 1976. С. 3-7; Айдаров, 1976. С. 139, 142). Это мнение основывалось не столько на анализе планировки монументальных построек, сколько на изучении строительных материалов, таких как сырцовый и обожженный кирпич, поливные изразцы, резная терракота и ганчевые решетки (панджара). Эти материалы, действительно принесенные в Золотую Орду мастерами из завоеванных районов Средней Азии и, прежде всего, Хорезма, частично вошедшего в ее состав, применялись большей частью в Нижнем Поволжье и других городах степной зоны. В то же время изучение планировочных особенностей таких монументальных построек как мечети, минареты, и общественные бани показало, что они строились по канонам малоазийской архитектурной школы (Зиливинская, 2001; 2009; 2010а; 2011б. С. 9-46, 59-91; 2012. С. 17-97, 275-343). Влияние Среднего Востока, а точнее Средней Азии и Хорезма, отчетливо прослеживается в планировочной структуре дворцовых зданий в городах Нижнего Поволжья (Зиливинская, 2006; 2008; 2010б; 2011а; 2011б. С. 91-132; 2012. С. 343-429).

Богатый материал для изучения влияния различных архитектурных школ на сложение монументальной архитектуры в Золотой Орде дают мавзолеи. Это наиболее хорошо сохранившаяся категория построек, которые изучены во всех регионах этого огромного государства. В настоящее время известно и исследовано около 100 мавзолеев различной сохранности и разнообразной планировки (Зиливинская, 2012. С. 132-228). Многочисленность мемориальных памятников является причиной того, что именно они наиболее показательны для определения традиций различных архитектурных школ и выделения архитектурных провинций внутри Золотой Орды. Так, в Волжской Болгарии и Крыму наиболее выраженным было армяно-малоазийское влияние. В Болгаре также заметно присутствие элементов ширвано-апшеронской школы Азербайджана. Среднеазиатские традиции превалировали в Нижнем Поволжье и степной части Северного Кавказа. В этих же регионах среди мемориальных построек присутствуют формы характерные для кочевнических (кипчакских) надгробных памятников. На некоторых памятниках Поволжья и в предгорьях Северного Кавказа отчетливо прослеживаются традиции азербайджан-

ского зодчества, представленного нахичеванской школой (Зиливинская, 2012. С. 228-275).

Большая часть мемориальных (впрочем, как и других) построек дошла до нас в виде остатков нижней части стен, которые могут дать представление о планиграфии зданий. В то же время для того, чтобы достоверно судить о принадлежности памятника к той или иной архитектурной школе одной планиграфии не достаточно. Именно поэтому огромное значение имеют сохранившиеся постройки, а также рисунки и фотографии исследователей тех времен, когда здания еще не были разрушены. В этом плане наиболее известным является городище Маджар в Ставропольском крае. Здесь до второй половины XVIII в. стояли остатки более 40 мавзолеев. Городище неоднократно посещалось различными путешественниками и исследователями, причем некоторые из них сделали зарисовки сохранившихся в то время зданий.

Самым ранним по времени изображением мавзолеев Маджара является рисунок «Академии наук ученика живописного» Михаила Некрасова, посланного Астраханским губернатором В.Н. Татищевым для зарисовки маджарских развалин. Экспедиция, организованная В.Н. Татищевым, состоялась в июле 1742 г. История ее была неоднократно описана (Пальмов, 1925. С. 209–210; 1928. С. 334–338; Зиливинская 2010в; 2011в; Зиливинская, Васильев, 2012). В результате В.Н. Татищеву был представлен акварельный рисунок, изображающий берег р. Кумы с примерно 45 мавзолеем на нем и карта, составленная топографом Андреем Голохвостовым, на которой, в частности, изображены планы более чем 40 построек. В настоящее время, рисунок М. Некрасова (рис. 1) и карта А. Голохвостова, хранятся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 760 и 868).

По рисунку М. Некрасова была сделана литография, которая опубликована в альманахе А.Ф. Бюшинга (*Magazin...*, 1771. S. 530) (рис. 2. 1). Впоследствии эти изображения приводились другими исследователями (Vähr, 1839. Tab. 1; Волкова, 1972. С.44–45; Аджимамедов, 1992. С.143). В альманахе А.Ф. Бюшинга также приведен рисунок неизвестного автора, на котором довольно точно изображены еще три мавзолея из Маджара и окрестностей, относящиеся к трем различным типам (рис. 2. 2-4). Особенно ценно в этом рисунке то, что здесь приведены и разрезы зданий, на которых хорошо видны их двойные купола и подземные склепы.

Лучшими изображениями маджарских мавзолеев до последнего времени считались цветные литографии из книги П.С. Палласа. Паллас посетил Маджар дважды. В 1780 г. он пишет о шести башнях и 32 сохранившихся зданиях. В 1793 году П.С. Паллас нашел только четыре не разрушенных мавзолея, которые и зарисовал (рис. 3-5). От остальных остались лишь основания, которые располагались вдоль реки в три ряда (Pallas, 1799. S. 276-284).

Недавно в Отделе рисунка Государственного Русского музея были найдены несколько акварелей художника М.М. Иванова. На них также изображены стоящие в ряд несколько однотипных мавзолеев (рис. 6), относящихся к 80 гг. XVIII в.

Таким образом, в настоящее время мы имеем изображения маджарских мавзолеев, выполненные четырьмя различными художниками в период с 40-х по 90-е гг. XVIII в. Наибольшее количество построек находится на самом раннем рисунке Михаила Некрасова. К сожалению, рисунок этот, выполненный за один неполный день в сильной спешке очень мелкий, поэтому исследователи прошлых лет не привлекали его в качестве источника. Между тем, при увеличении можно видеть, что строения на рисунке изображены достаточно подробно с большим количеством деталей.

Все их можно разделить на четыре группы (Зиливинская, 2010в; 2011в; Зиливинская, Васильев, 2012). Прежде всего, нас интересуют сооружения, относящиеся к двум группам.

К первой группе относятся здания кубического объема, переходящие в восьмигранный или двенадцатигранный барабан, увенчанный двойным куполом (рис. 7.1-6). В каждой грани барабана сделано по окну стрельчатой формы. Окна были как сквозные, так и глухие. Внутренний полусферический купол сохранился у многих построек. Снаружи он имел шатровое покрытие, которое можно наблюдать у некоторых мавзолеев. Все здания этого типа имеют с одной стороны высокий развитый портал, в котором находится вход, обрамленный стрельчатой аркой и двумя П-образными рамами, выложенными кирпичами и, вероятно, изразцами. По форме портала, вписанного в корпус здания или суженного и выступающего вперед, можно выделить два подтипа (Маньковская, 1983. С.32). В боковых стенках большинства зданий также сделаны стрельчатые ниши с окошками или сквозными проемами, обведенные П-образными рамами. Такое же строение имели и мавзолеи, изображенные П.С. Палласом (рис. 3-5) и М.М. Ивановым (рис. 6) (Pallas, 1799. S. 304-312. Pl. 12, 13, Vign. 6; Иванов, Р-30010).

Э.В. Ртвеладзе, изучавший маджарские мавзолеи по рисункам Бюшинга (Magazin, 1775. S. 530) и описаниям С.Г. Гмелина, также выделяет тип портално-шатровых усыпальниц и даже приводит их примерные размеры (рис. 2.3). Это прямоугольные в плане здания (10x7 м) с одним квадратным в плане помещением (5x5 м) и сильно развитым порталом, лежащим на продолжении боковых стен. Портальная ниша перекрыта стрельчатой аркой и оформлена двумя П-образными рамами. На щечковых стенах портала сделаны неглубокие ниши, перекрытые стрельчатыми арками. Аналогичные ниши с дверями или окнами, находились и по центрам трех стен мавзолея как внутри, так и снаружи. Стены мавзолеев толщиной 1,1-1,2 м сложены из золотоордынского кирпича стандартного формата. Снаружи здания были украшены изразцовыми кирпичами бирюзового цвета, мозаиками из поливных элементов различной формы бирюзового, синего, белого, зеленого и красного цветов, а также резной архитектурной керамикой с бирюзовой поливой. Внутри стены были оштукатурены (Ртвеладзе, 1973. С. 271-272).

Следующую группу составляют квадратные в плане постройки, не имеющие выступающего портала (рис. 2.4; 7.7-8). Возможно, это объясняется их плохой сохранностью, а, возможно, это здания, которые Э.В. Ртвеладзе определил как центрические мавзолеи, хотя правильнее их было бы назвать фасадными, так как фасад их выделен только с одной стороны (См. Маньковская, 1983. С. 32; Хмельницкий, 1996. С. 153). Центрические же мавзолеи имеют четыре осевых входа и равнозначные фасады со всех сторон. Такой фасадный мавзолей изображен на рисунке в альманахе А.Ф. Бюшинга, он квадратный в плане размерами примерно 7x7 м (рис. 5.2). На углах здания находятся трехчетвертные колонны. Портал отсутствует, но дверной проем, сделанный в одной из стен, оформлен стрельчатой аркой. Мавзолей имеет купольное перекрытие на высоком цилиндрическом барабане с восемью или двенадцатью прямоугольными окнами. Купол двойной, причем внутренний имел полусферическую форму, а внешний – шатрово-коническую. Общая высота здания составляла около 14 м (Ртвеладзе, 1973. С. 273-274). Такой же фасадный мавзолей в селении Маслов Кут, находящемся по дороге к Маджару, изобразил М.М. Иванов.

Еще два мавзолея подобного облика известны на Южном Урале и Западном Казахстане. На юге Челябинской области находится мавзолей Кесене, называемый

также «Башней Тамерлана» (Сальников, 1952. С. 144-146), «Варнинским», по названию близлежащего поселка Варна (Загребин, 1986. С. 196-206), Кисене (Кастанье, 1911) и мавзолеев на берегу оз. Кисяне (Смирнов, 1957. С. 92). Впервые, этот памятник был упомянут П. Рычковым и П.С. Палласом (Рычков, 1762. С. 195; Паллас, 1908. С. 388). Наиболее подробное описание принадлежит Э.Ю. Петри, который провел раскопки в мавзолее и обнаружил погребение богатой женщины (Петри, 1889. С. 55). Довольно тщательные рисунки мавзолея в нескольких видах приводит И.А. Кастанье (Кастанье, 1910. С. 49-50; Кастанье, 1911. С. 62-63. Рис.72). Мавзолеев был выстроен из обожженных кирпичей квадратной формы. Описание его весьма приблизительное, но рисунки П.С. Палласа и И.А. Кастанье дают довольно четкое представление о планировке и внешнем облике здания (рис. 8.1, 3-6). Их дополняет план (рис. 8.2), полученный в результате археологических исследований (Боталов, Маламуд, 2001. С. 162-165). Здание было прямоугольным в плане размерами 9х12 м. Оно вытянуто вдоль меридиональной оси, в северной части находилась гурхана, в южной – пештак. В нижней трети усыпальница была квадратной в плане (9х9 м), далее происходит переход к двенадцатигранному барабану, увенчанному пирамидальной крышей с таким же количеством граней. Верхушка крыши была разрушена, и общая высота мавзолея составляла 16 м. Внутреннее помещение имело размеры 6х6 м и было перекрыто сферическим куполом. Переход к куполу осуществлялся при помощи тромпов со сталактитами. С южной стороны здания находился широкий, тщательно проработанный портал. Ширина его превышает ширину основной части здания, а завершение находится несколько выше перехода нижней части к барабану. Вход был оформлен стрельчатой аркой с выделенным кирпичным бордюром архивольтом. С западной и восточной сторон от арки плоскость портала расчленена слегка выступающими пилястрами. Судя по плану, в щелевых стенах портала находились прямоугольные в сечении ниши. В восточной и западной стенах основного помещения мавзолея были сделаны небольшие квадратные окна. Раскопки, проведенные в мавзолее в 1960 г., показали, что здание некогда было украшено поливными изразцами (Стоколос, 1962. С. 26; Боталов, Маламуд, 2001. С. 162-165). Мавзолеев датируется второй половиной XIV в. (Смирнов, 1957. С. 94).

В Западном Казахстане, в Хобдинском районе Актюбинской области находится известный мавзолеев Абат Байтак, сохранившийся почти полностью (рис. 9-10). Впервые он был упомянут П.И. Рычковым в «Топографии Оренбургской губернии» (Рычков, 1762), впоследствии был зарисован и описан И.А. Кастанье (Кастанье, 1911. С. 61-62. Рис. 68). В советское время памятник был подвергнут архитектурному анализу М.М. Мендикуловым, который датировал его XIII в. (Мендикулов, 1950. С. 9-10). Долгое время мавзолеев считался фасадным, и только в 1979-80 гг. было проведено его комплексное исследование и раскопки выявили остатки портала (Ажигали, 2002. С. 174-175; Ажигали, Турганбаева, 2004). Проведенные архитектурные обмеры позволяют сделать точное и подробное описание. Основной объем здания представляет собой призму, подквадратную в основании размерами 9,52х9,8 м со слегка наклонными стенами. На ней установлен высокий одиннадцатигранный барабан, перекрытый коническим куполом. Внутренний купол в этом мавзолеев отсутствует. Грани барабана декорированы нишами с треугольным ступенчатым завершением, в которых находятся ложные оконные проемы такого же абриса. Общая высота здания достигала 16 м. Внутренний объем мавзолея, также имеющий в основании форму квадрата, при помощи тромпов стрельчатого

Рис. 1. Рисунок развалин старого города Маджара, находящегося при впадении р. Буйволы в Куму. Автор Мих. Некрасов, 1742 г. (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 760)

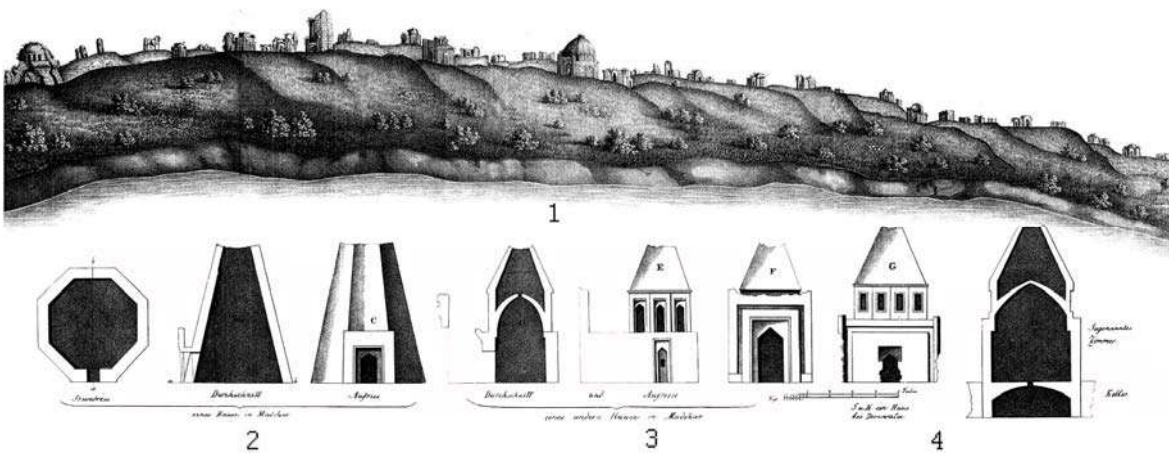

Рис. 2. Гравюра из альманаха А.Ф. Бюшинга 1771 г.: 1 – воспроизведение рисунка М.Некрасова; 2 – пирамидальный мавзолей в Маджаре; 3 – порталный мавзолей с шатровым покрытием в Маджаре; 4 – фасадный мавзолей с шатровым покрытием в местности Дерсовата

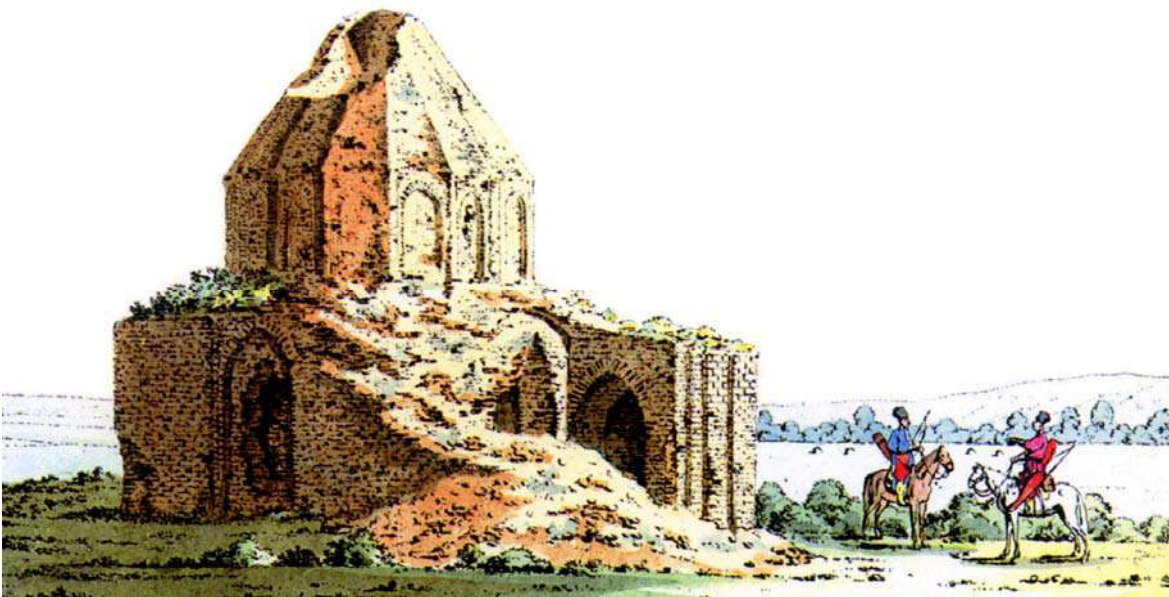

Рис. 3. Мавзолей в Маджаре на гравюре П.С.Палласа

Рис. 4. Мавзолей в Маджаре на гравюре П.С.Палласа

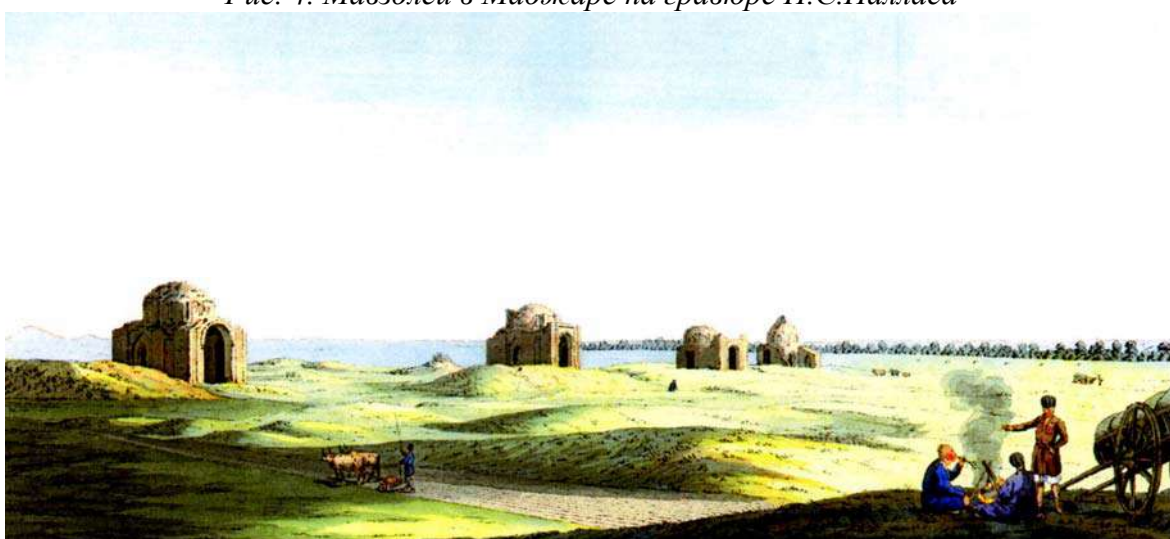

Рис. 5. Последние сохранившиеся мавзолеи Маджара по П.С.Палласу

*Рис. 6. Акварель М.М. Иванова «Мафарские развалины»
(Отдел рисунка ГРМ, Р-30010)*

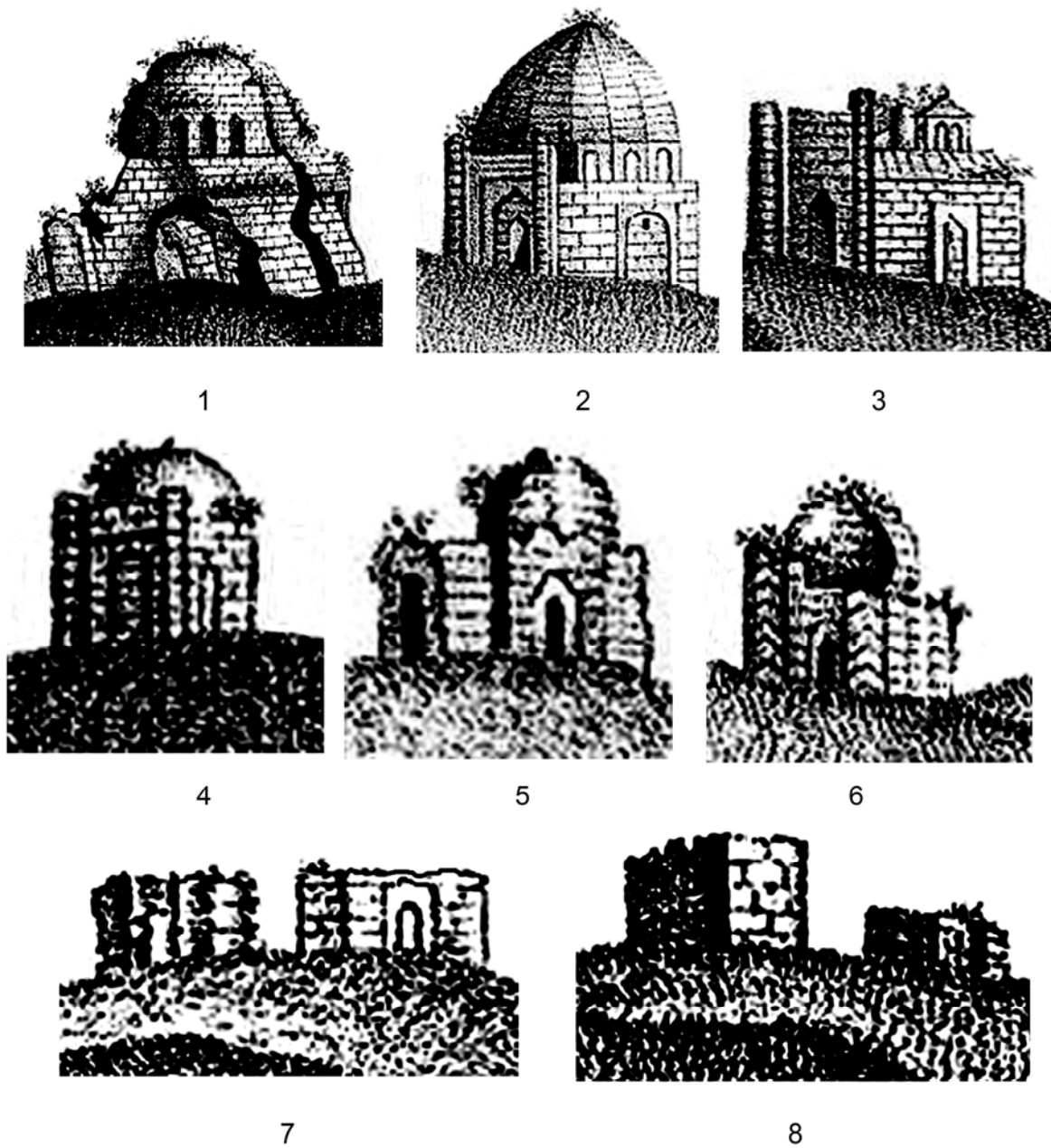

Рис. 7. Мавзолей Маджара на рисунке М. Некрасова.

1-6 – порталные; 7-8 - фасадные

очертания переходит в восьмигранник и затем – в шестнадцатигранник, который перекрыт сфероконическим куполом. В западной и восточной стенах были сделаны стрельчатые оконные проемы. Вход стрельчатого очертания находился с южной стороны. Раскопки выявили, что меридиональные стены здания имели продолжение к югу на 2,98 м и образовывали айван шириной 5,4 м. Постройка сложена из обожженного кирпича размерами 24x24x6 см, во внешней облицовке встречаются поливные кирпичи с зеленовато-бурой поливой плохого качества. По архитектурно-стилевым признакам и отчасти по легенде мавзолей датируется концом XIV- началом XV в. (Ажигали, 2002. С. 174; 2004. С. 22).

Таким образом, до нас дошли изображения (и один сохранившийся мавзолей) ряда типологически схожих мемориальных построек на территории Золотой Орды.

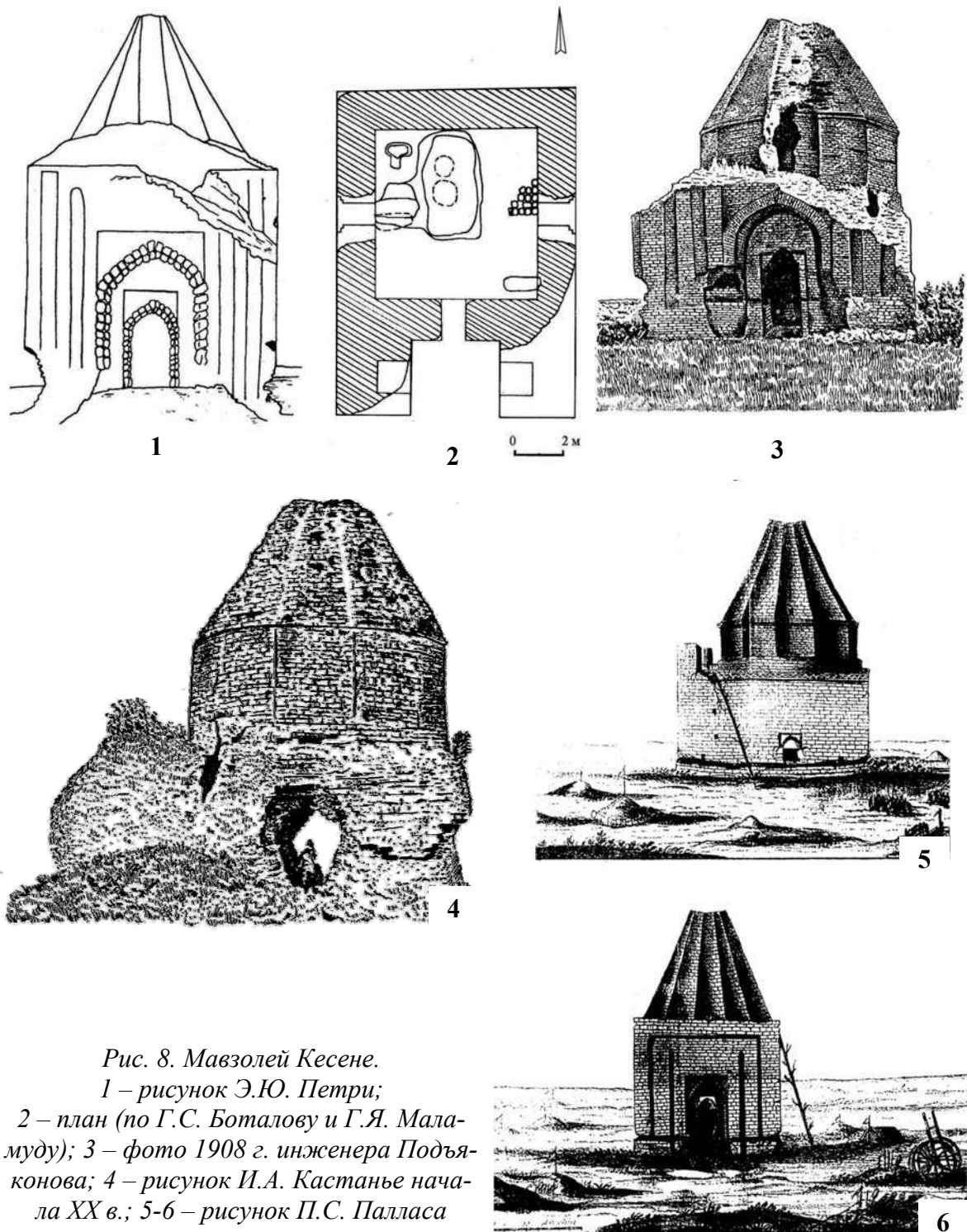

Рис. 8. Мавзолей Кесене.

1 – рисунок Э.Ю. Петри;
 2 – план (по Г.С. Боталову и Г.Я. Маламуду); 3 – фото 1908 г. инженера Подъяконова; 4 – рисунок И.А. Кастанье начала XX в.; 5-6 – рисунок П.С. Палласа

Все они имеют призматический объем, переходящий в многогранный барабан, увенчанный многогранным или коническим шатровым куполом. Одни здания имеют развитый портал, у других только выделен входной аркой один из фасадов. Мавзолеи подобных архитектурных форм наиболее характерны для различных регионов Средней Азии. Генезис их был подробно рассмотрен Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1949; Массон, Пугаченкова, 1950. С. 86-88). Исследовательница счи-

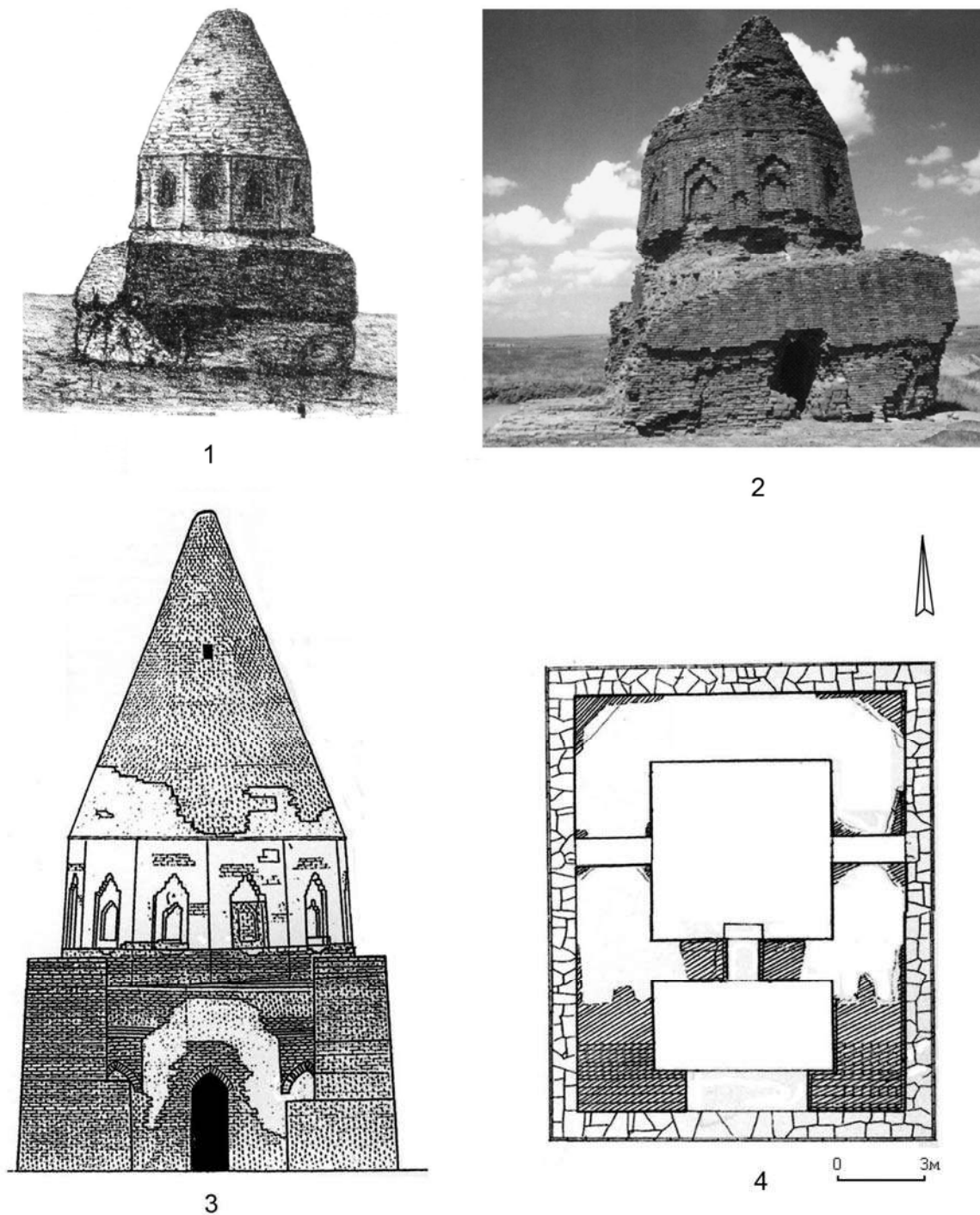
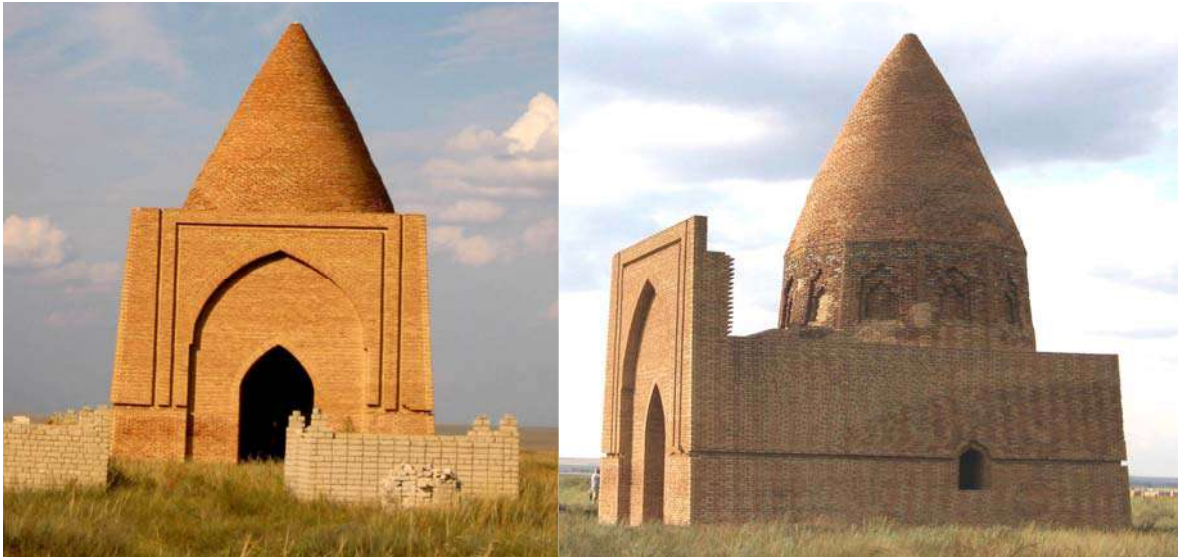
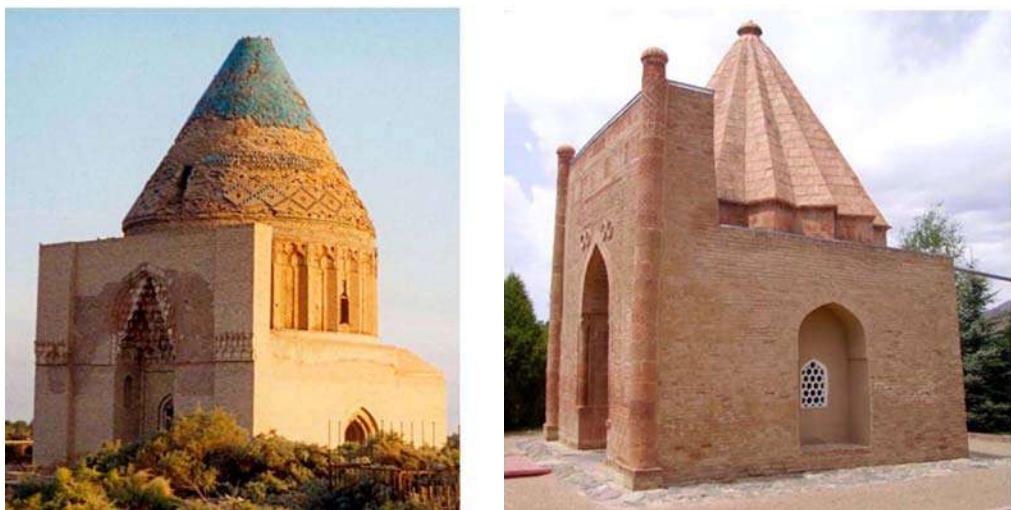
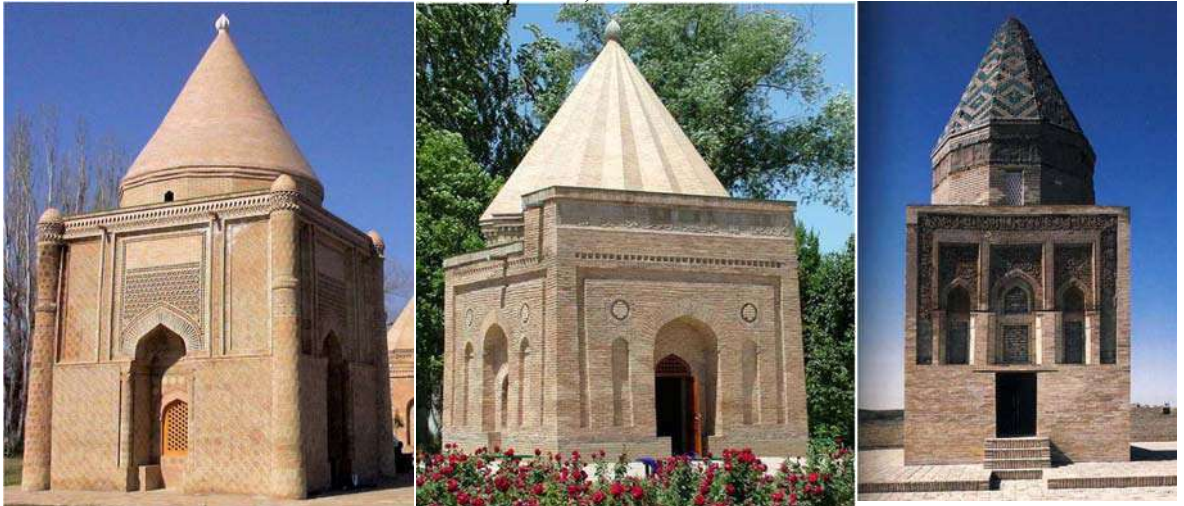

Рис. 9. Мавзолей Абат Байтак: 1 – рисунок И.А. Кастанье; 2 – фото 2000 г., вид с востока; 3 – южный фасад; 4 – план (по С.Е. Ажигали)

тает, что прообраз шатровых мавзолеев следует искать в погребальных памятниках среднеазиатских кочевых народов, прежде всего, присырдарьинских тюрков (сельджуков), у которых существовали шатровые, конические и пирамидальные надмогильные и поминальные сооружения. В результате сельджукских завоеваний X-XI вв. шатровые мавзолеи получили распространение в мусульманском зодчестве. В это время возникают башенные мавзолеи с шатровым покрытием, известные,

*Рис. 10. Мавзолей Абат Байтак, современный вид.
1 – южный фасад; 2 – вид с востока*

*Рис. 11. Шатровые мавзолеи Средней Азии: 1 – Айша-биби (XI-XII вв.);
2 – Бабаджа-хатун (XI в.); 3 – Фахраддина Рази (XII в.);
4 – султана Текеша (XI-XII вв.); 5 – Гумбез Манаса (XIV в.).*

в основном в Хорасане. В северных областях Средней Азии в XI-XII вв. возникает несколько вариантов архитектурного решения шатровых погребальных памятников. Здесь происходит соединение формы кубического и башенного мавзолеев и возникают центрические мавзолеи, такие как Айша-биби (рис. 11.1) у Тараза (Южный Казахстан), Ак-Сарай-динг у Ташауза (Хорезм) и фасадные мавзолеи, например, Бабаджа-хатун (рис. 11.2) возле Тараза и мавзолеев Фахреддина Рази (рис. 11.3) в Куня Ургенче (Хорезм). В XII в. в эту композицию вводится такой элемент как развитый портал (пештак) и возникает новая форма «портально-шатровых» мавзолеев. По мнению Г.А. Пугаченковой, эта композиция специфична для Средней Азии, и нигде больше в это время не встречается. Ярким образцом портално-шатровых усыпальниц является мавзолей Текеша (рис. 11.4) в Куня Ургенче. В дальнейшем эта схема получает широкое распространение. Одним из шедевров порталных мавзолеев с шатровым покрытием XIV в. является Гумбез Манаса в Киргизии (рис. 11.5). Как мы видим, широкое распространение получили они и в Золотой Орде.

Еще одним ярким примером участия хорезмийских зодчих в сложении золотоордынской архитектуры может служить большой мавзолей города Мохши, расположенного в мордовских землях, в современной Пензенской области. В русских летописях Мохши известен под именем Наручадь. В 1959-1960 гг. здесь были проведены археологические раскопки, которые выявили здания различного назначения, часть из которых оказалась мавзолееями (Алихова, 1973. С. 226-237). Всего было исследовано пять мавзолеев различной конструкции.

Наиболее интересной по планировке и крупной по размерам постройкой являлся мавзолей №1 (рис. 12.1). Стены его сохранились на уровне фундамента, который был сложен из бутового камня. В верхней части стены частично или полностью выполнены из жженого кирпича. Здание имело сложную конфигурацию и состояло из четырех помещений. Длина его по оси север-юг составляла 18,5 м, ширина точно не прослеживалась, но была близкой величины. Вход в здание находился с южной стороны. Он был оформлен порталом, массивные пилоны которого толщиной 3 м выступали за пределы южной стены на 1,15-1,4 м. Входной айван утоплен в объем здания и имел глубину 3,5 м при ширине 4,5 м. К северу от портала находилось небольшое тамбурное помещение, шириной 4 м и длиной около 2 м. Восточная и западная стены его являлись продолжением пилонов портала и имели такую же толщину, северная и южная стены были несколько уже. С восточной и западной сторон к тамбуру пристроены еще две комнаты размерами 4,35x4,45 м. Стены их были более тонкими, 1,3-1,5 м толщиной. Внешние южные углы этих комнат оформлены квадратными в плане (2,9x3,0 м) пилонами, которые, вероятно, являлись основаниями угловых башен. К внешним северным углам были пристроены трехчетвертные круглые башенки диаметром 2 м. В углах, образованных северными стенами боковых комнат и меридиональными стенами основного помещения мавзолея прослеживались прямоугольные в плане (1,5x1,2 м) основания пилястр.

Северная часть мавзолея представляла собой обширное почти квадратное в плане помещение размерами 7x6,8 м. Стены достигали толщины 2 м. Северные внешние углы его также были оформлены прямоугольными (2,5x2,7 м) пилонами. Внутри помещения найдены тщательно обработанные камни от облицовки стен и фрагменты желобчатого карниза.

Под этим помещением находился заглубленный в землю склеп (рис. 71, 72). Глубина его составляла около 2 м. Вход в склеп был сделан с восточной стороны зда-

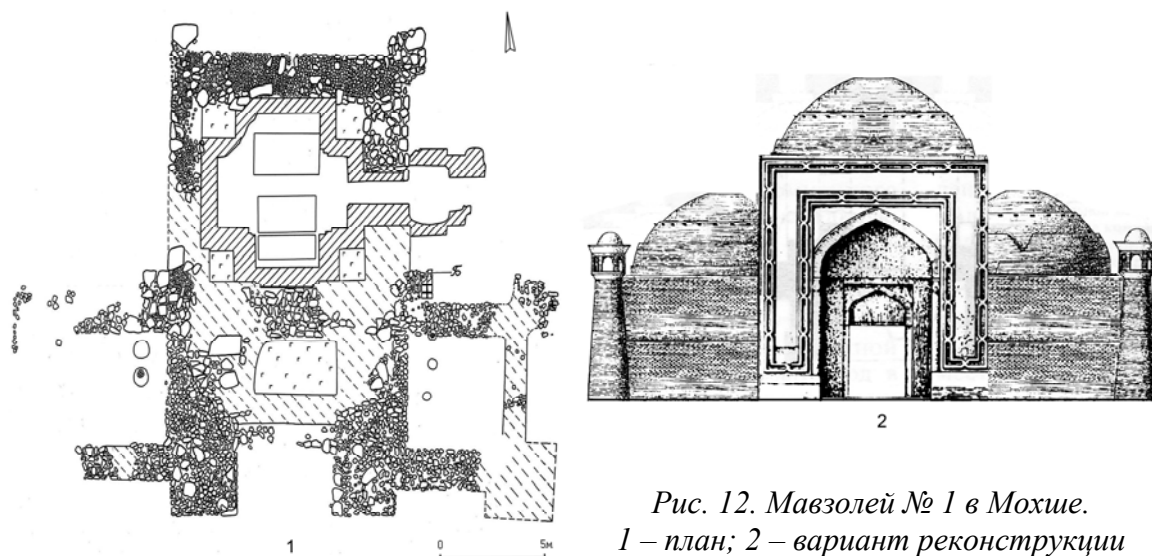

Рис. 12. Мавзолей № 1 в Мохие.
1 – план; 2 – вариант реконструкции

ния и значительно выступал за его пределы. Северная стенка входа с наружной стороны имела утолщение, симметричная ей южная стенка в этом месте разрушена. А.Е. Алихова предполагала, что вход был оформлен снаружи двумя полуколоннами (Алихова, 1973. С. 230). Возможно и другое объяснение наличию этих выступов. Вход мог быть оформлен небольшим порталом, который был шире, нежели стенки входного коридора. Две высокие ступеньки вели в небольшое (2,1x1,8 м) помещение тамбура. Из тамбура можно было попасть в склеп через длинный (6,1 м) и узкий (80 см) проход. Вход в склеп закрывался дверью, о чем свидетельствуют вырубленные в углах прохода пазы и остатки деревянного порога.

Помещение склепа имело крестовидную планировку благодаря четырем широким (шириной по 2,86 и глубиной 1,4 м) нишам в стенах. Общие размеры помещения 5,4x5,8 м. Стены его были сложены из целого и битого квадратного кирпича и оштукатурены. Ниши имели сводчатые перекрытия, на высоте 80 см от пола в них были сделаны маленькие наклонные окошки. Их остатки прослежены в западной и южной стенах склепа. Пол помещения вымощен жженым кирпичом. Склеп был предназначен для погребения трех человек. В полу его были найдены интересные сооружения, которые А.Е. Алихова назвала погребальными местами (Алихова,

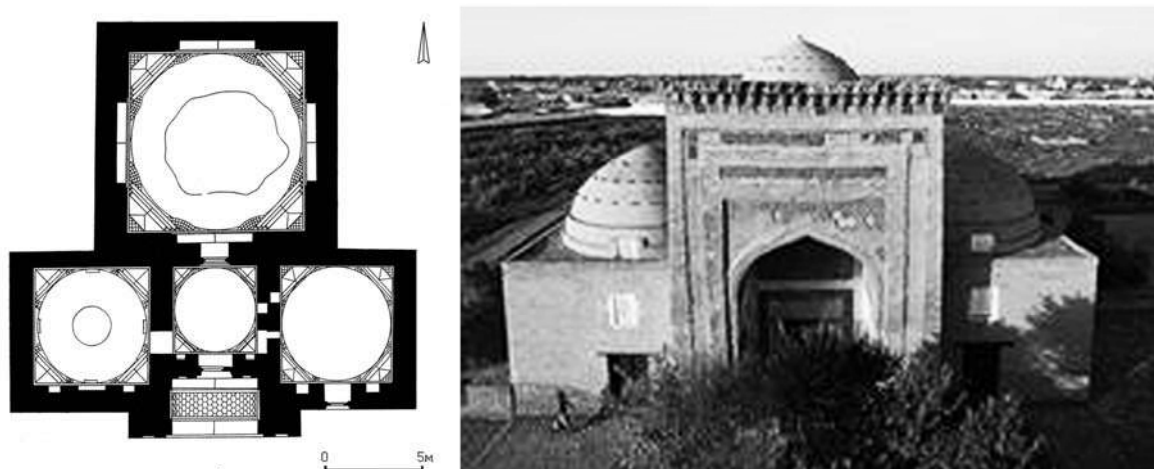

Рис. 13. Мавзолей Наджмеддина Кубра в Ургенче.
1 – план (по Г.А. Пугаченковой); 2 – современный вид

1973. С. 230). Всего в полу было три таких погребальных места одинакового строения. Лучше всего сохранилось центральное, северное было большей частью разобрано. Для сооружения погребальных мест в земле были выкопаны прямоугольные в плане ямы размерами 2,6x1,5 м и глубиной 47 см. По периметру края ямы выложены рядом обожженных кирпичей, положенных плашмя в три слоя. На них покоился ряд кирпичей, поставленных на ребро перпендикулярно краю ямы. В углах этой кладки кирпичи лежали горизонтально. Внутри этих стенок сделана кладка из четырех слоев горизонтально лежащих кирпичей, целых и фрагментов. Поверх этой кладки вся площадь внутри обрамления была заложена кирпичами, поставленными на ребро и ориентированными вдоль длинной оси могилы, то есть по линии запад-восток. На эти площадки предположительно ставились гробы с телами покойных.

Погребальная конструкция в южной части была перекрыта кирпичными плитами пола. Под ними найдена прямоугольная яма, заполненная песком. Она была нарушена грабительской ямой почти такого же размера, в заполнении которой находились обломки кирпичей. По предположению А.Е. Алиховой, южное погребальное место было разрушено во время функционирования кладбища и потом сверху перекрыто вымосткой пола (Алихова, 1973. С. 231-232). Исследовательница отмечает необычность погребальных конструкций мохшинского мавзолея, служащих для изоляции умершего от земли и видит в этом пережитки зороастризма (Алихова, 1973. С. 232).

Таким образом, мавзолей № 1 в Мохши представлял собой крупную мемориальную постройку, состоящую из четырех помещений. Все внешние углы его были оформлены колоннами различного диаметра, наиболее массивные находились на фасаде здания. За высоким порталом с обширным айваном следовал небольшой тамбур, из которого можно было попасть в боковые комнаты и центральное помещение. Под последним находился склеп крестообразного плана, перекрытый куполом. Центральное помещение также имело купольное перекрытие. А.Е. Алихова предполагала, что здесь был сооружен купол на барабане (Алихова, 1973. С. 230-233), что вполне возможно, учитывая значительную толщину стен. Боковые, квадратные в плане помещения также, скорее всего, были увенчаны куполами, но несколько меньших размеров и высоты. В мавзолее была найдена медная монета сарайского чекана времени Тохтамыша. Это позволяет датировать постройку концом XIV в.

Большие размеры здания, сложный план и наличие различных декоративных элементов привели исследовательницу памятника к выводу, что одновременно с мавзолеем здесь могла находиться мечеть (Алихова, 1973. С. 233). Однако это предположение в корне неверно. Данная постройка ориентирована не на киблу, как все мечети, а по сторонам света, как мавзолеи, и в южной стене ее нет места для михраба, так как здесь находится вход. Кроме того, как отмечал С.Г. Хмельницкий, мавзолей в мусульманских странах никогда не мог использоваться как мечеть, напротив, заброшенная мечеть могла быть использована как место погребения (Хмельницкий, 1992. С. 120; 1996. С. 152). Скорее всего, этот явно не рядовой, мавзолей служил фамильной усыпальницей местного представителя знати.

Близким по плану этой постройке в Мохши является мавзолей Наджмеддина Кубра в Куны Ургенче. Анализу архитектурных форм и элементов декора этого памятника посвящена обширная литература (Якубовский, 1930. С. 48-59; Бачинский, 1939. С. 87-90; Засыпкин, 1948. С. 74-78; Пугаченкова, 1967; 1987. С. 153-157; Пи-

лявский, 1974. С. 44-45; Юсупов, 1998. С. 211-218 и др.), поэтому здесь можно привести краткое описание.

Мавзолей Наджмеддина Кубра построен между 1321-1333 гг. над могилой известного шейха, главы и основателя суфийского ордена Кубравия. Здание состоит из четырех подкупольных объемов, расположенных на взаимно перпендикулярных осях (рис. 13). Размеры его примерно 21x19,5 м. С южной стороны находится высокий, богато украшенный пештак со стрельчатым сводом. Плоскость его разделена несколькими П-образными рамами, а все поверхности в прошлом были облицованы майоликовыми плитками, которые большей частью утрачены. Орнаментация их состоит из цветочно-растительных орнаментов и арабской вязи. В колористической гамме преобладают ультрамариновый, бирюзовый и белый цвета. Вход ведет в небольшой, квадратный в плане вестибюль, перекрытый сферическим куполом. С восточной и западной сторон к нему примыкают два равновеликих купольных помещения больших размеров. По мнению Г.А. Пугаченковой, они были предназначены для дервишских собраний (Пугаченкова, 1967. С. 154), по другим сведениям в западной комнате находилась такхорат-хана, а в восточной – малая усыпальница (ВИА, 1969. С. 259-260). На главной (С-Ю) оси находится самое большое в комплексе помещение усыпальницы (гур-ханы) с майоликовым надгробием. Квадратное в плане снаружи, внутри оно имеет неразвитую крестообразную планировку за счет неглубоких ниш в стенах. Усыпальница также перекрыта высоким куполом, который завершает композицию.

Таким образом, мавзолей № 1 в Мохши по своей структуре почти идентичен мавзолею Наджмеддина Кубра. Оба здания имеют близкие размеры и Т-образную планировку. По центральной оси находится массивный портал с айваном, тамбур и большое купольное помещение. По бокам к тамбуру примыкают квадратные помещения, которые также были перекрыты куполами. В плане зданий существуют небольшие отличия. В мавзолее Наджмеддина Кубра тамбурное помещение квадратное в плане и перекрыто небольшим куполом. В мавзолее Мохши тамбур прямоугольный и, скорее всего, здесь было сводчатое перекрытие. Постройки несколько отличаются и по строительной технике. Хорезмийский мавзолей построен из обожженного кирпича и портал его богато декорирован поливными изразцами. Фундамент Мохшинского мавзолея был возведен из бутового камня, а стены полностью и частично – из обожженного кирпича. Внутри стены были отделаны тщательно обработанными облицовочными камнями и резными каменными деталями. То есть, совершенно очевидно, что архитектором, строившим мавзолей, скорее всего, был именно хорезмиец, а непосредственно в строительстве принимали участие местные мастера.

Внешняя отделка мохшинского мавзолея была даже более интересной: все внешние углы были украшены колоннообразными выступами различного диаметра (рис. 13.2). Самые крупные декоративные башенки (диаметром около 3 м) примыкали к углам фасадной стены, остальные внешние углы были оформлены трехчетвертными колонками диаметром около 2 м. Мавзолей в Мохши также отличается наличие обширного подземного склепа, а в мавзолее Наджмеддина Кубра усыпальница была устроена в большом купольном помещении.

Следует также отметить, что мавзолей № 1 в Мохши единственная известная на данный момент мемориальная постройка в Золотой Орде, которая имеет столь сложную планировку (Зиливинская, 2012. С. 132-275). Г.А. Пугаченкова высказала, на мой взгляд, достаточно обоснованную гипотезу, о том, что купольные помеще-

ния мавзолея Наджмеддина Кубра использовались для собраний дервишей, то есть он являлся также ханака (Пугаченкова, 1967. С. 154). Мавзолей в Мохши приспособлен для этих целей даже в большей степени. Так как погребальная камера находится в подземном склепе, большое купольное помещение над ним могло использоваться как зиарат-хана и зал для радений дервишей. Боковые комнаты могли служить для других целей.

Подводя итог, можно отметить, что в мемориальном зодчестве Золотой Орды достаточно четко прослеживается влияние архитектуры и строительного дела Средней Азии, а, скорее всего, именно Хорезма. Однако, это влияние было не единственным, а представляло только одну из нитей в сложном переплетении традиций и инноваций, из которых была соткана культурная ткань золотоордынского государства.

Примечание

* Работа подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Использованная литература:

- Аджимамедов Р.Е.* Страницы истории Прикумья с древнейших времен. Буденновск, 1993.
- Ажигали С.Е.* Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.
- Ажигали С.Е., Турганбаева Л.Р.* Абат Байтак – жемчужина Казахской степи. Алматы, 2004.
- Айдаров С.С.* Архитектурные комплексы средневекового Болгара // *Архитектурное наследство.* XXIV. М., 1976.
- Алихова А.Е.* Мавзолей города Мохши-Наровчата // *СА,* 1973. № 2.
- Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи». М., 1923.
- Бачинский Н.М.* Архитектурные памятники Туркмении. Москва-Ашхабад, 1939.
- Боталов С.Г., Маламуд Г.Я.* Погребальный комплекс Кесене // *Уфимский археологический вестник.* Уфа, 2001. № 3.
- Волкова Н.Г.* Маджары. Из истории городов Северного Кавказа // *Кавказский этнографический сборник.* Вып. V. М., 1972.
- Всеобщая история архитектуры.* М., 1969. Т. 8.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.
- Загребин С.И.* Мавзолей Кесене // *Рифей.* Челябинск, 1989.
- Засыпкин Б.Н.* Памятники монументального искусства Советского Востока // *Художественная культура Советского Востока.* М.-Л., 1934.
- Зиливинская Э.Д.* Бани Золотой Орды // *Практика и теория археологических исследований.* М., 2001.
- Зиливинская Э.Д.* Усадебные дома в городах Золотой Орды // *Этнокультурное взаимодействие в Евразии.* М., 2006.
- Зиливинская Э.Д.* Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань, 2008.
- Зиливинская Э.Д.* Золотая Орда, как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // *Archeologia abrahamica.* М., 2009.
- Зиливинская Э.Д.* Минареты Золотой Орды // *Российская археология.* № 2. 2010а.
- Зиливинская Э.Д.* Влияние архитектуры Средней Азии на формирование усадебных зданий в Золотой Орде // *Отзвуки Великого Хорезма.* М., 2010б.
- Зиливинская Э.Д.* Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // *Золотоордынская цивилизация.* Казань, 2010в. Вып. 3.
- Зиливинская Э.Д.* Традиции архитектуры Среднего Востока в усадебном домостроительстве Золотой Орды // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2011а. № 2.
- Зиливинская Э.Д.* Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань, 2011б.
- Зиливинская Э.Д.* Еще раз о мавзолеях Маджара // *От палеолита до средневековья.* М., 2011в.
- Зиливинская Э.* Архитектура Золотой Орды. Взаимодействие культурных традиций. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В.* Мавзолеи Маджара в описаниях и рисунках XVIII века // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2012. №2.

- Кастанье И.А.** Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. Вып. XXII. Оренбург, 1910.
- Кастанье И.А.** Надгробные сооружения Киргизских степей // Труды ОУАК. Вып. XXVI. Оренбург, 1911.
- Маньковская Л.Ю.** Типологические основы зодчества Средней Азии. IX—начало XX в. Ташкент, 1980.
- Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.** Гумбез Манаса. (Киргизское зодчество. XIV в.) // Памятники архитектуры народов СССР. М., 1950.
- Мендикулов М.** Некоторые данные об истории архитектуры Казахстана // Известия АН Каз. ССР. № 80. Вып. 2. Алма-Ата, 1950.
- Паллас П.С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи в 1768-1769 гг. Ч. 1. СПб., 1908.
- Петри Э.Ю.** Раскопки в Оренбургской губернии в Тургайской области // ОАК за 1889. СПб., 1892.
- Пилявский В.И.** Куны-Ургенч. Л., 1974.
- Пугаченкова Г.А.** К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Труды ЮТАКЭ. Вып. I. Ашхабад, 1949.
- Пугаченкова Г.А.** Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 г. М., 1967.
- Пугаченкова Г.А.** Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.
- Ртвеладзе Э.В.** Мавзолеи Маджара // СА. 1973. №1.
- Рычков П.** Топография Оренбургской губернии. Ч. II. Оренбург, 1762.
- Сальников К.В.** Древние памятники Урала. Свердловск, 1952.
- Смирнов А.П.** Железный век Башкирии // МИА, вып. 58. М.-Л., 1957.
- Смирнов А. П.** Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле волжских болгар // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Стоколос В.С.** Археологические исследования Челябинского областного музея // Вопросы археологии Урала. Вып. 2. Свердловск, 1962.
- Хмельницкий С.** Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX-X вв. Берлин-Рига, 1992.
- Хмельницкий С.** Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Часть I. Берлин-Рига, 1996.
- Якубовский А.Ю.** Развалины Ургенча // Известия ГАИМК. Т. 6. Вып. 2. Л., 1930.
- Якубовский А.Ю.** К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Известия ГАИМК. VIII. Вып. 2-3. Л., 1931.
- Якубовский А.Ю.** Феодализм на Востоке: Столица Золотой Орды Сарай Берке. Л., 1932.
- Bähr K.** Eine alte Abbildung der Ruinen von Madjar // Beiträge zur Kenntnisse des Russischen Reiches. SPb., 1839. Bd. 3.
- Magazin für die neue Historie und Geographie angelegt von Dr. Anton Friedrich Büsching.** Hamburg, 1771. Bd. 5/6.
- Pallas P.S.** Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794. Leipzig, 1799. Bd. 1.

ОЛТИН ЎРДА МАҚБАРАЛАР ҚУРИЛИШИДА ХОРАЗМ МЕЪМОРЧИЛИГИ АНЪАНАЛАРИ

Мақбаралар қурилиш меъморчилигини илмий жихатдан ўрганиш Олтин Ўрдада монументал архитектурани шаклланишида турли хил меъморий мактаблар ўзаро таъсирини тадқиқ этиш учун муҳим маълумот манбаи ҳисобланади. Олтин Ўрда мақбаралар қурилишида Ўрта Осиё меъморчилиги ва қурилиши маданияти, жумладан Хоразм архитектура қурилиш маданияти таъсири кузатилади.

THE TRADITIONS OF ARCHITECTURE OF KHOREZM IN MEMORIAL ARCHITECTURE OF THE GOLDEN HORDE

The architectural study of mausoleums provides the ample material for the study of the influences of different architectural schools on the formation of the monumental architecture of the Golden Horde. The memorial architecture of the Golden Horde was influenced by the architecture of Central Asia, especially Horezmian architectural schools, where the variants of portal-hipped funeral monumental constructions appeared in 11-12th centuries.

М.Д. Калменов

*Центр истории и археологии ЗКО
(г. Уральск, Казахстан)*

КРЕПОСТИ-УБЕЖИЩА МАНГИСТАУ

В местах, наиболее удобных стратегически и сочетающих выгоды ландшафта, на Устюрте и Мангистау (Мангышлак) расположены крепости-убежища. Подобные крепости перегораживали мысовидные выступы с обрывистыми краями, создавая тем самым небольшое защищенное пространство. Иногда стеновыми кладками укрепляли и относительно пологие борта мыса. Эти сооружения были практически необитаемы, так как использовались только по необходимости в моменты боевых действий. Цель такой крепости – уберечь скот и скудный скарб, небольшой группы населения или обеспечить безопасность груза и тягловых животных торгового каравана на время ночлега близ колодца, или прикрыть спуск караванной тропы от набегов грабителей и враждебных соседних кочевых племен.

Крепости-убежища разбросаны по всей территории Мангистауского региона. Наиболее известные из них располагаются в местностях Карлыбас, Караган, Борлы, Сагынды, Тулкули, Кокжал, Айгырлы, Тубежик. Возводились крепостные стены из природного камня методом двухрядной горизонтальной кладки без раствора с забутовкой внутреннего пространства. Устойчивость стены достигалась устройством полукруглых «глухих» башен с боевыми площадками. С внутренней стороны, на стену высотой более 3 м можно было попасть по небольшим лестничным маршам. Обычно узкий вход в крепость устраивался между стеной и обрывом или ближе к краю стены укрепленному башнями.

Крепость-убежище Айгырлы. Памятник расположен в 16,5 км на юг-юго-запад от пос. Таучик. Выявлен археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. (Справочные статьи археологических памятников..., 2006). Крепостная стена перегораживает мысовидный выступ (рис. 1). В плане, представляет собой немного извилистую линию протяженностью более 62 м. С северной стороны скального обрыва основная стена доложена невысокой кладкой протяженностью 30 м (рис. 2). Стеновые кладки почти полностью разрушены в результате выборки камня и представляют собой каменно-грунтовый вал шириной 6–7 м и высотой до 2,5 м. С напольной стороны стена была укреплена четырьмя полукруглыми башнями диаметром 3–5 м. Между третьей и четвертой башнями имеется разрыв вала, вероятно, маркирующий наличие прохода. Конструктивно стена сложена двухрядной кладкой, без раствора, природного камня с грунтово-щебнистой забутовкой межрядового пространства (рис. 3). С южной стороны скального мыса перед стеной имеются остатки обустроенной караванной тропы шириной более 1 м. Тропа у основания мыса огра-

ничивается остатком небольшого поселения из нескольких построек. На современной поверхности прослеживаются элементы фундаментов четырехугольных построек. На площади поселения, как и площади крепости, встречаются фрагменты станковой и лепной керамики домоногольского периода. В 100–120 м западнее мыса находится небольшой могильник, состоящий из более 20 надгробных форм, которые характеризуются каменными ящиками, плитами с антропоморфными стелами, вытянутыми вымостками и двумя развалившимися оградами с плитами. Аналогичные памятники близлежащего региона датированы X–XIII вв. (Поляков, 1973. С. 67–72).

Крепость-убежище Аккорган. Крепость находится в 7 км на юг-юго-восток от пос. Шетпе. Выявлена в результате археологической разведки Западно-Казахстанской археологической экспедиции в 1990 г. под руководством Л.Л. Галкина (Галкин, 1991. Лист 12). Крепостная стена протяженностью 60 м перегораживает небольшой высокий участок мыса (рис. 4). Стена сложена горизонтальной кладкой природного камня, без раствора, в два ряда с забутовкой. Высота сохранившегося участка составляет 2 м, ширина стены 1,8–2 м (рис. 5). Линия стены прямая, без башен. С западной стороны стена не примыкает к обрыву, образуя проход шириной до 3 м. подъемный материал отсутствует.

Крепость-убежище Байлама. Крепость располагается в 12,5 км на север-северо-восток от пос. Таучик. Выявлена археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. (Справочные статьи археологических памятников..., 2006). Крепостная стена перегораживает узкий перешеек между каньонами Каракавак и Шульдор и отгораживает от основного плато участок 6х3 км. Стена в плане представляет собой прямую линию протяженностью более 600 м (рис. 6). С напольной стороны она укреплена шестью полукруглыми башнями диаметром 3–3,5 м. Конструктивно стена сложена двухрядной кладкой, без раствора, природного камня с грунтово-щебнистой забутовкой межрядового пространства. Ширина кладки 1,3–1,7 м, сохранившаяся высота до 1,5 м (рис. 7). С напольной стороны перед стеной имеется оплывший ров, шириной до 5 м и глубиной 0,5–0,7 м. В пределах крепости каких-либо артефактов не найдено. Можно предположить, что памятник относится к средним векам.

Крепость-убежище Бесбулак 2. Памятник находится в 34 км на север-восток-восток от пос. Сай-Отес. Выявлен в результате археологической разведки Западно-Казахстанской археологической экспедиции в 1990 г. (Галкин, 1991. Лист 16). Остатки крепостной стены примыкают к краю восточного борта небольшого ущелья Бесбулак Западного Чинка плато Устюрт (рис. 8). Стена сохранилась не полностью; с юго-западной стороны, вероятно, разобрана на камень при сооружении новой крепости (рис. 9). В плане имеет форму изогнутого зигзага, с выступающими шестью башнями трапецевидной формы. Конструктивно стена сложена вертикально установленными в два ряда плитами с каменной забутовкой между ними. Ширина стены достигает 2–3 м. Остатки стены в настоящее время выглядят в виде валов шириной 4–7 м при высоте 0,5–0,7 м. На площади крепости и за ее пределами на современной поверхности в большом количестве встречаются кремневые артефакты, характеризующие пластинчатую индустрию расщепления камня. На основании кремневых артефактов можно предполагать, что крепость относится к временам до нашей эры. Активное использование памятника относим к X–XIII вв.

Крепость-убежище Биргарын. Крепость располагается в 31 км на юго-запад от пос. Жынғылды. Выявлена археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г.

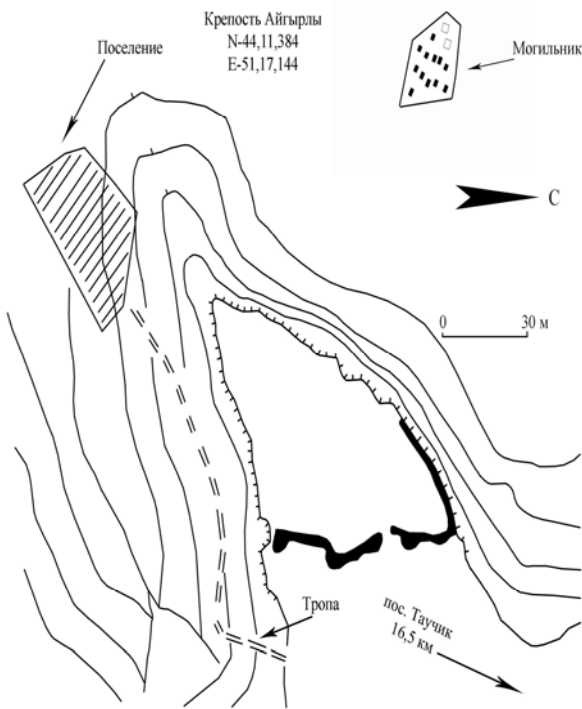

Рис. 1. План крепости Айгырлы.

Рис. 2. Стены крепости Айгырлы

Рис. 3. Конструкция стены крепости Айгырлы

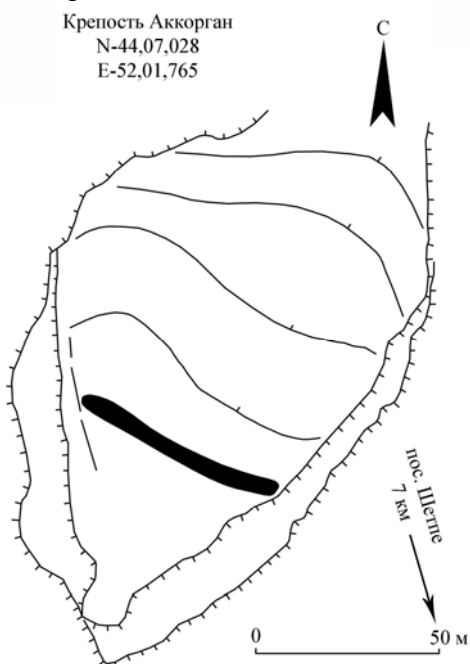

Рис. 4. План крепости Аккорган

Рис. 5. Стены крепости Аккорган

(Справочные статьи археологических памятников, 2006). Крепостная стена протяженностью около 80 м перегораживает скальный мысовидный выступ обширного платообразного поднятия. В плане линия стены чуть изогнута в сторону «поля» (рис. 10). С напольной стороны стена укреплена двумя полукруглыми башнями диаметром 3,5 м. Конструктивно стена сложена двухрядной кладкой, без рас-

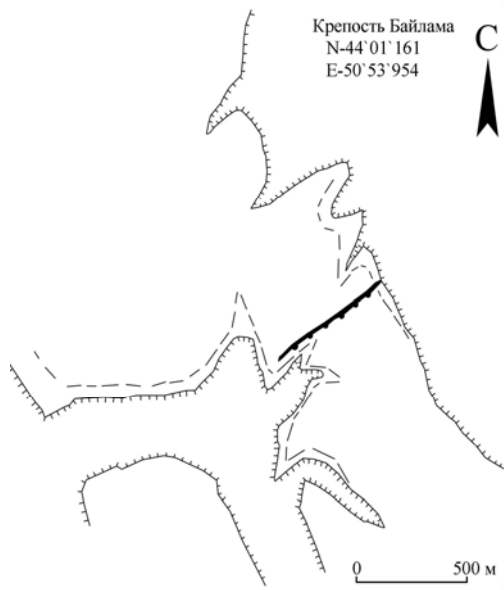

Рис.6. План крепости Байлама

Рис.7. Стены крепости Байлама

Рис.8. Крепость Бесбулак.
Остатки стены на краю чинка

Рис.9. Остатки фундамента
крепости Бесбулак

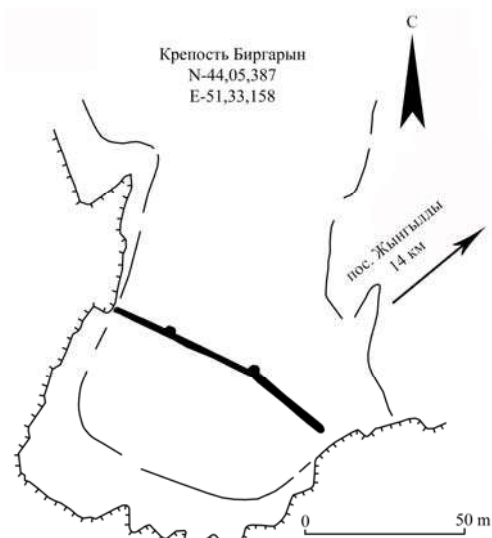

Рис.10. План крепости Биргарын

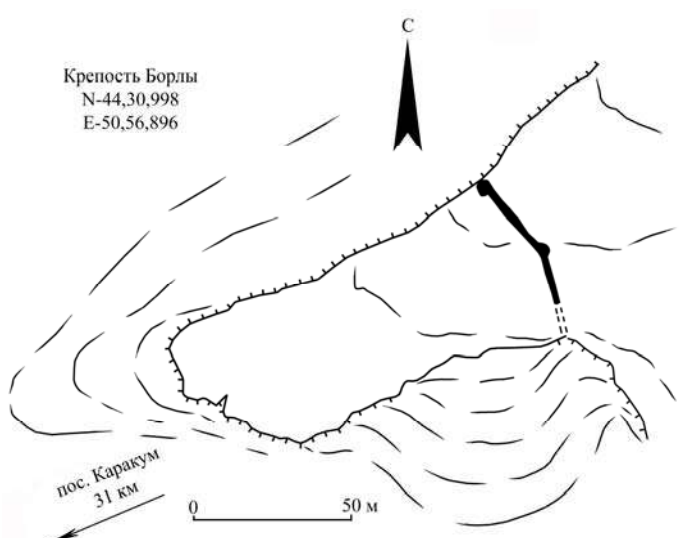

Рис.11. План крепости Борлы

Рис. 12. Крепость Караган аэрофото 1982 г.

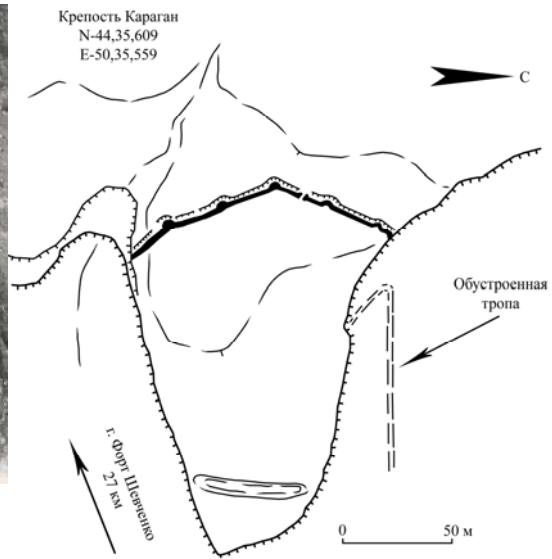

Рис. 13. План крепости Караган

Рис. 14. Фрагмент стены крепости Караган

Рис. 15. Стена крепости Карлыбас

Рис. 16. Конструкция стены крепости Карлыбас

Рис. 17. Полукруглые башни на стене крепости Карлыбас

твор, природного камня с грунтово-щебнистой забутовкой межрядового пространства. Ширина кладки достигает 2 м, сохранившаяся высота до 2,5 м. С юго-восточной стороны между стеной и обрывом имеется проход шириной 2 м. Каких-

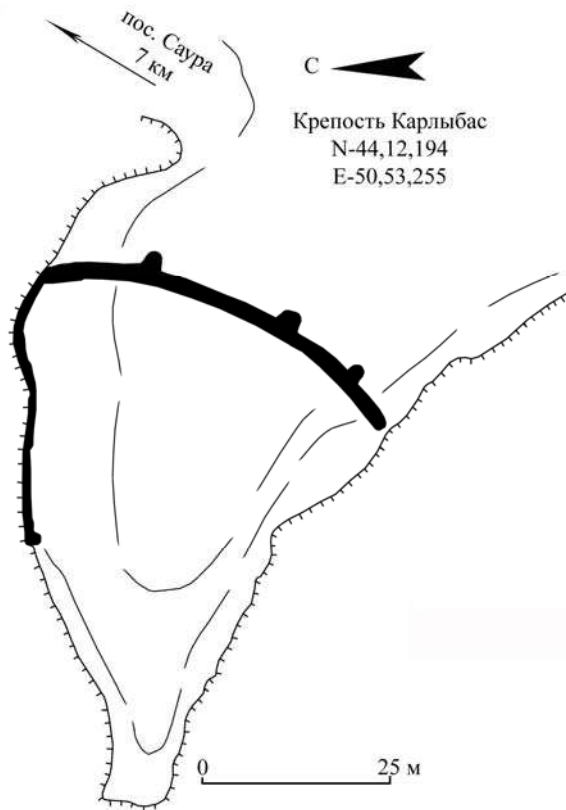

Рис. 18. План крепости Карлыбас

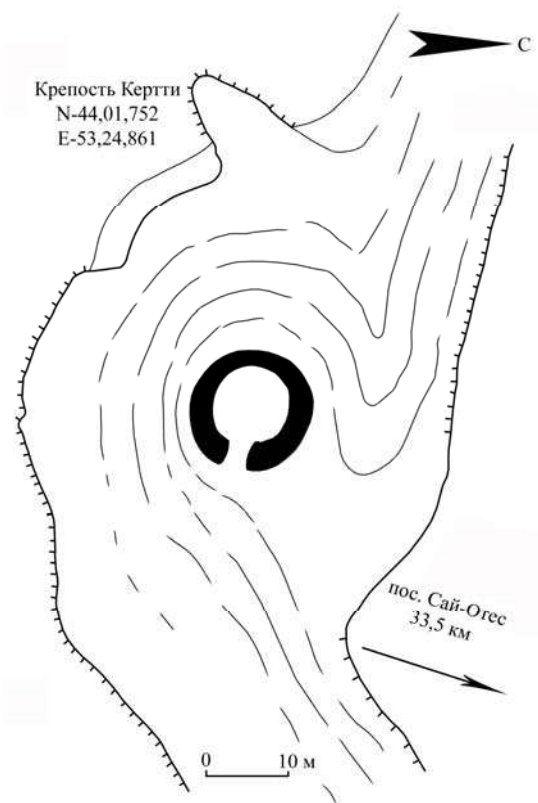

Рис. 19. План крепости Кертти

Рис. 20. Фрагмент стены крепости Кертти

Рис. 21. План крепости Кокжал

либо артефактов на площади крепости не найдено. Аналогичные памятники региона датируются X–XIII вв.

Крепость-убежище Борлы. Памятник находится в 31 км на север-северо-запад от пос. Каракум. Выявлен археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. (Справочные статьи археологических памятников, 2006). Крепостная стена протяженностью около 50 м перегораживает скальный мысовидный выступ Тупкараганского плато. В плане линия стены чуть изогнута в сторону «поля». В южном направлении кладка почти полностью разобрана (рис. 11). С напольной стороны стена

укреплена полукруглой башней диаметром 3,5 м. Конструктивно стена сложена двухрядной кладкой, без раствора, природного камня с грунтово-щебнистой забутовкой межрядового пространства. Ширина кладки 1,3–1,6 м, сохранившаяся высота до 1,5 м. С напольной стороны перед стеной имеется оплывший ров шириной до 5 м и глубиной 0,5–0,7 м. Каких либо артефактов на площади крепости не найдено. Возможно, крепость была сооружена в средние века, и использовалась вплоть до начала XX в.

Крепость-убежище Караган. Крепость расположена в 27 км на юго-запад-запад от г. Форт-Шевченко. Выявлена Волго-Уральской археологической экспедицией под руководством Л.Л. Галкина в 1982 году (рис. 12). (Галкин, 1982. Лист 18). Памятник состоит из двух объектов. Объект 1 – крепостная стена, перегораживающая мысовидный выступ, ее протяженность 190 м. В плане стена изогнута в сторону «поля» ломаной линией (рис. 13). Стена невысокая, до 1,5 м. Сложена методом двухрядной кладки, природным камнем с грунтово-щебнистой забутовкой. Ширина стены 1,5–1,7 м. Стена укреплена шестью полукруглыми башнями диаметром 3–3,5 м. В северо-западном секторе стены имеется проход. Перед стеной с напольной стороны просматривается заплывший ров шириной до 3 м. На площади, огороженной крепостной стеной, встречаются фрагменты станковой красноглиняной керамики. С северной стороны мыса имеется обустроенная тропа–спуск. Объект 2 – массивный вал на оконечности мысовидного выступа (рис. 14). Вал шириной 6–7 м при высоте более 2 м. На участке мыса, отгороженном валом, встречаются фрагменты лепной керамики, кусочки медной руды и кремневые артефакты.

Крепость-убежище Карлыбас. Крепость находится в 7 км на юго-восток от пос. Саура. Выявлена и паспортизирована сотрудниками МГИКЗ в 1986 г. Основная стена крепости имеет протяженность 45 м (рис. 15) и относится к типу кочевнической крепости-убежища. Сложена крепость из природного необработанного камня, без раствора, методом двухрядной кладки с грунтово-каменным заполнением пустот (рис. 16). Ширина стены достигает 1,7 м. Сохранившаяся высота до 2,8 м. С напольной стороны к стене пристроены три полукруглые башни шириной 3 м с выдвиганием на 4 м (рис. 17). С южной стороны, от стены вдоль обрыва оставлен проход, с внутренней стороны стены имеется 5 лестничных маршей, выступающих из плоскости стены вдоль ее оси. На северном участке стен скальный уступ огорожен невысокой каменной кладкой протяженностью до 70 м (рис. 18). В 110 м юго-восточнее крепости на краю уступа сохранились участки фундамента более ранней стены, протяженностью до 40 м. Скучный подъемный материал предполагает датировать памятник от X–XIII вв. до позднего времени.

Крепость-убежище Кертти 1. Памятник находится в 33,5 км на юг-юго-запад от пос. Сазды. Выявлена крепость археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. (Справочные статьи археологических памятников, 2006). Крепость круглая в плане, диаметром 15 м (рис. 19). Стены сложены горизонтальной кладкой, крупными блоками природного камня. Стены сохранились на высоте более 1 м (рис. 20). Ширина каменного развала 5–6 м. Ширина стен 2–3 м. Крепость с востока имеет разрыв в стене шириной до 3 м. Крепость соединена с массивом плато перешейком до 10 м. На нем имеется каменная наброска диаметром 4 м, высотой 0,4 м. Подъемный материал отсутствует.

Крепость-убежище Кокжал (Жылкыбай). Памятник располагается в 8 км на восток от насосной станции Куйлус. Выявлена крепость сотрудниками отдела ар-

хеологии МГИКЗ в 2006 г. (Справочные статьи археологических памятников, 2006). Кокжал представляет собой укрепление, имеющее только одну стену, которая огораживает мыс от плато (рис. 21). Эта стена имеет протяженность 110 м. Стена в среднем имеет высоту 2 м, на отдельных участках 3 м, ширина стены 1,5–1,8 м, сложена методом двухрядной кладки без раствора с бутовым заполнением пустот. В плане стена извилистая, без башен. В средней части имеется дугообразный выступ. С внутренней стороны были устроены «гнезда» – бойницы в виде ниш со ступеньками для восхождения на стену. Фиксируется 18 «гнезд». С западной стороны, стена не примыкает к обрыву, образуя проход в 1,5 м. С западного борта мыса, внутри крепости, имеется обустроенная тропа, ведущая вниз к основанию борта. На стене в двух местах зафиксированы изображения средневековых тамг. Аналогичные тамги датируются X–XIII вв. (Поляков, 1973. С. 67). Подъемный материал отсутствует.

Крепость-убежище Саура. Крепость находится в 600 м на северо-запад от пос. Саура. Выявлена крепость археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. (Справочные статьи археологических памятников, 2006). Объект состоит из двух стен. Главная из них находится в северо-западной части останца и перегораживает его. Протяженность стены 36 м. В плане она имеет форму плавно изогнутой латинской буквы «S» (рис. 22). Конструктивно стена построена из четырех рядов вертикально врытых плит, следующим образом: основание шириной до 3–4 м с грунтовой забутовкой, на которую установлена подобная конструкция, но меньшей ширины. Высота стены достигает 2 м. Стена выглядит в виде каменно-грунтового вала шириной до 1,5 м. С напольной стороны к концам стены пристроены две башни, сильно разрушившиеся и превратившиеся в груды камней. Здесь просматривается сочетание конструкций из вертикально установленных плит и горизонтальных кладок (рис. 23). Башни крепости, вероятно, имели внутренние помещения. Вдоль юго-западной «малой» башни имеется проход, ограниченный вертикально врытыми плитами. Ширина прохода 2 м. Внутри крепости встречаются кремневые отщепы и, единично, сечения пластин, а также кусочки медной руды. Вспомогательная стена располагается на противоположном конце останца, ее ширина до 3 м. В плане имеет Г-образную форму и возведена из двух рядов вертикально установленных плит. Протяженность стены 10 м. На основании кремневых артефактов, можно предполагать, что крепость относится к временам до нашей эры. Активное использование памятника относим к X–XIII вв.

Крепость-убежище Сыгынды 1. Крепость находится в 21,5 км север-северо-запад от пос. Сайын. Выявлена археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. (Справочные статьи археологических памятников..., 2006). Крепость располагается на морском побережье и прикрывает как с берега, так и со стороны плато обустроенный серпантинный спуск караванной тропы (рис. 24). Верхняя крепостная стена, устроенная на краю плато, короткая (протяженность 33 м) и в плане имеет дугообразную форму. Она по краям и в центре с напольной стороны укреплена тремя полукруглыми башнями диаметром 3–3,5 м (рис. 25). Конструктивно стена сложена двухрядной кладкой без раствора природного камня с грундово-щебнистой забутовкой межрядового пространства. Ширина кладки 2–2,5 м, сохранившаяся высота до 1,7 м. Концы стены примыкают к обрыву и частично разрушены. С восточной стороны внутри крепости имеется пристроенная каменная лестница. Непосредственно под крепостью имеется природная двухъярусная пещера, нижний зал которой сильно засыпан.

Рис.22. План крепости Саура

Рис.23. Конструкция стен крепости Саура

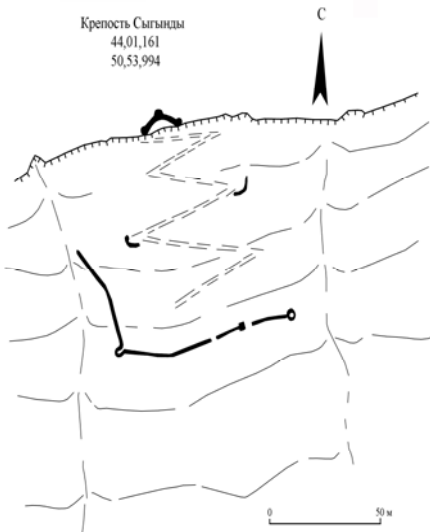

Рис.24. План крепости Сыгинды

Рис.25. Вид на верхнюю стену крепости Сыгинды

Рис.26. Вид на нижнюю стену крепости Сыгинды

Рис.27. Тамги на каменном блоке стены крепости Сыгинды

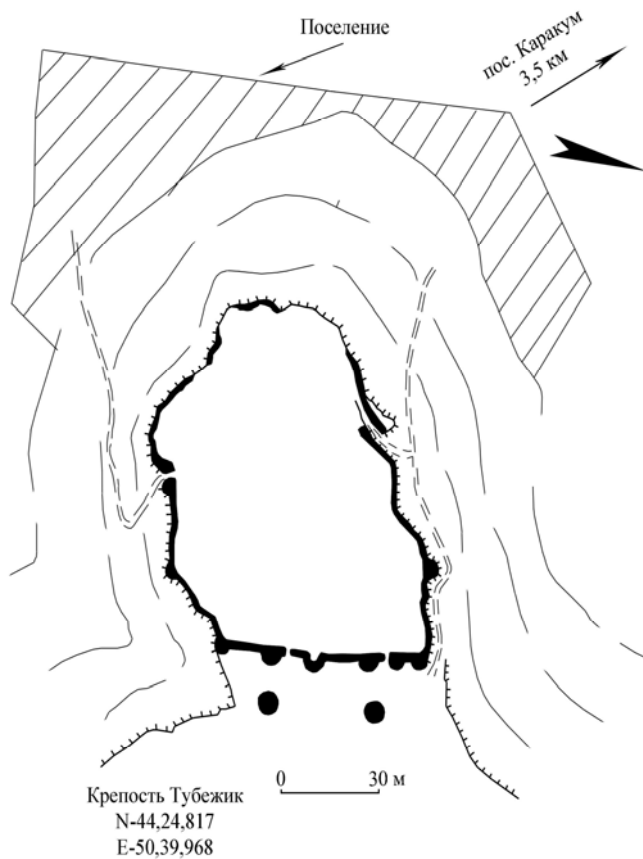

Рис.28. План крепости Тубежик

Рис. 29. Конструкция стен крепости Тубежик

Рис. 30. Обустроенный входной проход крепости Тубежик

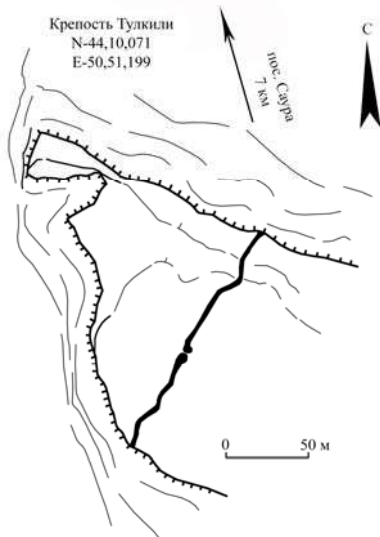

Рис. 31. План крепости Тулкили

Рис. 32. Фрагмент стены крепости Тулкули

В 70 и 150 м восточнее верхней крепости по краю обрыва находится две полуограды в поперечнике длиной 4 м. Полуограды сложены горизонтальной кладкой природного камня без раствора, с облицовкой, вертикально установленными плитами.

На скале у верхней стены и на плите дальней полуограды вырезана однотипная родовая тамга.

Нижняя крепостная стена, протяженностью около 120 м, устроена у основания склона (рис. 26). В плане имеет «Г» – образную форму. На углу и на западном окончании стены имеются круглые кольцеобразные башни диаметром 3,5 м. Кладки сложены в один камень без раствора на высоту до 1,2 м. Имеется два небольших прохода. На большом камне, вошедшем в конструкцию стены, имеются сильно выветренные средневековые родовые тамги (рис. 27). На основе тамг памятник датируется XIII–XIV вв. (Поляков, 1973. С. 68).

Крепость-убежище Тубежик. Памятник расположен в 3,5 км на юго-восток от пос. Каракум. Выявлена Волго-Уральской археологической экспедицией под руководством Л.Л. Галкина в 1982 г. (Галкин, 1982. Лист 21). Памятник состоит из крепости, поселения и могильника. Крепость представляет собой каменные валообразные возвышения с элементами кладок, либо участки сохранившихся стен поперек мыса или по его периметру (рис. 28). Главная поперечная стена протяженностью 65 м имела 6 полукруглых башен и 2 прохода, которые с напольной стороны на удалении 10–12 м перекрывались двумя отдельно стоящими башнями, возможно, круглыми в плане (рис. 29). Средний диаметр башен 5–6 м, толщина стен 2 м. Кладка двухрядная с бутовым наполнением. Вспомогательная стена устроена по периметру, но отсутствует на участках с отвесными стенками «мыса». Ее ширина 1–1,2 м. С восточной и западной сторон «мыса» имеются обустроенные тропы в долину (рис. 30). В крепости и перед ней на современной поверхности часто встречаются фрагменты стенок станковых и лепных сосудов, относящихся к XI–XIV вв. Поселение располагается у основания мыса. На площади 4 га по полупериметру встречаются остатки фундаментов построек и фрагменты стенок станковых и лепных сосудов также относящихся к XI–XIV вв. Небольшой могильник находится у западного основания мыса. Памятник паспортизирован в 1986 г. как крепость Канга-Баба.

Крепость-убежище Тулкили. Памятник находится в 7 км на юг-юго-восток от пос. Саура. Выявлена археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. (Справочные статьи археологических памятников, 2006). Объект представляет собой остатки крепостной стены протяженностью 180 м, которая перегораживает мысовидный выступ скальной террасы (рис. 31). Терраса на этом участке имеет уступчатое понижение с перепадом высоты более 10 м. Стена сложена диким плитняком в два ряда с каменно-грунтовой забутовкой. Сохранившаяся высота стен 1 м (рис. 32). Местами стена разобрана до фундамента. Ширина 1,5–1,7 м. Почти в центре сооружения имеется проход шириной 2 м, который с напольной стороны ограничен выступаю-

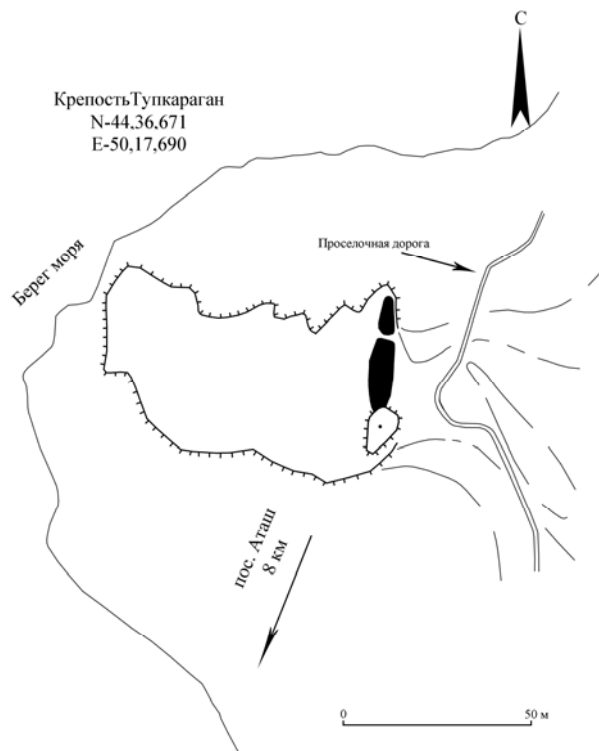

Рис. 33. План крепости Тупкараган

щими полукруглыми башнями диаметром 3,7–4 м. На площади памятника собран керамический материал, датируемой XI–XIV вв.

Крепость-убежище Тупкараган. Крепость находится в 7,5 км на север-северо-восток от пос. Аташ. Выявлена археологической экспедицией МГИКЗ в 2006 г. (Справочные статьи археологических памятников..., 2006). Скальный мыс перегорожен с восточной стороны протяженным каменным валом около 30 м с небольшим разрывом, образующим проход в крепость (рис. 33). Вал с южной стороны упирается в высокий фрагмент скалы, преобладающей в окружающем рельефе. Высота вала составляет более 2 м, при ширине до 5 м. Просматриваются элементы горизонтальной кладки. На площади крепости встречаются фрагменты лепной и станковой керамики, датируемой XI–XIV вв.

Цепь укрепленных крепостей, вытянувшихся по линии восток-запад по отрогам Каратау и по восточному побережью моря, построена более или менее одновременно в XI–XIV вв., о чем свидетельствует найденный на памятниках керамический комплекс.

Таким образом, скудность археологического материала доказывает, что эти сооружения были практически необитаемы, по-видимому, они использовались только по необходимости, в моменты боевых действий. Возможно, главная цель таких крепостей – уберечь скот и скудный скарб небольшой группы населения или обеспечить безопасность груза и тягловых животных торгового каравана на время ночлега близ колодца, или прикрыть спуск караванной тропы от набегов грабителей и враждебных соседних кочевых племен. Как показывают исследования, в монгольский период эти крепости приходят в упадок и теряют свое основное оборонительное значение.

Использованная литература:

- Справочные статьи археологических памятников для Свода Мангистауской области // Архив Мангистауского Государственного историко-культурного заповедника. Актау, 2006.*
- Поляков С.П. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М., 1973.*
- Галкин Л.Л. Сводный Отчет Устюртского (Байтинского) отряда Западно-Казахстанской археологической экспедиции ИА им. А.Х. Маргулана АН КазССР о работах в 1988–1990 гг. (Приложение к отчету 1991 г.) // Архив ИА им. А.Х. Маргулана МОН РК.*
- Галкин Л.Л. Отчет о работах Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР в Мангышлакской области Казахской ССР в 1982 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана МОН РК.*

МАНГИСТОҒ ҚАЛҒА-ҚҰРҒОНЛАРИ

Мақола Мангистоғ худудида тарқалган кўплаб қалға-қўрғонлар тақикотига боғишланган. Қалға-қўрғонлардан фақат ҳарбий ҳаракатлар чоғида фойдаланилган, чунки улар Мангистоғнинг душман чикиши ниҳоятда қийин бўлган қоялари устида қурилган. Қолган вақтларда қалғаларда инсонлар деярли истиқомат қилишмаган.

FORTRESSES-REFUGES OF MANGISTAU

The article examines the fortresses-refuges scattered throughout the territory of Mangistau. The fortresses were partitioned with promontory projections with steep edges, thus creating a small protected space; sometimes the relatively sloping side of the hoe was fortified by walls. These structures were virtually uninhabited since used only when necessary in times of hostilities.

М.-Ш. Кдырниязов

*Каракалтакский государственный университет им. Бердаха
(г. Нукус, Узбекистан)*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХОРЕЗМА XIII-XIV ВВ.

В начале XI-XII вв. в Приаралье сложилось ядро государства Хорезмшахов. Во время правления Текеша (1174-1199) и при последнем хорезмшахе Алааддин Мухаммеде (1200-1220) Хорезмское феодальное государство, достигнув своего политического расцвета, расширило границы от Мавераннахра до Индии, Ирана, и до юго-западных районов Казахстана. При Хорезмшахах развивается ремесло, торговля, оседлое земледелие и строительное дело, поднимается экономическая мощь страны. Однако этот культурный и экономический подъем был прерван монгольским нашествием.

Завоевание монголами областей Мавераннахра, Хорасана, Семиречья и земель Приаралья сопровождалось беспощадным уничтожением их населения, разрушением городов и селений. Ибн аль-Асир пишет: «Эти монголы никого не щадили, наоборот, они убивали женщин, детей, вспарывали животы беременных женщин и убивали младенцев..., вышел (монгол) из окраины Китая и устремился в области Туркестана..., затем от них в области Мавераннахра и овладевают ими..., разрушая, убивая и грабя. Ни одного города монголы не щадили, уходя разрушали..., сжигали» (МИТТ, 1939. С. 517; Ибн ал Асир, 2006. С. 353, 364-365). Жестокость монголов изложена и у Аладдина Ата-Мелика Джувейни: «Монголы брали кварталы (Ургенча) за кварталом, дом за домом, срывали их, убивали всех людей, пока весь город не был захвачен, погнали людей в поле. Ремесленников, более 100000, - они отделили в рабство. Войска занялись разграблением, грабежом, разрушили остатки домов и кварталов (МИТТ, 1939. С. 488). Рашид Ад Дин сообщает о массовом избиении завоевателями жителей Ургенча; при взятии города было убито сотни тысячи человек. При этом «на каждого из 50 000 монгольских воинов пришлось по 24 убитых жителей Гурганджа (24x50 000) (Рашид Ад-Дин, 1952. С. 216; Буниятов, 1986. С. 153). А по историку Хондемиру (1475-1535) эта цифра увеличивается вдвое (Хондемир, 1834. С. 25). Огромное количество людей было обращено в рабство. Нашествие монголов сопровождалось упадком оросительной сети и сокращением площади земель Хорезма, ранее освоенных под пашни. В результате погромов оросительная сеть земледельческих оазисов была разрушена и пришла в негодность. Густонаселенные земледельческие районы Хорезма - Беркуткалинский, Каваткалинский оазисы, - оазис по Чермен-ябу и другие территории потеряли свои прежние значения. Плотины и дамбы на Дарьялыке были разрушены (Гулямов, 1957. С. 165-166). Запустение каналов (Гавхоре), разрушение плотин и дамб в XIII-XIV вв. способствовало временному прорыву вод Амударьи на запад и подъему

уровня Сарыкамышского озера (Андрианов, 1965. С. 174). Некоторые из этих районов не возродились. Большое количество людей было перебито. Тяжелую участь за героическое сопротивление монголам пережило население городов Мавераннахра - Самарканда, Бухары, Ходжента и других. Была подорвана экономическая жизнь. В результате монгольских разрушений общий упадок земледельческой и городской культуры наблюдается в Семиречье (Бартольд, 1963. С. 426, 538; Байпаков, Ерзакович, 1971. С. 98), Таласской, Илийской долине (Байпаков, 1998. С. 96), Восточном Туркестане (История мар Ябалаха..., 1958. С. 67), долине Кашкадарьи (Массон, 1973. С.17) и Дехистане (Атагарыев, 1986. С. 25).

В эпоху монгольского владычества в Хорезме, как и в сопредельных странах, произошли серьезные социально-экономические изменения. Монгольское завоевание тяжело отразилось на исторических судьбах народов среднеазиатского региона. Беспощадные убийства и грабежи монгольской феодальной знати привели к разорению, опустошению прежде цветущих оазисов. Усилилась миграция значительных масс тюрко-монгольских кочевников в Среднюю Азию. Кочевое скотоводство требовало больших необъятных пространств, под пастбище отводились оазисы, где до монголов господствовала оседло-земледельческая традиция (Массон, 1973. С.17). Нависла угроза полного уничтожения производительных сил завоеванных стран. На этой почве в среде кочевой феодально-родовой знати монголов разгорается ожесточенная борьба. Группа военно-кочевой знати во главе с Чагатаем (1224-1242) враждебно относилась к оседлому населению, причиняя много вреда оседлой культуре Средней Азии. Другая группа ориентировалась на культуру завоеванных народов (Якубовский, 1933. С. 52-53; Толстов, 1948. С. 344-345; Петрушевский, 1960. С. 48-51). Сторонниками этого направления были правители Золотой Орды Джучи, его сын Батухан, а также потомки хулагуидов в лице ильханов, в Иране. Они опирались на местную гражданскую бюрократию, мусульманское духовенство, купечество и довольно быстро поддавались воздействию оседлой культуры. Второе направление одержало вверх в хулагуидском государстве при Газанхане (1318-1326 гг.) (Петрушевский, 1960. С. 51).

По-другому сложилось обстоятельство в Золотой Орде. Здесь, несмотря на небольшую группу военно-кочевой аристократии, сторонников первого направления, в 50-х годах XIII в. знать Джучидского улуса стала непосредственно управлять и эксплуатировать оседлые земли и города. Этим обстоятельством был заинтересован и центр Каракорум. Другими словами представители второго направления монгольской аристократии во главе кааном Менгу (1251-1259 гг.) понимали, что налаживание мирной хозяйственной жизни - это единственный путь для создания в покоренных странах экономической базы, которую можно было бы им постоянно использовать (Федоров-Давыдов, 1973. С. 29).

Монгольское завоевание временно задержало культурное развитие народов Средней Азии. Созидательный труд оседлых земледельцев Мавераннахра и других областей Центральной Азии, возродил веками сложившуюся культурную жизнь. Несмотря на тяжелое иго XIII-XIV вв., появились новые города и виды ремесел. Повседневные нужды монгольских ханов ускорили процесс градообразования тяготеющих к степям евразийских оседло-земледельческих регионов. Стабилизирующая политика некоторых ханов привела к созданию новых городов. При Тува хане (1291-1306) возник город Андижан, впоследствии ставший экономическим центром Ферганы (Матбабаев, Машрабов, 2011. С. 27). Его сын и приемник Кепек хан (1318-1326) основал Карши (Массон, 1973. С. 38). Установившийся мирный процесс после завоевания, отсутствие сепаратистских наклонностей при первых ханах, органи-

зация регулярного поступления доходов с покоренного населения, уступки со стороны местной феодальной аристократии, осознание пришельцами выгод восстановления ремесленного производства, привели к культурно-экономическому восстановлению городских центров Мавераннахра, Хорезма, Хорасана. Показательно в этом отношении высказывание одного из монгольских ильханов Ульджейту (Мухаммад Ходабанд 1304-1316). Потомок Чингизхана в письме к французскому королю Филиппу IV Красивому (1268-1314), перефразируя свои намерения о мирных контактах с внешним миром, спрашивает: «В самом деле, что может быть лучше согласия (мира)?» (Хенинг, 1962. С. 162). Стремление получить выгоду привело к возврату части пленных ремесленников в Мавераннахр (1238 г.) при Угэдей хане (1229-1241). Предполагается, что в это же время возвратились на родину и ремесленники Хорезма (История..., 1976. С. 79).

Ещё при жизни Чингизхана завоеванные земли и главные города Евразии были разделены между его четырьмя сыновьями. Джучи (1185-1224 гг.) был старшим сыном Чингизхана и ему, одному из первых, был выделен удел («инджу»), т.е. улус («орда»). Владения Джучи начали формироваться ещё в 1207 г., когда по сведениям Чан-Чуня (1219-1223) ему были выделены «лесные народы» от Селенги до Иртыша, причем, по данным Рашид ад-Дина, на берегу Иртыша находилась его главная Орда. В 1227 г. (в год смерти Чингизхана) в Улус Джучи входили северная часть Семиречья, территория Казахстана и северо-западный Хорезм (Чан-Чунь, 1866. С. 262). Новые завоевания на Западе Евразии расширили границу улуса; образовался конгломерат народов с неоднородным уровнем и с разной культурной жизнью. Джучи «по приказу отца (Чингизхана) принадлежали Хорезм (хорезмийцы), Дешти-Хазар (кипчаки), болгары, аланы, минесы и бесермены говорящие на куманском языке», а также племена, обитавшие севернее Хорезма и значительная часть жителей бывшего государства Хорезмшахов (Тизенгаузен, 1884. С. 297). Часть туркмен, кочевавшая на полуострове Мангышлак, платила дань ханам Золотой Орды (Абулгази, 1897. С. 13). Таким образом, Золотая Орда по обширности территории и по численности населения, состоявшего из полиэтнических групп, территориально превосходила другие владения потомков Чингизхана. Эти народности и племена обитали от рек Иртыша до Дуная и от берегов Чёрного и Каспийского морей до «страны мрака» (Сафаргалиев, 1960. С. 28).

В составе улуса Джучи Хорезм представлял одну из самых богатых и культурных областей Золотой Орды. Однако по традиции один квартал Ургенча, города Кят и Хива были отданы во владения Чагатая (Тизенгаузен, 1884. С. 155). Этот раздел впоследствии стал одним из поводов для конфликта между джучидами и чагатаидами. В то же время здесь вновь развиваются ремесла, хозяйство и торговля. Экономическое развитие способствовало улучшению политического положения Хорезма. Подъем Хорезма отмечен началом чеканки хорезмийских монет в 70-х годах XIII в. (Фёдоров-Давыдов, 1965. С. 180). Хорезм стал одной из сильных экономических баз Золотой Орды, а затем и политически влиятельной областью государства. Культурные достижения хорезмийцев сыграли важную роль в формировании культуры Золотой Орды.

В это время не только материальная культура Хорезма повлияла на Золотую Орду, но также религия и литература распространились среди кочевников. Из Хорезма, и через него в Поволжье, проникает ислам, впервые принятый при Берке Хане в 1256-1266 гг. (Тизенгаузен, 1884. С. 348-349). Принятие ханами ислама было вызвано политическими целями, поскольку ислам и его представители - высшее духовенство, купцы, феодально-мусульманская интеллигенция оказывало решающее влия-

ние на интересы монгольской верхушки (Греков, Якубовский, 1950. С. 80). Тесные связи хорезмского духовенства, военачальников - эмиров с господствующими слоями золотоордынской аристократии давали первым особые привилегии и преимущества, которые они использовали для обогащения. Возможно, эти привилегии и имеет ввиду ал Омари, когда упоминает о хорезмских землях. В частности, он пишет: «Когда это государства (Хорезм) после царей Хорезмийских перешло к Чингизидам, то у войск, эмиров Хорезмских осталась прежние отведенные им земли: всё что находилась в руках их отцов, теперь осталось в руках их сыновей. У эмиров свои земли, которые иному приносят в год от 200000 динаров и менее до 400000 динаров ходячих динаров в год» (Тизенгаузен, 1884. С. 243).

Во время монголов в подвластных им областях возникли административные и социально-политические институты. Это в некоторой степени облегчило управление государством. Хорезм по материальным ресурсам, количеству людей и экономической мощи являлся богатой областью. Управление покорёнными областями Средней Азии и прилегающих к ней стран находилось под непосредственным контролем великого Кагана. Во главе областей стояли родственники хана и другие знатные приближенные правителя. Последние состояли из тюрко-монгольской военной, провинциальной оседло-земельной знати, гражданской торговой бюрократии. Первыми представителями такого рода наместников «великого хана» Угэдэй каана были эмир Куркуз в Хорасане и Махмуд Яловач в Мавераннахре. В то же время «меликом» (правителем) Хорезма был Чин Темур, а Шараф ад-Дин Хорезми являлся «улуг битикчи» (Джувейни, 1911. С. 268-277). Усилившаяся местная феодальная аристократия приспособилась к завоевателям, пошла к ним в услужение. Ханы особенно покровительствовали купцам и мусульманскому духовенству. При первых ханах городами и землями Туркестана, Мавераннахра (Фергана), Хорезма, уйгуров и северным Китаем управляли наместники Махмуд Яловач (1229-1238) и его сын Масудбек (1238-1289 гг.). Махмуд Яловач за заслуги перед Чингизханом стал одним из богатейших купцов своего времени, возглавлял богатый торговый дом, мог взять на себя выплату налогов великому хану со всего Мавераннахра (История..., 1992. С. 142). Возможно, он предвидел в монголах могущественных сюзеренов и ценой признания рабской зависимости от монголов «обезопасил» и «защитил» интересы земель Мавераннахра, Хорезма от их новых разорений. Он удачно пользовался своим положением, и не случайно Махмуд стал губернатором Пекина (1238-1254). Возможно, зависимость Махмуд Яловача от кагана была номинальной. Чагатаиды, жившие далеко (Кульджа) от Мавераннахра, не входили в подробности управления своим уделом и довольствовались лишь получением определенной доли доходов с него. «В его (Яловача) распоряжении находились большие монгольские силы, разбитые на отряды, во главе которых стояли даруги (монгол.), баскаки (тюрк.) - военные правители. Баскаки следили за поступлением налогов податей и повинностей» (История..., 1992. С.142). По сведениям Джувейни в 636 г.х. (1238-1239 г.) Яловач спас Бухару от нового разграбления и резни. Он уговорил временно отложить наказание сторонников Махмуда Тараби и добился помилования у Угэдей кагана - бухарцев (Бартольд, 1963. С. 597). После смерти Махмуда Яловача управление Мавераннахром (Средней Азией) и Китаем перешло к Масудбеку (1238-1285). В годы правления Масудбека осуществлялись налоговая, денежная реформа (1271 г.), улучшились товарно-денежные отношения. Как пишет Рашид Ад Дин, Масудбек, воспользовавшись бесконтрольным положением в качестве «откупщика налогов и податей», «беспощадно обдирал земледельческое и ремесленное население городов» Мавераннахра, обогатил казну ханов (Алгу - 1260-1266

гг.). Отец и сын были яркими сторонниками светских и духовных феодалов, постарались «ценой любых политических уступок сохранить свои земли, недвижимую и движимую собственность и некоторые социальные привилегии» (Греков, Якубовский, 1950. С.79-80). При монгольских ханах льготы получили и другие высшие прослойки оседлой феодальной знати из покоренных народов - садры Бухары, сайиды Термеза и мелики в Иране. Однако отметим, что здесь нет ничего исключительно нового. Подобная категория феодалов ещё при хорезмшахах занимала господствующее положение. Источник «Китаб-и Мулла-Заде» (1412 г.) свидетельствует с титулом «Садр-и джахан» («опора мира»). Садры сохранили власть и при хорезмшахах и при монголах (Бартольд, 1963. С. 390, 418, 546). Несомненно, монголы одали привилегиями и мусульманских купцов, сыгравших предательскую роль в ходе войн Чингизхана (1218-1223). Академик И.П. Петрушевский (1898-1977) пишет: «Помимо Махмуд Яловача, Али хаджи Бухари и Юсуфа Отрари, Хасан хаджи... источники называют преданных Чингизхану мусульманских купцов Омар хаджу Отрари, Джамаля Мораги, Фахриддин Дизаки Бухари, Аминаддина Херави (из Герата) и ряд других» (Петрушевский, 1970. С.128). Здесь уместно обратить внимание и на сообщения автора «Табакат - и Насири» Джузджани (XIII в). Он писал: «Мусульмане (купцы) Туркестана под сенью его (Батухан - 1240-1256) опеки наслаждались большими богатствами и чрезвычайной безопасностью» (Тизенгаузен, 1984. С. 19). В изучаемый период охранной индульгенцией обладали и представители местной хорезмийской знати и духовенства. Для характеристики положения представителей наиболее зажиточных слоев общества особое значение имеют данные первоисточников. Вакуфный документ 1349 г., опубликованный академиком Я.Г. Гулямовым в 1957 г. свидетельствует: ежегодно собранная пшеница из земель фамилии шейха Хададиев из округа Миздахкан равнялась 23000 хорезмских манов (Гулямов, 1957. С. 169). В перерасчёте на цены XIV в. доход семьи Хададиев только из зерновых в этом районе составлял 14,89 тысяч динаров или 89,361 тыс. дирхемов в год (Кдырниязов, 1999а. С. 82). Эта сумма в среднем приближается 9,92% ежегодного дохода потомственных эмиров Хорезма монгольской эпохи (Тизенгаузен, 1884. С. 243). Кроме того, фамилия шейха Хададиев имела земли в округе «(область) Хивак» (Гулямов, 1957. С.169-170). В упомянутом вакуфе встречаются имена других известных феодалов-землевладельцев. Они принадлежали к знатной прослойке класса феодалов - к гражданской бюрократии и духовенству. Площадь земель, занимаемая этой категорией землевладельцев, была очень велика. На основании вакуфной грамоты 1326 г. из Бухары, О.Д.Чехович пришла к выводу, что «завещатель передал в качестве вакуфа целый район с 13 селениями (Чехович, 1965. С. 22-23). Сравнительный анализ этих данных с цифровыми фактами хорезмского вакуфа свидетельствует, что шейх Сулейман Хаддади приобрел в качестве дара «много земель» с орошающими их каналами» в большом благоустроенном («земледельческом» - М.-Ш.К.) районе от Миздахкана до города Багдада» (Гулямов, 1957. С. 171). Сведения источника согласуются с современными картографическими координатами. Миздахкан локализован на большом археологическом комплексе у современного города Ходжейли (Якубовский, 1930. С. 551). Средневековый Багдад в основном соответствует современному городу Чимбаю (Гулямов, 1957. С. 170-171). Расстояние от Миздахкана до Багдада по прямой около 100 км, т.е. 15,3 фарсахов. По вакуфу 1349 г. «благоустроенный большой район...» орошался четырьмя каналами: Тули-Яктан, Эмир Ахмед бин Севинч Темура, Абдурахмана бин Бексолар хаджи и «великой принцессы» Тюрабек ханым, или «при помощи чигирей». Обилие источников орошения земли вакуфа увеличило её доход-

ность. В вакуфе говорится об объёме годового урожая хлебов семьи Хададиев, равной 23000 манн=273400 ц (или 27,340 т). (Кдырнязов, 1999а. С. 85; 1999б). Конечно, наши цифры приблизительны, имеют главным образом, сравнительный характер. Для сравнения целесообразно привести и некоторые данные источников относительно сопредельных Хорезму областей. Так согласно выводам О.Д. Чехович в Бухаре XIII в. по местным меркам на высеивание пшеницы на поливной земле площадью 7 га было израсходовано 864 кг зерна (Чехович, 1979. С. 21). В зональном отношении, в Бухаре и в Хорезме зерновые хлеба, как основная культура, сеются одновременно, урожай постоянно бывает средним. Как уже отмечено, из округов Миздахкана ежегодно собирались 23000 хорезмских манов пшеницы. Считая, что 200 ман=864 кг (Чехович, 1979. С. 21), зерновыми должны быть засеяны около 221,5 га площади земли. На основании вакуфа 1349 г. можно сделать и другой вывод, что в середине XIV в. обширная площадь земельных угодий принадлежала знатным феодалам. Она в округе Миздахкан располагалась вдоль берега оросительных каналов в пространстве длиной в 13-15 фарсахов (около 100 км) и шириной 1-2 фарсаха (6,5-13 км). В итоге обрабатываемая земля заняла бы от 650 га до 1300 га.

Как отмечалось, покоренные земли, и области вместе живущим в них населением распределялись между чингизидами и крупными монгольскими феодалами. В середине XIII в. общеимперская администрация осуществила ряд общих мероприятий по переписи населения, организации связи и некоторые меры по упорядочению денежного дела (Федоров-Давыдов, 1960. С. 134 и сл.). Эти меры ускорили социально-экономические процессы, создали предпосылки закрепощения непосредственного производителя. Социальная природа крепостнических отношений оседло-земледельческих районов Золотой Орды, Ирана, Средней Азии в XIII-XIV вв. изучены А.Ю. Якубовским (1950. С. 328-329), И.П. Петрушевским (1960. С. 55-62, 286-290), М.Г. Сафаргалиевым (1960. С. 96-97), Г.А. Федоровым-Давыдовым (1973. С. 31-35). Однако надо отметить, что в скудных исторических источниках, касающихся Золотой Орды, мало сведений о положении трудового населения в XIII-XIV вв. Поэтому существенное значение имеет исследование социально-экономических явлений в Хулагуидском Иране, чагатаидской Средней Азии и Азербайджане (Али-Заде, 1956). Этим регионам одинаково свойственно общий ход процесса феодализации. А.Ю. Якубовский, И.П. Петрушевский, О.Д. Чехович на основании «Ясы» Чингисхана и вакуфного документа (1326 г.) пришли к заключению, что в XIII-XIV вв., в Средней Азии крестьяне были прикреплены к земле. Политика закрепощения непосредственного производителя в Иране получила юридическое оформление в ярлыке Газанхана 1303 г. (Петрушевский, 1960. С. 321-337). Факт прикрепления крестьян к земле на территории Мавераннахра установлен О.Д. Чехович на основании вакуфного документа 1326 г. из Бухары (Чехович, 1965. С. 11). Однако для Хорезма немного данных, чтобы судить о характере закрепощения крестьян к земле. Тем не менее, в работах А.Ю. Якубовского и М.Г. Сафаргалиева признан факт существования в Золотой Орде прикрепления крестьян к земле. Он обосновывается наличием предпосылок предшествующий домонгольский период истории, превращение крестьян в крепостных (Сафаргалиев, 1960. С. 96-98). Наличие крупной земельной собственности в Золотой Орде породило условия феодального способа производства, право принуждения непосредственного производителя. И.П. Петрушевский в своей фундаментальной работе «Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII-XIV вв.» в главе «Формы феодальной зависимости крестьян» доказал, что в специальной статье «Ясы» видно первое законодательство о закрепощении крестьян. «Бесспорно, что в монгольский период в Средней Азии основная масса

крестьян находилась в личной феодальной зависимости от того или иного феодала, светского или духовного» (Петрушевский, 1960. С. 330). Часть податного населения XIII-XIV вв. сохранила предшествующее общественное положение.

В источниках XIII-XIV вв., встречаются упоминания о крестьянах общинниках, обитателях сельских округов, имеющих земельные угодья. В вакуфной грамоте 1349 г. из Хивинского музея сказано, что земельные участки феодальной знати Мухаммеда бин Аллаяра «с запада граничит... с землями жителей (общинников) селения Седрадж» (Гулямов, 1957. С. 169). В ценном первоисточнике также имеется указание на то, что к окрестностям «махалля Низам» (области Хиваки) примыкают «посевные земли» (Гулямов, 1957. С. 170). Термин «махалля» (перс. «махаллят») с древности воплощал в себе жизненные интересы общинников горожан. Общинные отношения в городах сложились в эпоху античности. В период феодализма они были связаны и с сельской округой» (Толстов 1948а. С. 182-185; Сухарева, 1976. С. 37). По сведениям ибн Баттуты среди горожан Ургенча бытовали «общинные» отношения (Тизенгаузен, 1884. С. 309; Ибрагимов, 1988. С. 73). Термин «джама ат-идехкан» («сельская община») и «карийа»-«кариэ» («селение с общиной») часто встречаются в «Переписке» Рашид ад-Дина (1971. С. 78, 86, 274, 378, 379; Петрушевский 1960. С. 290, 297, 298). В произведении Шараф ад-Дина Вассаф (1246-1334) приведено слово «ахли расатик», то есть «сельские жители» (Петрушевский, 1960. С. 110; Бухарский..., 1979. С.11). Упоминание их в источниках в сопредельных с Хорезмом областях, дает право говорить о наличии формы земельных отношений в виде общинного землевладения и в Хорезме XIII-XV вв. В документальных источниках содержатся и другие весьма важные сведения о категориях, непосредственно сельских производителей. В вакуфной грамоте 1326 г. из Бухары встречаются два термина обозначающие земледельческое население. Один «музори» обозначал безземельного или малоземельного крестьянина - арендатора. Слово «музорий» («маза - э») в источниках связано с издольной системой эксплуатации крестьян (Петрушевский, 1960. С. 294-297; Чехович, 1965). По данным грамоты 1326 г. издольщики («музори») отдавали 1/3 натурального налога - ренты в пользу «мамлакаи диван» (Чехович, 1965). Другой термин «кадивар» («кадиверы»). Смысловое значение слова «кадиварство» хорошо известно еще с домонгольского времени (История, 1992. С.65). Однако, в истории аграрных отношений в Средней Азии, это слово использовалось и в монгольскую эпоху. Это подтверждает тезис о том, что некоторые формы эксплуатации крестьянского населения, характерные для домонгольского времени, существовали и в XIII-XV вв.

В рассматриваемый период в хозяйстве представителей тюрко-монгольской феодальной знати применялся труд рабов в качестве производителей; рабство проникает в социальную структуру общества. Известно, что завоеватели превращали часть населения завоеванных стран в рабов. Рашид ад-Дин пишет: «Взяв Ургенч, всех обитателей выгнали в поле, из них до 100000 молодых людей, женщин и детей взяли в рабство» (МИТТ, 1939. С. 506). Часть пленных монголы уводили в далекую Монголию и в Китай, часть из них оставались на местах, где эксплуатировались на предприятиях ремесленного производства типа «кархана» (Петрушевский, 1970. С. 125). Рашид ад-Дин также свидетельствует об использовании труда рабов в земледелии (Рашид ад-Дин, 1952. С.101). В Бухарском вакуфе 1326 г. есть сведения «о благочестивом шейхе» владельце рабов из разных стран, купленных им за деньги. Рабы в хозяйстве феодалов выполняли различные обязанности: обрабатывали сад («баг»-перс.), бахчу («полиз»-перс.), виноградник («раз»-перс.) и др. (Петрушевский, 1960. С. 225). Сведения вакуфной грамоты 1326 г. перекликаются с

сообщением арабского историка XIV в. ал-Омари. Автор «Пути взоров...» сообщает, что в соседнем Хорасане некий шейх Ахмед Хисами имел «пять тысяч рабов, они работают на него, виды их занятий многочисленны...» (Тизенгаузен, 1884. С. 238). Рабы чаще всего использовались в качестве прислуги. Ибн Баттута в «Путешествии» писал, что в Золотой Орде и в Хорезме имел «тюркского невольника» и «слугу» (раба) (Тизенгаузен, 1884. С. 307). Рабы использовались и в дворовых работах. В «Путешествии» марокканца говорится об использовании рабов в дворцовых церемониалах. «... при всякой (царица и хатуни Узбека) около 50 девушек ... Перед арбой до 20 старых женщин, верхом на конях, ... а позади всех около 100 невольников из молодежи. Перед отроками около 100 старших невольников верховых и столько же пеших ...» (Тизенгаузен, 1884. С. 291). Больше всего использовались рабы в ремесленных мастерских («кархане») и на строительных работах, организуемых ханами. По сообщению Вассафа при Хубилай каане (1214-1294) в Бухаре 1260 г. было 16000 человек, из них 5000 принадлежали джучидам, 3000 - Сойуректени, матери Хулагу, остальные («улугкул», «далай-бузург») 8000 тысяч принадлежали членам Ханского дома. Они являлись ремесленниками-рабами («асиран»), работавшими в мастерских, принадлежавших чингизидам (Бартольд, 1963. С. 577-578; Петрушевский, 1970. С. 125).

В целом, в эпоху Золотой Орды «оживилось значение труда рабов и работоторговля». По данным Плано Карпини можно выделить две категории рабов - пленных ремесленников. Первые из них живут «На скудном довольствии своего хозяина, без семьи и хозяйства» (Карпини, 1957. С. 58). Положение этих рабов соответствует положению рабов византийских эргастериев. Другая категория рабов могла иметь семью и наделялась имуществом, провиантом и какую-то часть времени могла работать на себя (Федоров-Давыдов, 1973. С. 84). В половецком словаре Codex cumanicus (1303) встречается ряд тюркских слов, связанных с рабством: «кул» («servus»-раб), «куллык» («servitus»-рабство) (1880. Р. 113, 146). В целом, на примере вышеизложенных фактов можно сделать вывод, что в Хорезме, как и в других районах Средней Азии, Ирана, Золотой Орды монгольское завоевание усилило значение труда рабов.

Социальными низами города и деревни являлись крестьяне и ремесленники. Монголы уводили не всех пленных за пределы завоеванных областей. Некоторая часть их оставалась на исконно обитаемых землях. Рабское положение ремесленников и тяжесть поборов привели к регрессивным явлениям в социальной структуре общества в XIII-XIV вв. Ханы организовали на местах специальные «работные дома» («кархане»). Так, по словам Ибн Халдуна в городе Тебризе золотоордынский хан Берке построил «дом тканья и одежд и вышивок» (Тизенгаузен, 1884. С. 386). Есть данные о существовании мастерских в подвластных монголам городах Средней Азии. Историк Вассаф пишет, что при Алгу (1260 г.) в Бухаре и Самарканде работали ремесленники-рабы в мастерских (Бартольд, 1963. С. 577-578).

Феодальная рента и налоговая политика монгольских ханов детально изучены востоковедами и историками. Здесь мы останавливаемся на них в общих чертах. Терминология налоговой системы в XIII-XIV вв. насчитывает 52 наименования. Их анализ, приведенный в работах И.П. Петрушевского и Г.А. Федорова-Давыдова, показывает, что ряд терминов сливается в одно понятие, то есть некоторые слова являлись синонимами. Податное население в среднем платило не менее 20 видов налогов (Петрушевский, 1960. С. 369-402; 1970. С. 238). Однако, эти налоговые термины полностью связывать с историей Золотой Орды невозможно. Сопоставление документальных источников по истории Средней Азии, Ирана может пролить свет

на общие моменты в налоговой системе подвластных Золотой Орде областей, одной из которых был Хорезм. Здесь с большей долей вероятности можно считать, что вместе с новыми налогами практиковалось введение и старых терминов.

При монголах впервые на ремесленное население был установлен специальный налог «тамга». Налог составлял один из главных источников дохода казны, взимался «с городского ремесла и разных городских промыслов и занятий» (Петрушевский, 1960. С. 386). Иго пришельцев сопровождалось регрессивными экономическими мерами. Завоеватели, установив режим систематического террора, производили грабежи и периодически внедряли различные поборы и повинности. В монгольское время, помимо ранее известных налогов, появляются новые виды поборов. Налоговые и податные поступления были особенно тяжелы для крестьян в виду разорения сельского хозяйства и из-за произвола финансовых чиновников, откупщиков налогов. Здесь уместны выдержки из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, относящиеся к Средней Азии 50-х годов XIII в.: «... деяния тирании («зульм») и притеснения («тадди») так усилились, что крестьяне («дехогин») от множества отягощения, требований податных сумм и обременения чрезвычайными налогами («авариз»), дошли до крайности, вплоть до того, что дохода («махсуль») от урожая («иртифаат») не хватало и на половину требуемых податных сумм» (Рашид ад-Дин, 1952. С. 312; Петрушевский, 1970. С.125). Во многих областях крестьянам приходилось отдавать казне и феодалам свыше 3/4 части своего урожая, но они все еще оставались недоимщиками. В изучаемый период, по данным источников, подвластные монголам непосредственные производители по-прежнему выполняли 3 вида феодальной ренты: отработочную, продуктовую и денежную. Отработочные ренты «бигар» («бегар», «хашар»), «улаг» (ямская повин.) и специальная повинность - «выпас скота и птицы» феодала для податного населения были крайне тяжелыми. Разные повинности выполнялись в пользу государства или местных феодалов. Среди этих повинностей в источниках встречаются: «нузль» (араб), «конолга» (тюрк - «постой»), «улом» (перс. «пайга» «пайсам») гонец и «незаконные» сборы и повинности («шилтаккой» и «шанакис»). Они не были введены монголами и существовали до них при хорезмшахах (Мухаммеде) (Петрушевский, 1960. С. 401). «Бигар» (тюрк), («сухра» - перс.) был наиболее тяжелым, особенно для сельских жителей. Термин известен со времен Сасанидов (224-651 гг.). В Средней Азии он практиковался задолго до монголов, продолжал существовать в эпоху Амира Темура и поздних ханствах (Петрушевский, 1960. с. 394-396; История, 1992. Кн. I. с. 165). «Улог» («барид» - араб; «иам» - монг.) ямская повинность была связана с системой государственной почты. «Улак», как ямская повинность в Средней Азии, была в ходу еще до монгольского завоевания. Эквивалентом повинности «улаг» по ярлыкам Тохтамыша (794 г.х.=1391-1392) и Темура - Кутлуга (800 г.х.=1397-1398) является «подвод, корм». Повинность «кормовая и подводами» упоминается в XIII в. в книге Карпини, ярлыке Менгу Темура 1267 г. и в ярлыках XIV в. Термин «подвода», обозначающий повинности для перевозок, кроме монголов в XIII в., были известны в хулагидском Иране («шусум», «улуфа», «улог») и в государстве Амира Темура (Федоров-Давыдов, 1973. С. 131).

По данным источников XIII-XIV вв. натуральная форма налогов была большой. Для сравнения достаточно привести данные относительно Ирана и сопредельных к нему стран. И.П. Петрушевский в своей работе детально анализировал категории феодальной ренты и налогов в Иране XIII-XIV вв. Из них 20 (38,46%) взимались в виде натуры (Петрушевский, 1960. С. 369-402). Среди них важными и необычными были «харадж», «мал», «ушр». «Харадж» («баг шумарэ» - перс.; «саморат» -

араб.) со времен халифата оставался основным поземельным натуральным налогом (подать). Термин упоминается в ярлыке Темур-Кутлуга (1397-1398) и в более поздних ярлыках в качестве налога «подать с дыма», «земская подать» (Федоров-Давыдов, 1973. С. 130). В XIII-XIV вв. в районах тюрко-монгольского мира существовали «самостоятельные налоговые термины «салыг» (подушная подать), «калон» (оброк), «ясак» (земледельческая повинность), «бурч» (долг, недоимки), «касимит» (доля, часть особый налог). Некоторые поборы взимались натурой или исчислялись в денежном эквиваленте. И.П. Петрушевский на основании данных Хамдаллаха Казвини и Рашид ад-дина сделал вывод: «в Иране, в XIII-XIV вв. из всей податей в казну «деньгами поступало менее 10%, более 90% поступало натурой» (Казвини, 1960. С. 344). Тем не менее, они оказались более тягостными не только по их объему, но и в связи с общим экономическим упадком, падением значения товарного производства. Денежная рента взималась в местностях с развитым товарным производством или в районах, тяготевших к крупным городам. Тяжесть поборов усугублялась произволом финансовых чиновников, откупщиков налогов, которыми были местные купцы (Махмуд Яловач, Масудбек, Шарафаддин Хоразми) и ростовщики. Непомерные налоги и поборы взимались под наблюдением наместников и их подчиненных: «даругой» (монг), «баскак» (тюрк), «амилами» (контролеры над податями и налогами), «векила» (сборщика налога) при помощи войска или «группами презренных людей, которые за два (куска) хлеба бросали в огонь сотни людей...». В их числе золотоордынские и позднетатарские источники упоминают чиновников «бураложник» (бурловая тамга), «тартанакчи» (сборщик подати и томаженник), «побережник» (сборщик налогов на пристани от прибывших судов), «тамгаджи» (сборщик подати и хранитель печати) и другие административные посты (Федоров-Давыдов, 1973. С. 95-98; 127-134). Засилье сборщиков податей и налогов по отношению к населению завоеванных областей красноречиво изложено у Джувейни: «Жители отдавали в залог своих детей (а также) продавали себя (в рабство). Был один человек, находившийся на смертном одре, с него должен был быть взят незначительный (налог). Когда он умер, то его завернули в саван. Пришел сборщик налога (мал), но ничего не обнаружил, тогда (он) забрал его саван, а покойника оставил» (Джувейни, 1911. С. 277).

Насколько нам позволили данные источников и терминологический анализ исследователей, мы рассмотрели историю социально-экономических отношений Хорезма, Золотой Орды и Ирана. Большинство терминов сохраняли свое значение на территории монгольских государств в центрально-азиатском регионе и Поволжье. Социально-культурные и политические контакты создавали смещения терминов. Имело место появление и новых. В этом процессе исключения не составляет и Хорезм, территория которого в XIII-XIV вв. была неразрывно связана с тюрко-монгольским миром. В связи с господством монголов была усилена роль частной собственности на землю и пастбища. Собственностью завоевателей оказался и непосредственный производитель, сам человек, он работал за своего господина, обеспечивая благосостояние патрициата продуктами своего труда. На этой почве усилились размеры и формы феодальной ренты и эксплуатация крестьян. Гораздо тяжелее была продуктовая рента громадная по своим размерам. Здесь мы намеренно обходили объёмы и процентные ставки налогов, т.к. они изменялись и определялись зависимостью областей по усмотрению чиновников дивана финансов. Вместе с тем, мы не ставили своей целью дать полный ответ на налоговую систему монголов, которые были предметом изучения ряда исследований (Петрушевский, 1970. С. 238; Али-заде, 1956. С. 89-112). В источниках XIII-XIV вв. встречаются упоминания о крестьянах, общинниках и общинных отношениях Хорезма.

В изучаемый период охранной индульгенцией обладали представители местной хорезмийской знати, духовенство и купечество. Тесные связи местного духовенства, военачальников-эмиров с господствующими слоями золотоордынской аристократии давали значительные привилегии и преимущества, которые они использовали для обогащения (ибн Баттута, ал-Омари).

Использованная литература

- Абу-л Гази.** Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописной татарской книги. Соч. Абулгази Бахадурхана и дополненная с великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Средней Азии с потребными географическими ландкартами. Пер. с французского Третьяковского. Т. II. СПб., 1768.
- Ализаде А.** Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. Баку, 1956.
- Андреанов Б.В.** Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
- Атагарриев Е.** Средневековый Дехистан. Л., 1986.
- Ахмедов Б.** Хондамир // Гулистон, 1975, № 6.
- Байпаков К.М., Ермаков Л.Б.** Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971.
- Байпаков К.М.** Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. Алма-Аты, 1998.
- Бартольд В.В.** Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I, М., 1963.
- Бунятов З.М.** Государство хорезмшахов-ануштегинидов (1097-1231). М., 1986.
- Бухарский вакф XIII в.** Факсимиле, издан. текста, перевод с арабского и комментарий А.К. Арендса, А.Б. Хамидова, О.Д. Чехович. М., 1979.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.** Золотая Орда и ее падение. М., 1950.
- Гулямов Я.Г.** История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. М., 1957.
- Джувейни Ата Малик.** Тарах-и-джахангушай. Т.П. Лейден, 1911.
- Ибн ал-Асир.** Ал-камил фи-т-тарих/ Полный свод истории. Перевод с арабского языка, примечания и комментарии П.Г. Булгакова. Дополнения к переводу, примечаниям и комментариям, введение и указатели Ш.С. Камолиддина. Ташкент, 2006.
- Ибрагимов Н.** Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
- Иванин М.И.** Хива и река Аму-дарья. СПб., 1873.
- История мар Ябалаха III и раббан Саумы.** Исследован. и перевод Н.В. Пигулевской. М., 1958.
- История народов Узбекистана.** Часть I, Ташкент, 1950.
- История народов Узбекистана.** Кн. I, Ташкент, 1992.
- Кафаров П.** Описания путешествия даосского монаха Чан-Чуня на запад // ТЧРДМ. Т.IV, СПб., 1866.
- Кдырнязов М.-Ш.** Об аграрном характере производительной деятельности населения Миздахкана // ОНУ. 1999а, № 4-5.
- Кдырнязов М.-Ш.** Об этническом и социальном составе городского населения Хорезма в конце XIII-нач. XIV вв. // ОНУ. 2002, № 3-4.
- Массон М.Е.** Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973.
- Матбабаев Б.Х., Маширабов З.З.** Древний и средневековый Андижан (историко-археологическое исследование). Ташкент, 2011.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении.** Т. I. Арабские и персидские источники. Под ред. С.П. Волина, А.А. Ромаскевича и А.Ю. Якубовского. М.-Л., 1939.
- Петрушевский И.П.** Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV вв. М.-Л., 1960.
- Петрушевский И.П.** Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Рашид ад-Дин.** Сборник летописей. Т. I, часть 1-2. Перевод с персидского А.А. Хетегурова, О.Н. Смирновой. М.-Л., 1952; Т.2. Перевод с перс. Ю.П. Верховского. М.-Л.

- 1960; Т.3. Составитель научно-критического текста на перс. яз. А.А. Ализаде. Перевод с персидского языка А.Н. Арендса. М.-Л., 1964.
- Рашид ад-Дин.** Переписка. Введение и комментарии А.И. Фалиной. М., 1971.
- Сафаргалиев М.Г.** Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Сухарева О.А.** Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976.
- Тизенгаузен В.Г.** Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, СПб., 1884; т. II. М.-Л., 1941.
- Толстов С.П.** Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С.П.** По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948а.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Клад золотых монет XIII в. их Средней Азии // Нумизматика и эпиграфика. Вып.2. 1960.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. Вып.4. М., 1965.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Хеннинг Р.** Неведомые земли. Т.III. М., 1962.
- Хондемир.** История монголов от древнейших времен до Темерлана. Пер. с персидского, примечание и предисловие В.Григорьева. СПб., 1834.
- Чан-Чунь.** Сю Цзи или описание путешествия на запад. Перевел с китайского с примечаниями архимандрит Палладий (Труды членов Российской духовной миссии в Пекине). Т.IV. СПб., 1866.
- Чехович О.Д.** Бухарские документы XIV в. Ташкент, 1965.
- Якубовский А.Ю.** Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X-XI вв. // МИУТТ. Л., 1933.
- Якубовский А.Ю.** Мавераннахр и Хорезм под монгольским игом в XIII в. // История народов Узбекистана. Т.1. Ташкент, 1950.
- Codex Cumanicus.** Ed Comes Gera Kuun. Bibliothecae adtemplum Divi Mazci Venetiazum. Budapest, 1880.

"XORAZM XIII-XIV ASRLARDA IJTIMOYIY-IQTISODIY AHVOL"

Maqolada shimoliy-g'arbiy Xorazmning XIII-XIV asrlardagi ijtimoiy-iqtisodiy munosabatlarini arxeologik va yozma manbalar asosida tahlil qilingan. Unda oddiy aholining ahvoliga asosiy e'tibor qaratilgan. Zero, ushbu davrda turli xil soliqlarnig joriy qilinishi, feodal qaramlikni kuchayishi kuzatiladi. Oltin O'rda hukmronligi davrida mahalliy hukmron tabaqalar mo'g'ullar davrida mavjud imtiyozlarini saqlab qolishga intilishgan. Shu bilan birga XIII-XIV asrlarda oldingi davrlarga oid ba'zi majburiy ishlab berish, natural soliq turlari saqlanib qolgan.

"THE SOCIAL AND ECONOMICAL SITUATION OF KHOREZM IN 13-14TH CENTURIES"

The social and economical situation of the north-western Khorezm in 13-14th centuries is analysed in the article according to the archaeological and written sources. The hard economical situation of workers is accentuated. The reason of it was the strengthening of feudal relations and the increase of various kinds of feudal levies. During a period of the Golden Horde the ruling strata of the local community tried to maintain privileges existing in the pre-Mongol period. Some developmental, natural levies and terms associated with the previous period were preserved in 13-14th centuries .

О.-Ш. Кдырниязов

*Каракалтакский государственный университет им. Бердаха
(г. Нукус, Узбекистан)*

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ХОРЕЗМА

По свидетельству письменных источников и данных археологии еще в раннем средневековье на просторах Евразии окончательно формируются основные караванные пути: транзитные, межрегиональные и внутренние. Среди них более значимой для Хорезма является транзитная магистраль. В VI в. через Хорезм проходила одна из ветвей торгового пути из «тюрков в греки». В это время глубине Евразии, в степях вокруг Алтая образовались тюркские государства. Первый каганат (552-630 гг.) тюрков стал кочевой империей. Важное место в экономике тюрков стал контроль над трансконтинентальной торговлей шелком. Они подчиняют территорию от китайской стены до Ирана и Северного Кавказа. В торговле с западными странами были заинтересованы и Сасаниды и танский Китай. Впервые шелковые ткани вывозились еще в V в. до н.э. Торговля с шелком со странами Ближнего и Среднего Востока приносили большую выгоду, из-за чего новое кочевое государство ощущало тиски Ирана и Китая. В середине VI в. трасса Шелкового пути, шедшую из Китая в Византию через юг Средней Азии была перекрыта Сасанидами (Ртвеладзе, 1999. С. 26). Тогда каганат начал искать себе союзников в лице западных государств. В 568 г. каган послал делегацию во главе с «начальником согдийцев» Мениахом в Византию ко двору Юстиниана II (565-578 гг.). Они двигались через Хорезм и, огибая Каспийское море, пересекли степи Северного Кавказа, горные перевалы и спускались к прибрежным городам Грузии, Черному морю и далее переплывали морем Константинополю (столица Византийской империи) (Иерусалимская, 1977. С. 72-73). В том же году было послано ответное посольство во главе Земархом в каганат. Этот путь впервые описал византийский историк Менандр Протектор (VI в.). Началу этого посольского и торгового движения способствовал ряд факторов, происходивших в Прикаспийском регионе. В низовьях Волги образовался Хазарский каганат (650-969 гг.). В исторической литературе, посвященной политической и культурной жизни этого полукочевого феодального государства Восточной Европы, много противоречивых мнений. Особенно это касается вопроса о взаимоотношениях Хазарии и Хорезма. Однако, исследователи единодушны в одном, что хазары получали большую выгоду от контроля над торговыми путями в Прикаспийском регионе. Расположенные на ключевом перекрестке торговых путей Евразии, его столичные города Самендер и Итиль были складочным местом товаров и центром политической жизни азиатской части юго-восточной Европы. Оживленные сношения Хазарии наблюдаются со Средней Азией, среди его мусульманского населения были и хорезмийские колонисты. По данным ибн Хаукаля (X в.) ядро войска хазарского кагана состояло из 12 000 хорезмийцев (ал Арсия) (Толстов, 1948. С. 243). Кроме того, здесь жили купцы, духовенство, строители мечетей и мед-

ресе, а также управленцы (везират) из Хорезма. Наиболее полное представление о характере торговых связей раннесредневекового Хорезма с Хазарией позволяет изучение археологических памятников Северного Кавказа и Низовьев Волги. Находки шелковых тканей (согдийские зенденачи, китайский и византийский шелк) и монеты хорезмийского царя Шаушафана (перв. пол.VIII в.) в археологических памятниках Северного Кавказа (Мошечая и Мокрая балка, Хасаут) позволяют судить о существовании торгового пути из Хорезма через Устюрт на Волгу, и далее на Дон и Северное Причерноморье. Этот путь имел хорошо развитую систему обслуживания торговых караванов, состоящую из сети городов и караван-сараев. В последние годы археологами России изучается Самосдельское городище, остатки которого расположены неподалеку от современного населенного пункта с. Самосделка («Образцовое») Астраханской области. Археологический материал памятника датируется IX-XIV вв., среди которой и артефакты хазарского времени. Здесь встречаются стандартные кирпичи близкие к размерам строительного материала раннесредневекового Хорезма, VI-VIII вв. (30x30x6-7, 39x39x9-10 см). На Самосделке имеются и другие форматы кирпичей заимствованные из Приаральского региона (Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003. С. 105). Возможно, обилие кирпичей различных стандартов объясняется полиэтничностью населения Хазарии. Это предположение основывается и на анализе керамики, происходящей из жилых комплексов хазарского времени Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Некоторые кувшинообразные горшки памятников Устюрта Приаралья имеет украшение в виде ногтевых вдавлений, зашпы, насечки и наколки (Древняя и средневековая культура..., 1978. С. 232. Рис. 77, 14; С. 249. Рис. 80, 8). Эти типы горшков по морфологическим признакам орнаментации (наколки, насечки) находят близкие аналогии в кочевнических памятниках Прикаспия (Андрейаульское городище, Дагестан). Впоследствии, с возникновением Волжской Булгарии (IX-XIV вв.) из Хорезма в Восточную Европу проникают некоторые предметы материальной культуры. На территории до монгольской Волжской Булгарии, Восточной Европы найдены стеклянные изделия (сумаки), сфероконусы, чираги-светильники и предметы торевтики из Хорезма (серебряные чаши, блюда из Шахарова, Бартым, Ковина, Аниково) (Даркевич, 1976. С. 46-47). Ал Макдиси (947-1000 г.) свидетельствует о перечне вывозимых из Хорезма товаров, среди которых преобладают привозные предметы торговли из Волжской Булгарии (МИТТ, 1939. С. 178, 216).

В период оживления Шелкового пути через Хорезм на Восточную Европу, область, возможно, торговал с Византией и Ираном. Благодаря этой связи в Среднюю Азию, в том числе Кердерский город Куяк-кала (Южное Приаралье) попадают золотые индикация солида императора Тиверия III Апсимара (698-705 гг.) (Мамбетуллаев, 1999. С. 29). В погребениях некрополя городища Миздахкан известны фрагменты тканей типа парча, с изображением птиц (Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 104. Рис. 48). В основе узоров этих тканей лежат сасанидские и византийские влияния птицы и утки (Денике, 1923. С. 185, 191). Кроме того, из Кердерских владений известны и монеты сасанидских шаханшахов - Пероза, Валаш, Кавад и Хосров I (Бирюков, 1998. С. 18). И в самом Хорезме Великий Шелковый путь стимулировал возникновение целого ряда городов. На северо-западных окраинах области, вдоль чинка Устюрта появляются торгово-ремесленные центры, которые располагались на самом пути из Хорезма в Восточную Европу. В этом регионе, в числе средневековых городов Хорезма ранние источники указывают Замджан (Шемаха-кала), Баратегин (Большой Айбуйир-кала), Куджак (Топрак-кала Кунградская), Мадминия (Бограхан), Гит (Пульжай), Варгада (Мончаклы), Джувикан (Кетенлер). Возникновение этих населенных пунктов над и под чинком связаны с интегрированием горожан - хорезмийцев и кочевников Арало-Каспийского междуморья в рамках единой экономической системы, сформированные

еще в домонгольское время под влиянием движения по Великому Шелковому пути. С другой стороны это одна из отличительных черт особенностей цивилизационных процессов раннесредневекового Хорезма. Возникновение ряда городов связано с мирной миграцией кочевого населения из Арало-Каспийского региона в северные пределы области. В этих местах исследованы курганные комплексы Казган - 4, 7, Жарынкудык - 6, 7, археологические объекты у башни Кернай, и вблизи городище Баккал-кала (Малый Айбуйир), у спуска Кумкулау и другие памятники кочевого населения Арало-Каспия (Ягодин, 1991. С. 164-165). Население степного общества, особенно правители, напрямую зависели от умения организации получения от оседлых земледельцев сельскохозяйственных продуктов, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из урбанизированных очагов цивилизации. Эта продукция не могла производиться в условиях кочевого хозяйства, их получали путем натурального обмена или торговли.

На трассах Великого Шелкового пути наряду с торговыми операциями шли процессы обмена идеями. Миссионеры Востока (буддисты) и христиане Запада пропагандировали свои религиозные концепции в отдаленные страны. На городище Миздахкан, среди погребальных построек, на оссуарных ящиках обнаружены христианские символы: кресты, звезды и листообразные полосы. Эти мотивы связываются с несторианским течением в христианстве (Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 146-147). Проникновение христианства в Южное Приаралье по Великому Шелковому пути наблюдается и по раннесредневековым монетам Хорезма. В замке Адамли кала (Каракалпакстан) и в Шаватском районе Хорезмской области найдены монеты местного царя Шаушафана (VIII в.). На монетах на лицевой стороне в короне правителя изображен равносторонний крестик несторианского типа (Вайнберг, 1977. Табл. XXIV, 4, 10, 11; Мусакаева, 1997. С. 95). Эти ранее чуждые для Южного Приаралья религиозные инновации, несомненно, проникали в Хорезм через трассу Северокавказского шелкового пути. По сообщению Менандра этим путем прошла посольская делегация Тюркского каганата во главе с «согдийским купцом» Мениахом. Исламизация Хорезма и его соседей произошла после событий 709, 712 гг., когда арабы утвердили свое господство в Хорезме и Приаралье (Кердер). Тогда в лице местных религиозных деятелей усилилось влияние ислама в кочевую среду Арало-Каспия. Вблизи периферийных городов Хорезма граничащих с Устюртом имеются мусульманские могильники, воплощающие элементы языческой и доисламской погребальной обрядности. Возможно, благодаря движению по Шелковому пути усилилось проникновение тюркских духовных элементов в городскую среду Хорезма. В оссуариях Ток-калы и Миздахкана изображается обычай оплакивания покойников (Гудкова, 1964. С. 95-97; Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 112, цветная вклейка). В Кердерских памятниках Курганча и Куюк-кала выявлены статуэтки изображающие тюркскую богиню Умай (Ягодин, 1999). В иконографических деталях этих статуэток наблюдается «синкретический образ, трансформации древних автохтонных черт и культурных влияний, тюркских этнических групп процесса, развивающихся на территории Южного Приаралья в эпоху Тюркского каганата» (Мамбетуллаев, 2004. С. 92-95). Большое значение для анализа истории взаимовлияния и взаимообогащения культур кочевников и оседлых земледельцев горожан имеют сведения ал Истахри (930-933 гг.) и «Худуд ал-Алем» (982 г.). Ал Истахри пишет, что Джуржания (Гургандж, Ургенч) «место торговли с гузами и оттуда отправляются караваны к Джурджан (Иран), к хазарам и в Хорасан». Автор «Худуд ал-Алем» отмечает «Кас (г. Беруни) главный город Хорезма, ворота в Туркестан гузский, складочное место товаров тюрков, Туркестана, Мавераннахра и области хазаров, место стечения купцов» (МИТТ, 1939. С. 178, 216). В целом, раннесредневековый Хорезм своим выгодным расположением на Шелковом пути благодаря древним традициям и тес-

ным связям с другими цивилизациями Востока и Запада, достиг значительного подъема в торговле и культурной жизни.

Таким образом, анализ письменных источников и достижения археологической науки показывают, что раннесредневековая цивилизация Хорезма была в значительной степени связаны со стабильностью движения по Великому Шелковому пути. Изысканные предметы торговли (шелк, предметы торевтики, керамика, экзотические товары) первоначально были импортной продукцией лидирующих цивилизаций Востока: исламской (600-1000 гг.) и китайской (1000-1500 гг.). Однако, в ходе взаимовлияния и заимствования накопленного цивилизационного наследия происходит интеграция культурных достижений. В результате, в средневековом Хорезме встречаются не только импортная керамика (в том числе шелк, предметы торевтики), но и другие товары.

Использованная литература:

- Бирюков Д.В.* Афригидский Хорезм и Сасанидский Иран. (Связи в области денежного обращения и их преломление в составе одного клада) // *Нумизматика Центральной Азии. Вып. III. Ташкент, 1998.*
- Вайнберг Б.И.* Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Городище Самосделка—памятник домонгольского периода в низовьях Волги // *Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Том 3. Донецк, 2003.*
- Гудкова А.В.* Ток кала. Ташкент, 1964.
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. М., 1976.
- Денике Б.П.* Искусство Востока. Казань, 1923.
- Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта.* Ташкент, 1978.
- Иерусалимская А.А.* О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // *Советская археология. М., 1977. № 2.*
- Мамбетуллаев М.М.* Византийская индикация из Куюк-калы // *Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV. Ташкент, 1999.*
- Мамбетуллаев М.М.* Глиняная статуэтка из Куюк-калы // *Археологические исследования Узбекистана -2003 г. Ташкент, 2004.*
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том I. М.-Л., 1939.*
- Мусакаева А.А.* Клад хорезмских монет Шаушафана // *Общественные науки в Узбекистане. № 7-8. 1997.*
- Ртвеладзе Э.В.* Византийские монеты и индикации из Средней Азии // *Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV. Ташкент, 1999.*
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К.* Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
- Ягодин В.Н.* Кердерская Умай // *Вестник Каракалпакского отделения АН РУз. № 2. Нукус, 1999.*
- Ягодин В.Н.* Стреловидные планировки Устюрта // *Археология Приаралья. Вып. V. Ташкент, 1991.*

БУЮК ИПАК ЙЎЛИ ВА ХОРАЗМНИНГ ИЛК ЎРТА АСР ЦИВИЛИЗАЦИЯСИ

Мақолада Буюк ипак йўли ва илк ўрта асрларда Хоразм цивилизацияси ривожига билан боғлиқ масалалар ёзма ва археологик манбалар асосида ўрганилиши ўз аксини топган.

THE GREAT SILK ROAD AND EARLY MEDIEVAL CIVILIZATION OF KHOREZM

In the article, of the describe relate between Great silk road and progress problem of Khorezm civilization on base of writing and archaeological information.

Б.Г. Курбанов

*Институт археологии им. Я. Гулямова
(г. Самарканд, Узбекистан)*

СТУПКИ БУХАРЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БУХАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Одним из распространенных предметов, изготовлявшихся медниками городов Средней Азии, были ўғирча - ступки. Их самая большая коллекция (около 30 единиц) была выявлена при археологических раскопках на городище Будрач в Сурхандарьинской области (Ильясов, Русанов, 1988. С. 27). Остальные немногочисленные их экземпляры, найденные случайно или при археологических исследованиях, опубликованы в каталогах и статьях.

В собрании металла из фондов Бухарского музея-заповедника и частных коллекциях из города также имеются ступки XI–XII вв., которые прежде не являлись предметом научного изучения.

1. Ўғирча – ступка (табл. I,1). Место хранения: Бухарский музей- заповедник, экспозиция отдела истории, инв. № 2402/3 (Ниязова, 2004. С.110). Хотя место находки и неизвестно, но время поступления в музейную коллекцию и её краткое описание приведены в книге поступлений за 1932 год, характеризую первые экспонаты в собрании музея.

Бронза, литьё, гравировка. Высота – 12,5 см, диаметр горловины – 14,3 см, диаметр основания—13 см.

Ступка имеет цилиндрический корпус, слегка расширяющийся к устью и полукруглый поддон. По внешней поверхности корпуса находятся десять крупных выступов каплевидной формы, расположенных в два ряда и чередующихся с гравированными медальонами, заполненными растительным орнаментом «мадохиль» (Альбом, 1938. С. 2). По бортику широкая лента с арабграфической надписью благопожелательного характера почерком куфи с загнутыми вверх «вов»ами и «нун»ами:

و اليمين و البركه و السلامه و السعاده (ه) و الدوله و السر (?)

Благополучие, благословение, здоровье, счастье, господство (?).

2. Вторая ступка имеет корпус шаровидной формы, на котором ритмично размещены восемь каплевидных выступов, с закраиной по основанию и устьем, оформленным рельефным ободком (табл. I, 2). Место хранения - музей Абу Али ибн Сины в селении Афшона, Пешкунского района, Бухарской области. Ступка была приобретена в 1987 году у жительницы Бухары (Книга поступлений, 43, инв. № 26878/3). Высота – 13 см, верхний диаметр – 11,5 см, нижний – 11,5 см. Пест, состо-

ит из круглого в сечении стержня, расширяющегося к рабочей части в виде сегмента шара и с валиком, отделяющим рукоять. Длина – 21 см (табл. I, 2).

3. Ступка из частной коллекции с пестом (табл. I, 3). Место происхождения Бухара, случайная находка. Корпус цилиндрической формы, устье слегка расширено, поддон плоский, слегка расширяющийся книзу. На корпусе ритмично, в два ряда, размещены четырнадцать каплевидных выступов, чередующиеся с чеканным ромбовидным орнаментом. На бортике просматриваются остатки арабографической надписи. По низу корпуса неширокая лента орнамента «занджил» (Альбом, 1938. С. 6). Высота – 14,5 см, верхний диаметр – 14 см, диаметр дна – 16 см

Аналогичные по форме ступки, с выступами каплевидной формы XI–XII вв. были найдены на городище старого Термеза (Искусство, 1980. С.103); представлены в коллекции музея истории народов Узбекистана (Абдуллаев, Фахретдинова, Хакимов, 1986. С. 4), в коллекции Государственного Эрмитажа (Ремпель, 1978. С. 52), в частной коллекции г. Зиндельфингена, в музее этнографии Берлина (Узбекистан, 1997. С.132), а также по материалам Хорасана XIII в. (Melikian-Chirvani, 1982. P. 110).

4. Особое положение среди ступок Бухарского музея занимает экземпляр крупных размеров (табл. I, 4). Данные о месте находки и происхождении ступки в инвентарных книгах Бухарского музея не сохранились, но дата поступления определяется 1932 годом (инв. № 320/12). Место хранения: экспозиция отдела нумизматики и эпиграфики. Бронза, литье, гравировка. Диаметр – 24 см; высота – 22 см.

Ступка имеет цилиндрический корпус, округлое дно с выступающей закраиной. Край венчика отогнут. Орнамент расположен в 4 поясках: верхний и нижний гравированы, а средние две, частью гравированные, а частью литые элементы. От литых сохранились лишь три следа, так что ступка делится на три равные части, причем на каждой трети имеется по три каплевидных выступа, общее количество девять. По отогнутому краю венчика располагается орнаментальная полоса с крупными завитками и волнистая линия со штриховой гравировкой в резервах. Орнаментальная полоса симметрично разделена на четыре отрезка листовидными фигурами. Верхняя композиционная полоса на корпусе состоит из чередующихся треугольных мотивов с миндалевидными фигурами на навершии и двумя очень схематичными изображениями человеческих лиц. Ниже две полосы, из литых концентрических кругов с отходящими лучами, чередующихся с каплевидными выступами. На закраине расположен зигзагообразный орнамент известный для позднесредневековых бухарских медников как «ним хишт дуляба» (Альбом, 1938, л. 1).

С двух сторон орнамента выгравированы две четкие цифры: – ۴۸ «4» и «8» и слово سنه «сана» (дата). Е.А. Давидович, отмечала для монет бухарского чекана XVI века, что цифра «ноль» в качестве единицы могла вообще не обозначаться (Давидович, 1992. С. 64–65). Можно предположить, что мастер выгравировал дату 480 г.х. (1087-1088), т.е. ступка была изготовлена в конце XI в. Это подтверждается и датировкой XI веком аналогичной крупной ступки с каплевидными выступами и со схематичными изображениями человеческого лица, из Будрача (Ильясов, Русанов, 1988. С. 30; Культура и искусство, 1991. С. 113; Средняя, 1999. С. 329) и отдельными датирующими признаками, которые мы рассмотрим ниже.

Концентрические круги с лучиками и точками внутри выполнены очень тщательно и добавляют большую красочность ступке. Исследователи отмечают, что

изображение дисков, концентрических кругов, розеток имели широкое распространение в ремесленных изделиях X–XII вв. и что символика их уходит вглубь веков (Иванов, 1959. С. 220, 221; Ремпель, 1978. С. 121).

Крупные ступки с округлым поддоном, неустойчивые на ровной поверхности и с закраиной внизу корпуса (возможно для фиксации) имеются в частном собрании немецкого коллекционера М. Бумилера (музей Университета, Бамберг, Германия).

В коллекции музея имеется аналогичный вышеописанному экземпляр песта, найденный в Пайкенде (инв. № 16310/22), навершие рукояти, украшено гравированной розеткой. Длина – 22 см (табл. I, 5).

Представленные бронзовые изделия имели не только утилитарный характер назначения, но и несли декоративные функции. Исследователи отмечают, что с конца XI в. декорировка бронзовых изделий становится особенно изысканной (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 287) и XI–XII вв. это время расцвета декоративной обработки бронзовых изделий. Исследователи отмечают высокий уровень выполнения изделий из бронзы в средние века мастерами в совершенстве владевшими техникой литья, чеканки и гравировки (Малкиель, 2006. С. 69), в которых выполнены вышеописанные ступки.

Наиболее общим декоративным признаком, охватывающим все вышеописанные ступки, и приведенные им аналогии, являются каплевидные выступы. Каплевидные выступы, в разных вариациях, присутствующие на металлических предметах XI–XIII вв., можно признать одним из датирующих признаков.

Другим менее заметным признаком, объединяющим отдельные рассматриваемые ступки, является сочетание профессионально выполненного чеканного орнамента и небрежно гравированных схематичных фигур: человеческих лиц, концентрических кругов, ромбов. Это сочетание объединяет ступку из музейной коллекции и ступку из Ирана XII–XIII вв. в Ашмолеан музее (Allan, 1979. 6 с.).

Благопожелательные надписи, гравированный или чеканный орнамент умело расположенный между каплевидными выступами придавали красочный вид изделиям из бронзы, в данном случае ступкам. Исполнение надписи на ступке (инв. № 2402/3): расположение текста, грамотность, говорят о высокой профессиональной выучке мастера, изготовившего её. Наличие даты и как отмечают исследователи состав надписи на бытовых предметах (Бабаджанов, 1997. С. 158) информативны и могут служить датирующими признаками. Например, имеющиеся на ступке надписи в виде слова البرک находятся и на хорасанских бронзовых вещах XI–XIII вв. (Иванов, Оразов, 1984. С. 56), والسلامة встречается на керамике IX–X вв. (Ghouchani, 1986. P. 112, 154, 190).

Ступки имели широкий спектр применения. Они использовались в фармакологии (Ибн Сина, 1960. С. 267) и вытеснили более ранние их каменные прототипы (Узбекистан, 1997. С. 129). Ступки также использовались халвогарами – изготовителями традиционных сладостей (Ниязова, 1990. С. 132), в текстильных ремеслах при изготовлении красителей, а также широко использовались в повседневном быту населения.

В домусульманской Средней Азии ступки могли иметь и ритуальное назначение, о чём свидетельствует её изображение на биянайманских оссуариях, в руке женской фигуры (Борисов, 1940. С. 42). Находка массивного пестика от ступки в Пенджикенте видимо также имела отношение к предметам храмового обихода (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 91).

Исследователи называют каплевидные выступы бутонами лотоса, что также может свидетельствовать об одном из ритуальных функций ступок, и отмечают, что подобный мотив был широко распространен в эпоху Саманидов и присутствовал на архитектурных элементах (Melikian-Chirvani, 1982. P. 41).

Установление места производства ступок и отождествление их с Бухарой пока ждет своего решения. Изделия из металла, прочные и долговечные, могли перевозиться на значительные расстояния. Бухара и города Бухарского оазиса в IX–XII вв. были центрами торговли и ремесленного производства, в том числе металлического, на что указывают находки литейных форм и металлические мастерские в Пайкенде (Семенов, 2002. С. 24; Малкиель, 2006. С. 69, 70), а географы X в. отмечают Бухару как один из центров изготовления и вывоза медных изделий (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 287; Буряков, 1997. С. 52). Учитывая это, можно уверенно предполагать местное происхождение вышеописанных ступок, отмечая одновременно аналогичность форм и декоративного убранства с опубликованными бронзовыми ступками Хорасана и Ирана XI – начала XIII вв. В пользу нашего отождествления могут свидетельствовать и мнения других специалистов считающих, что родиной ступок с каплевидными выступами и орнаментом между ними является Узбекистан (Узбекистан, 1997. С.129).

Использованная литература:

- Абдуллаев Т., Фахретдинова Д., Хакимов А. Песнь в металле. Народное искусство Узбекистана. Ташкент, 1986.*
- Альбомы орнаментальных мотивов для медночеканных изделий Бухары XIX – начала XX вв. Выполнены лучшими бухарскими медниками в 30-х годах XX в. по заказу Бухарского музея. Фонды музея инв. № 7691/3–7694/3.*
- Бабаджанов Б.М. Эпиграфические памятники Бухары (проблемы и перспективы их изучения) // ОНУ, 9-10-11. Ташкент, 1997.*
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.*
- Борисов А.Я. Изображения на биянайманских оссуариях // ТОВЭ. Том II. Л., 1940.*
- Буряков Ю.Ф. Бухара на караванных путях Хорасана и Мавераннахра // ОНУ, 9-10-11. Ташкент, 1997.*
- Давидович Е.А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов. XVI век. М., 1992.*
- Иванов С.В. О некоторых традициях согдийского декоративного искусства в орнаменте таджиков и узбеков // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.- Л., 1959.*
- Иванов А.А., Оразов О. Клад бронзовых вещей с городища Старого Серакса // ЭВ, XXII. Л., 1984.*
- Ильясов Дж. Я., Русанов Д.В. Клад средневековых бронзовых изделий с городища Будрач // ОНУ. № 1. Ташкент, 1988.*
- Инвентарная книга Бухарского музея-заповедника, 1932.*
- Искусство Средней Азии эпохи Авиценны. Автор текста и составитель альбома Л. Айни. Душанбе, 1980.*
- Книга поступлений Бухарского музея-заповедника, № 43.*
- Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Книга 2. М., 1991.*

- Малкиель И.К. Металлические сосуды X - XI вв. из Пайкенда // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Самарканд-Рим, 2006.*
- Ниязова М.И. К вопросу о технологии производства бухарских сладостей // Из истории культурного наследия Бухары. Вып. 1. Ташкент, 1990.*
- Ниязова М.И. История Бухары и Бухарского оазиса в археологических коллекциях Бухарского музея-заповедника // Из истории культурного наследия Бухары. Вып. 8. Бухара, 2002.*
- Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. М., 1978.*
- Семенов Г.Л. Медный город // Из истории культурного наследия Бухары. Вып. 8. Бухара, 2002.*
- Средняя Азия в раннем средневековье. Ответственный редактор тома Г.А. Брыкина. М., 1999.*
- Узбекистан. Наследники Шелкового пути. Составители: Й. Кальтер и М. Паволой. Лондон, Штутгарт, Берлин. 1997*
- Ghouchani A. Inscriptions on Nishabur Pottery. Tehran, 1986.*
- James W. Allan. Persian Metal Technology 700 – 1300 AD. London, 1979.*
- Melikian-Chirvani A.S. Islamic metalwork from the Iranian world. 8-18 centuries. Victoria and Albert Museum catalogue. London, 1982.*

БУХОРО МУЗЕЙ ҚЎРИҚХОНАСИ КОЛЛЕКЦИЯСИДАГИ ЎҒИРЧАЛАР

Мақола Ўрта Осиё шаҳарларида кенг тарқалган мисгарлари томонидан кўплаб ишлаб чиқарилган, метал ўғирчалар тавсифи келтирилган. Бухоро ва Бухоро воҳасидаги бошқа шаҳарлар IX – XII асрларда савдо, ишлаб чиқариш марказлари бўлиб, бу борада бу ерлардан топилган қуйма қолиплар, метални қайта ишлаш устахоналари гувоҳлик беради.

THE COLLECTION OF MORTARS OF BUKHARA MUSEUM

The article describes the metal mortars being one of the wide spread articles produced by coppersmiths in the cities of Central Asia. Bukhara and towns of Bukhara oasis in 9-12th centuries were centers of trade and handicrafts including metalwork; it is proved by the finds of molds and metal workshops revealed at archaeological sites.

З.И. Курбанова

М.М. Давлетияров

*Каракалпакский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук Каракалпакского отделения АН РУз.
(г. Нукус, Узбекистан)*

ПРЕДМЕТЫ ЛИЧНОЙ ГИГИЕНЫ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

**(на материалах Каракалпакского государственного музея искусств имени
И. Савицкого)**

Предметы личной гигиены одна из интереснейших проблем в этнографии. Еще с древних времен в арсенал гигиенических принадлежностей входили такие предметы как гребень, зубочистка, сосуды для омовений, сосуды для благовоний и т.п. Находки подобных предметов археологами на территории Южного Приаралья говорят о том, что в далеком прошлом у населения существовали определенные гигиенические нормы и правила, которые играли особую роль в этническом самосознании.

Вопросы личной гигиены, а также предметы, связанные с ней, одна из малоизученных научных проблем в отечественной науке. Те сведения, которые содержатся в литературных источниках, очень скудны и представлены, в основном, сообщениями путешественников и первых исследователей нашего края (Каразин, 1875; Иванов, Морозова, 1941-1944). Целью данного сообщения является введение в научный оборот предметов личной гигиены, хранящихся в фондах каракалпакского государственного музея искусств имени И.В.Савицкого (далее КГМИ).

Гигиенические правила населения отличались устойчивостью и играли особую роль в этническом самосознании. Некоторые гигиенические принадлежности воспринимались не просто как утилитарные предметы, а как магические участники важного ритуального действия.

В КГМИ имени И.Савицкого хранятся интересные предметы гигиены, свидетельствующие о том, что еще в далеком прошлом, на территории Южного Приаралья соблюдались правила личной гигиены. Эти предметы были найдены во время археологических и этнографических исследований на территории Каракалпакстана в течение XX столетия. Среди них имеются такие предметы как *масиуек* – палочка для чистки полости рта, *тарақ* – расческа для волос, *тис шуқлагыш* – зубочистка, *қулақ шуқлагыш* – ухвертка, *қуман* – сосуд для омовений; зеркала; *намазлық* – коврик для молитв; *сумек* – трубка, предмет гигиенической принадлежности традиционной колыбели, парфюмерные сосуды для благовоний.

Наиболее древними из хранящихся в фондах музея предметов являются экспонаты отдела археологии: гребни, *сумек*, парфюмерные сосуды.

Гребни, имеющиеся в музее искусств, в основном, двусторонние, цельные, изготовлены из дерева или кости. Представленный на фото гребень деревянный (*фото 1*). Гребни первоначально были двусторонние, одна сторона с мелкими зубцами, другая сторона с более крупными зубцами. Подобные находки на территории Южного Приаралья известны по материалам городища Ток-кала (Гудкова, 1964. С. 137. Рис. 38), Джанпык-кала (Доспанов, 1992. С. 42, 54. Рис. 96).

Туалетные сосудики в коллекции музея хранятся в нескольких экземплярах, обнаружены на городище Джанпык-кала в слоях XIII-XIV вв. Один из них имеет полусферическую форму с суживающимися к венчику стенками и плоским дном. С наружной стороны венчика вырезано кольцеобразно-ступенчатое углубление. Второй – усечено-конической формы с резко выступающим горизонтальным венчиком, украшенным двумя процарапанными концентрическими окружностями, внутри которых нанесен стилизованный растительный орнамент (Кдырниязов, 1989. С. 101. рис. 21, 1, 3).

Очень интересен предмет детской гигиены, продолжающий бытовать и в наше время – *сумек* (*фото 2*). Данный предмет служит стеканию мочи ребенка, при укладывании его в традиционную колыбель - *бесик*. Данный предмет гигиены имеет две разновидности, отличающиеся по форме, что связано с полом ребенка. *Сумек* представляющий собой стеклянную трубочку с загнутым концом в виде буквы «Г» являлся предметом гигиены мальчика. *Сумек* – предмет гигиены девочек представляет собой трубочку с закругленным и углубленным концом в виде ложечки. *Сумек* известны по находкам археологических раскопок некрополя Миздахкана (Ягодин, Ходжайов, 1971. С. 102. Рис. 46)

Зеркала представлены несколькими экземплярами (*фото 3, 4*). Это бронзовые зеркала, дисковидной формы, найденные в Золотоордынских слоях городища Джанпык-кала. (Доспанов, Сайпанов, 1997. С. 126-127). Как отмечает М.-Ш. Кдырниязов, обнаружение на средневековых памятниках Хорезма XIII-XIV вв. все новых и новых экземпляров, позволяет предположить их местное производство. Близость художественных элементов дальневосточных и золотоордынских зеркал предполагает, что последние, сложились под влиянием первых. Возможно, и в Хорезме по образцам китайских зеркал изготавливали бронзовые и серебряные зеркала. (Кдырниязов, 1989. С. 97)

В фонде народно-прикладного искусства музея имеются такие предметы гигиены как зубочистка - *тис шуқлағыш*, ухвертка - *қулақ шуқлағыш*, сосуд для омовений - *куман*, палочка для чистки полости рта - *масиўек*.

Зубочистки являются, пожалуй, самыми древними в арсенале гигиенических средств. Археологические раскопки позволили обнаружить зубочистки, которыми пользовались 3000-2500 лет назад. Зубочистка была распространенным средством гигиены в Древней Греции и Риме. Изготавливались они из дерева, бронзы, серебра, золота и др. материалов.

Большинство зубочисток, из фонда музея искусств, датируется концом XIX века (*фото 5*). Изготовлены они из белого металла, редко встречаются экземпляры, сделанные из серебра. Зубочистки, за исключением, некоторых деталей, имеют схожую форму: вытянутая верхняя часть каплевидной формы, на которой расположилась оправа со вставкой из стекла, с напаянными штампованными узорами из ме-

Фото 1. Гребень.

Фото 2. Сумек

Фото 3. Зеркало

Фото 4. Зеркало

Фото 5. Зубочистки

Фото 6. Ухочистка

Фото 7. Куман

Фото 8. Намазлык

талла, с мелкими зернами и розетками и заостренной нижней частью. К краю зубочистки припаяна петля с кольцом. Техника, особенности художественного оформления, позволяют предположить, что большинство имеющихся зубочисток казахские.

Зубочистка, представленная на фото 5, 1, отличается от перечисленных выше. Она имеет каплевидной формы верхнюю часть с оправой в виде ромба посередине. В оправе имеется сердоликовая вставка. Основание оправы украшено плетеной сканью. Нижний конец зубочистки заострен. К верхнему краю припаяна петля. Использование сердолика при декоре, плетеной скани при оформлении основания оправы дает нам возможность предположить, что данный предмет гигиены является каракалпакским.

Еще один предмет личной гигиены, хранящийся в фонде народно-прикладного искусства *қулақ шуқлағыш* - ухочертка. Этот экспонат хранится в музее в единственном экземпляре. Данный предмет по своей прямой функции предназначался для чистки ушных раковин от естественного загрязнения серой. Он изготовлен из белого металла, имеет плоскую форму. Средняя часть немного расширена в виде ромба. К верхней части припаяна петля. Нижняя часть вытянута, у основания имеет углубление. Поверхность ромба покрыта

Фото 9.
Масиуек

линиями, повторяющими данную фигуру, в центре нанесены волнообразные линии и точки (фото 6).

Перечисленные выше предметы (зубочистка, ухвертка) кроме утилитарного, наделялись еще функцией амулетов, о чем свидетельствует их художественное оформление.

Большим разнообразием представлены сосуды для воды – *куман* (фото 7). Этот экспонат являлся раньше ритуальным предметом, т.к. согласно мусульманской традиции, перед началом молитвы необходимо было совершить омовение. У каждого правоверного мусульманина был свой личный *куман* для совершения омовений. Со временем этот предмет стал общим, но по сей день *куман* используют в быту.

Намазлык - коврик для молитв, также является предметом гигиены. Коврик использовался в качестве подстилки при совершении молитвы. В музее данный экспонат хранится в единственном экземпляре. Он был вероятно привезен из другой страны. Об этом свидетельствует шелковая ткань не местного производства, а также узоры на ткани в виде арабской вязи (фото 8).

Масиуек – прямая деревянная палочка с конусообразным концом коричневого цвета, использовавшаяся для чистки полости рта (фото 9). *Масиуек* находится в специально сшитом кожаном футляре. Согласно сведениям, полученным от хранителя предметов прикладного искусства, данный *масиуек* некогда принадлежал известному религиозному деятелю Кутлы Ходжа ишану, именуемому в народе Каракум ишан. Данный предмет был приобретен музеем у Авезова Суннетбая, который в свою очередь получил его в наследство от потомков Каракум ишана. Владелец *масиуек* отдал его в музей, чтобы этот малоизвестный среди населения предмет не исчез и потомки, могли иметь представление о культуре гигиены нашего народа. Сам владелец *масиуек* считал, что он обладает некоторыми священными свойствами, так как принадлежал знатному ишану и верил в то, что он приносит счастье.

О том, что первый владелец *масиуек* был известной личностью, мы знаем по народным легендам и преданиям. Кутлы Ходжа построил несколько мечетей на территории Каракалпакии. Последнюю мечеть он распорядился построить на песчаной местности, после чего за ним и закрепилось имя Каракум ишан. Все его потомки звались Каракум ишанами. Центр, основанный Кутлы Ходжа ишаном, становится особенно известным и популярным в XIX в. Сюда приезжали учиться не только из каракалпакских аулов, но и из Туркмении и Казахстана. Это медресе расположено на территории нынешнего Чимбайского района Каракалпакстана.

О том, что на территории Южного Приаралья предметы гигиены имели большое распространение, свидетельствуют не только предметы из музейной коллекции, но и некоторые письменные источники. Несомненный интерес представляет книга, найденная и приобретенная в середине 90-х годов XX века, сотрудниками Института истории, археологии и этнографии ККО АН РУз. под названием «Ахлак дарслари». Книга являлась, как предполагают ученые, учебным пособием для учащихся мектебов и медресе. Написана она на тюркском языке арабским шрифтом. Первые несколько страниц книги утрачены, поэтому книга начинается с третьего параграфа. Завершается пособие восьмым параграфом. В последнем разделе книги речь идет об органах человека, где отдельные параграфы посвящены глазам, ушам, носу и рту. Затем идут параграфы, в которых говорится о языке и слове, руках и ногах. В пособии отмечается, что уместное, правильное пользование ими определяют уровень нравственности человека. Большое значение придается необходимости беречь

и ценить каждый из членов человеческого организма. В параграфе «Бурун ва агыз» (нос и рот) сказано, что не следует громко сморкаться в людном месте, нужно зевать, прикрыв рот ладонью и т.п. Утром и вечером, а также после еды, необходимо чистить полость рта с «мисвак» (*масиуёк* - З.К., Д.М.), чтобы предотвратить неприятный запах. Следует полагать, что все указанные параграфы даны в качестве тем для отдельных занятий по нравственному воспитанию в мектебах и медресе. Существование подобных пособий, книг свидетельствует о большой потребности народа в создании программы, способствующей разностороннему развитию личности, привитию личной гигиены детям» (Камалов, Есбергенов, Карлыбаев, 1996. С. 135-140).

Использованная литература:

Гудкова А.В. Ток кала. Ташкент, 1964.

Доспанов О. Т. Жампыккала – орта эсирлер естелиги. Ноқис, 1992.

Доспанов О., Сайпанов Б. Зеркала из Джанпык-калы // Вестник ККО АН РУз, 1997, № 5.

Иванов П.П., Морозова А.С. «Каракалпаки», рукопись II-й главы тома «Народы Средней Азии». Ленинград-Ташкент, 1941-1944 гг. // Рукописный фонд ФБ ККО АН РУз, Р-204.

Камалов С.К., Есбергенов Х.Е., Карлыбаев М.А. Нравственное воспитание в мектебах низовьев Амударьи (XVIII-XIX вв.) // Вестник ККО АН РУз, 1996, № 4.

Каразин Н. В низовьях Аму. Путевые очерки, 1875.

Кдырниязов М.-Ш. Материальная культура городов Хорезма в XIII-XIV веках. Нукус, 1989.

Кдырниязов М.-Ш., Бауетдинов Р. Средневековый Миздахкан (Поселение и материальная культура). Самарканд, 2010.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

ЖАНУБИЙ ОРОЛБЎЙИ АҲОЛИСИНИНГ ШАХСИЙ ГИГИЕНА АШЁЛАРИ (ҚДСМ МАТЕРИАЛЛАРИ АСОСИДА)

Этнографияда мавжуд шахсий гигиена буюмларини ўрганиш соҳанинг энг кизиқарли масалалардан ҳисобланади. Қадим замонлардан гигиена ашёлари қаторига тароқ, мисвок (тиш ковлағич), ювиниш, атир, упа идишлари ва бошқалар кирган. Жанубий Орол ҳудудидан археологлар томонидан шу турдаги ашё топилиши қадимда бу ҳалқлар орасида аниқ гигиеник тартиб қоидаларнинг мавжуд бўлганлигидан ва улар этник ўзликни англашда катта аҳамият касб этканлигидан далолат беради.

PERSONAL HYGIENE ITEMS OF POPULATION OF THE SOUTHERN ARAL SEA AREA (THE MATERIALS OF KARAKALPAK STATE ART MUSEUM NAMED I. SAVITSKY)

The personal hygiene items are one of the interesting problems in ethnographic studies. In ancient time such objects as combs, toothpicks, vessels for ablution and for incense were part of the set hygienic accessories. The archaeological finds of such objects in the territory of the Southern Aral Sea area are evidence that the population had the definite hygienic norms and rules taking the important place in the ethnic self-consciousness.

У. Рахманов. С. Мустафокулов
Институт археологии АН РУз.
(г. Самарканд, Узбекистан)

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ БАКТРИИ ПЕРИОДА КУЧУК I

Одним из сложных и малоизученных исторических эпох в истории Бактрии является самый ранний этап эпохи раннего железа - время распространения на территории всей Средней Азии плёмен крашеной керамики. Культуры крашеной керамики широко распространились на территории Средней Азии, Ирана, Афганистана Северной Индии и Пакистана. О происхождении и датировке племен крашеной керамики и схожих с ними культур существует целый ряд гипотез. Практически не по одному аспекту их материальной и духовной культуры нет единого устоявшегося мнения. Круг научных публикаций по данной исторической проблеме весьма широк. В настоящее время в Узбекистане появился целый ряд крупных работ, посвященных изучению этой исторической эпохи (Заднепровский, 1962; Аскарлов, Альбаум, 1979; Сагдуллаев, 1987; Шайдуллаев, 2000). Распространение на территории Средней Азии племён крашеной керамики привело к принципиальным изменениям во всех сферах жизни населения этого края. Археологические исследования дали возможность в достаточной степени изучить материальную культуру той поры. Но, нам практически ничего неизвестно о погребальном обряде - одном из важнейших компонентов духовной культуры. Не только в Бактрии, но и на всей территории Средней Азии территориально выделенных могильников этого времени нет. Находки единичных человеческих костей на поселениях довольно многочисленны, но они не позволяют определить погребальный обряд. Эти находки человеческих костей не позволяют также сгруппировать их могильники. Отсутствие некрополей немислимо для любой культуры человечества. Следовательно, эти находки располагаются по какой-то определённой системе, смысл которой нам пока непонятен.

Все исследователи для “предзороастрийских” духовных верований и зороастризма отмечают кремацию и захоронение очищенных костей скелета (Рапопорт, 1971; Мейтарчиян, 1999). Этому вопросу посвящена специальная, обобщающая материалы по Средней Азии, статья А.С. Сагдуллаева. Но вследствие отсутствия масштабных исходных археологических материалов А.С. Сагдуллаев ограничился обобщением единичных находок человеческих костей на памятниках середины I тыс. до н.э. (Сагдуллаев, 1990. С. 29-30). Не совсем ясно обстоит ситуация с погребальным обрядом для культур крашеной керамики - Чуст, Бургулюк, Кучук. В результате масштабных работ на Дальверзинтепе Ю.А. Заднепровский обнаружил в культурных слоях памятника порядка 50 целых и разрозненных скелетов погребенных. Несколько погребенных захоронено в скорченном положении на левом или правом боку, одно погребение на спине. Основная масса костей скелета найдена в разрозненном виде. Конструкция могильных ям не

прослежена (Заднепровский, 1962. С. 20-24). На чустском поселении В.И.Спришевским была раскопана большая яма (2,4x1,5 м и глубиной 155 см). В яме были обнаружены кости одного человека четыре черепа и шесть мелких частей людей и животных расположенные без анатомического порядка. Отсутствуют мелкие кости человеческих скелетов (позвонки, ребра, кости таза и фаланги кистей). В. И. Спришевский полагал, что это коллективное захоронение расчлененных трупов. Всего на Чустском поселении выявлено останки 21 человека. Представлены разные варианты погребального обряда: одиночные захоронения на левом боку и на спине, коллективные захоронения, расчленение трупов, а так же захоронение в сосудах. Хронологического подразделения вариантов погребального обряда произведено не было. Определенный анализ погребального обряда для поселения чустской культуры был проделан Ю.А.Заднепровским и Б.Х.Матбабаевым (Заднепровский, Матбабаев, 1984. С. 59-60).

Поэтому, изучение погребального обряда периода Кучук 1 имеет важное значение, так как в это время начались формироваться истоки зороастризма (Шайдуллаев, 2009. С. 37). Определённый свет на изучение данного вопроса проливают исследования последних лет на памятнике эпохи бронзы и раннего железа в Джаркутане в Северной Бактрии. При изучении археологических слоев времени Кучук 1 на этом памятнике был выявлен целый ряд ям. Определённой закономерности в расположении таких ям пока выявить не удалось. Обычно они имеют условно округлую в плане форму. Размеры ям различны - от 1 м до 3 м, глубина до 2,5 м. Весьма интересным является характер заполнения этих ям. Оно состоит из огромного количества обкатанных речных галек различных размеров. Большая часть этих галек весом порядка 0,5-1 кг. Практически единичны рваные камни. Фрагменты каменных орудий труда представлены в достаточно большом количестве.

В шурфе №1 на крепости Джаркутан была зафиксирована значительная часть большой ямы, глубиной более 2,5 м. Ее дно было заполнено рыхлыми культурными слоями темного цвета, толщиной около 0,5. Они содержали большое количество фрагментов лепных и гончарных сосудов, отдельные кости людей, 11 раздавленных черепов и отходы производства. По мнению А.А. Аскарова расписная керамика Джаркутана синхронна керамике нижнего горизонта Кучуктепе, ранним этапам Яз-1 и Тилла 1. Исследователь, основываясь на культурные слои, считал, что это мусорная яма (Аскаров, 1976. С. 17-19; Аскаров, 1977. С. 46-47). Но, работы Джаркутанского отряда Института археологии АН РУз в 2009-2012 гг. позволили несколько иначе интерпретировать эту яму. На раскопах 4 и 7 было зафиксировано несколько схожих по характеру заполнения и находки ям.

В квадратах QR-12 была вскрыта большая яма круглой формы диаметром 2,5 м, глубиной около 70 см (US 4058¹). Она вскрыта частично. Ее другая часть остается за пределами раскопа. Заполнение ямы состояла из довольно плотного грунта, большого количества галечных камней разных размеров, фрагментов керамических сосудов всех периодов сапаллинской культуры и обломков лепной расписной посуды, костей животных и разрозненных человеческих костей. Определенно 8 человеческих особей разного пола и возраста. Кости встречаются на глубине от 40 см и до 210 см глубины от реперной точки. В местонахождении человеческих костей не наблюдалось какого-либо анатомического порядка (рис. 1-2).

Еще две ямы раннего железного века раскопаны в квадрате Q15. Яма 4020¹ в плане овальной формы, размерами: длиной более 170 см, шириной 120 см, глубиной 185 см от реперной точки. В заполнении найдена масса галечных камней, очень много фрагментов керамических сосудов сапаллинской культуры, единичные фрагменты лепных крашенных сосудов и обломки каменных орудий труда. В одной из этих ям также най-

Рис.1

Рис.2

Рис.3

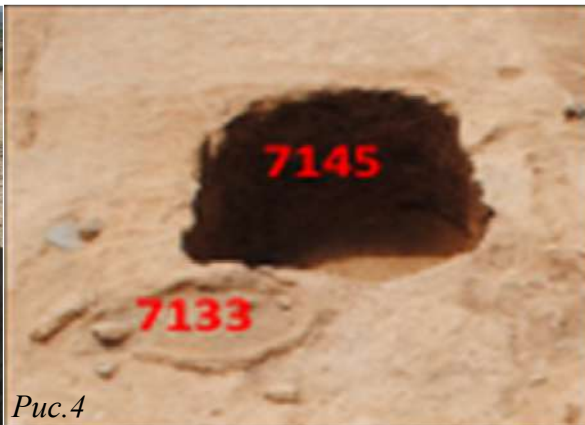

Рис.4

Рис.5

Рис.6

Рис.7

дены человеческие кости в разбросанном виде (рис. 3).

Яма (US-4162¹) овальной формы, размерами 290x240 см, глубиной 412 см от реперной точки. В юго-восточной стороне ямы имеются ступени с широкими маршами, высота каждой ступени порядка 50 см. Заполнение ямы двухъярусное. Нижняя часть заполнения (толщиной до 100 см) состоит из рыхлого грунта с единичными фрагментами лепной расписной керамики и единичными расчлененными костями одной человеческой особи.

Верхняя часть заполнения ямы - завального характера. Найден фрагмент тигля с медным шлаком. На уровне пола, в восточной стороне, вскрыта ниша, шириной 66 см, высотой 47 см и глубиной 40 см.

На раскопе 7 была изучена яма ЮС 7145². Она имела в плане прямоугольную форму с закругленными углами, с ориентацией по длинной стороне З-В. Длина до 170 см ширина до 90 см, и глубиной до 140 см. Заполнение ямы весьма неоднородное; в рыхлом перемешанном грунте имеются большие и малые включения золы и органики. Найдено большое количество фрагментов керамики культуры Сапалли и единичные фрагменты керамики Кучук 1. Среди находок единичные обломки человеческих костей (рис. 4).

У северо-западного края ямы ЮС 7145 на дневной поверхности эпохи раннего железа было зафиксировано кострище ЮС 7133. Оно имело в плане округлую форму с диаметром 55-60 см. Кострище заглублено в грунт на 7-8 см. По периметру кострища сделан налепной валик из глины, шириной до 6-7 см и высотой до 5 см. Обоженность стенок кострища очень слабая, что свидетельствует об его одноразовом использовании. В нижней части кострища заполнение состоит из слоя мелких угольков. Золы мало. Сверху, слой угольков перекрыт слоем обмазки из коровьего навоза. Этот слой навоза обгорел только снизу. Это свидетельствует, что обмазка из навоза производилась сверху недогоревших угольков. Самый верхний слой кострища - это засыпка грунтом светлого оттенка поверх слоя коровьего навоза (рис. 5).

С погребальным обрядом были связаны, по нашему мнению, найденные в раскопах 4 и 7 небольшие участки 2-3 кв.м, выложенные мелкой и крупной галькой. Видимо, это были места выставления трупов (рис. 6-7).

Впервые человеческие кости в расчлененном виде с лепной расписной керамикой найдены в заполнении ямы в шурфе №1 на крепости Джаркутан. А.А. Аскарлов определил эту яму как хозяйственную (Аскарлов, 1976. С. 17-19).

Надо отметить, что обряды выставления и захоронения расчлененных костей человеческих скелетов появились в Средней Азии под влиянием индоиранских племен. Традиция захоронения расчлененных костей известна по ряду могильников поздней бронзы (Ионесов, 1990. С. 16). Традиция парциальных (фракционных) погребений известна уже по ряду могильников поздней бронзы (Аскарлов, Ширинов, 1993. С. 126; Аванесова, Ташпулатова, 1999. С. 27-36; Аванесова, 2013. С.17). В массовом порядке подобная традиция появляется в Северной Бактрии лишь на финальных этапах древнеземледельческой культуры Сапалли. Все исследователи полагают, что эти инновации в погребальном обряде местного населения появляются под влиянием скотоводческих племён северных областей Средней Азии (Аскарлов, Ширинов, 1993). Эти инновации являются синтезом погребального обряда автохтонного земледельческого и пришлого населения. Н.А. Аванесова на основе анализа погребального обряда и сопроводительного инвентаря могильника Бустан 6 выявила большой компонент материальной и духовной культуры срубно-андроновских племен (Аванесова, 2013. С. 527-528). Но в то же время, необходимо отметить полное отсутствие предметов материальной культуры племён крашеной керамики на Бустан VI и хронологически соответствующих погребений других могильников Бактрии. До наших раскопок, изначальный погребальный обряд культур крашеной керамики в Бактрии специально не изучался.

Необходимо отметить, что в культурных слоях периодов Яз-I и Тилла-I остатков человеческих скелетов найдено не было (Массон, 1958; Сарияниди, 1972). Погребальным обрядам населения Средней Азии в эпоху раннего железного века посвящена обобщающая материалы по всем культурам Средней Азии статья А.С.Сагдуллаева. Но из-за отсутствия археологических материалов, он ограничился обобщением лишь единичных находок человеческих костей на памятниках середины I тыс. до н. э. (Сагдуллаев, 1990.

С. 29-30). Ввиду отсутствия письменных источников освещающих историю самого раннего периода проживания племён крашеной керамики на территории Средней Азии и сопредельных областей мы использовали данные хронологически более поздних источников по зороастризму.

В зороастризме имеется целый ряд исторических наслоений, которые довольно часто противоречат друг другу, в том числе и в погребальном обряде. Поэтому надо использовать в разумной степени сведения Авесты, которые относятся к более раннему времени. В «Видевдате» отмечено три способа захоронения: положения трупов на земле, погребения трупов в земле и погребения в дахме (Мейтарчиян, 1999. С. 42-43). Интересно что, термин дахма восходит к индоевропейской основе «погребать» или «хоронить» (Бойс, 1975. С. 109). Возможно в ведический период, основным видом погребального обряда было погребение в земле. В 8 фрагарде Видетдата имеется четкое определение обряда «И вот тогда пусть маздаяснийцы яму выкопают здесь, в этой земле, (глубиной) в полноги – в твердой, в полчеловека - в мягкой; на это место пусть принесут золы или (сухого навоза, а сверху нанесут кирпича или камня, или сухой глины или сора)» (Мейтарчиян, 1999. С. 44). В следующем, 9 фрагарде пишется, что тело умершего человека содержалось там несколько дней или месяцев. Между содержанием этих двух фрагардов возникает определенное логическое противоречие. Весьма трудно раскопать остатки умершего человека из ямы глубиной полчеловеческого роста, которая заполнена камнями.

Таким образом, суммируя результаты полевых работ последних лет на «крепости» Джаркутан, можно в определенной степени сделать попытку реконструкции погребального обряда населения Северной Бактрии в последней четверти II тыс. до н.э. (Кучук 1). Первоначально труп умершего выставлялся на участках, вымощенных галькой. По мнению М. Бойс, обряд выставления был заимствован иранцами в Центральной Азии (Мейтарчиян, 1999. С. 136). Необходимо отметить такую деталь, как вымостки из галечного камня и гальку в заполнении могил. Использована только галька самых различных размеров. Ближайшие доступные местонахождения гальки имеются лишь в нескольких километрах от Джаркутана. На территории Северной Бактрии на погребальном комплексе Пшак тепа (конец VII-VI вв. до н.э.) заполнение подстилающего и перекрывающего слоев состоит тоже только из гальки. И на этом памятнике эта галька была привезена с расстояния нескольких километров (Аскаров, 1979. С. 30-41). Возможно, речная галька в определенной степени символизировала воду, которая играла важное значение в зороастрийском погребальном обряде (Снесарев, 1969. С. 132-133; Мейтарчиян, 1999. С. 55). По нашему мнению, фрагменты керамики в огромном количестве найденные в этих ямах – могилах, воспринимались их создателями таким же изолирующим элементом как камень.

Очищение костей скелета умершего от органики производился не всегда до завершения полного разложения. Об этом свидетельствует обнаружение в ямах-могилах сохранившихся сочленений костей рук и ног. Конструкция могил пока недостаточно ясна. Видимо, она была достаточно произвольной в зависимости от ситуации. Характер заполнения ям-могил наоборот, является достаточно определяющим. Это очень большое количество галечных камней, фрагментов керамики, хозяйственных отходов. Сопровождающего погребального инвентаря нет. Закономерности труположения пока зафиксировано не было. В единичном случае зафиксирован случай возжигания огня в специальном разовым небольшим кострище, сооруженном на краю ямы-могилы. Возжигание огня сопровождалось, судя по всему, достаточно четким ритуалом – это по верх слоя недогоревших угольков обмазкой из коровьего навоза и с последующей забутовкой глиной.

Таким образом, изучение на крепости Джаркутан вышеупомянутых ям-могил времени Кучук 1, несмотря на их немногочисленность и необходимость их дальнейшей систематизации и интерпретации, позволяют сделать определенные выводы о некоторых аспектах духовной жизни племен эпохи раннего железа Северной Бактрии.

Сноски:

¹ Отчёт Джаркутанского отряда (УзФАЭМ) за 2010 г. Архив Института археологии АН РУз.

² Отчёт Джаркутанского отряда (УзФАЭМ) за 2011 г. Архив Института археологии АН РУз.

- Аванесова Н.А.* Бустон 6–некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд 2013.
- Аванесова Н.А., Таишпулатова Н.* Символика огня в погребальной практике Сапаллинской культуры // ИМКУ, вып. 30. Ташкент, 1999.
- Аскарлов А.А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А.А.* Раскопки Пишак-тепа на юге Узбекистана // ИМКУ, вып. 17. Ташкент, 1979.
- Аскарлов А.А., Альбаум Л.И.* Кучук-тепа. Ташкент, 1979.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Самарканд, 1993.
- Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г.* Памятники Кангурттута в юго-западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). М., 2008.
- Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, вып. 118. М., 1962.
- Заднепровский Ю.А.* Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997.
- Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х.* Основные результаты изучения чувтского поселения в Фергане (1950-1982гг). //ИМКУ, вып.19. Ташкент. 1984.с.46-71.
- Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргины. МИА-№73 Л.1958
- Мейтарчян М.Б.* Погребальный обряд в зороастризме. М., 1996.
- Рапопорт Ю.А.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
- Сагдуллаев А.С.* Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.
- Сагдуллаев А.С.* К изучению культового и погребального обряда юга Средней Азии эпохи раннего железа // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990.
- Сарианиди В.И.* Тиллатепе. М.1972
- Снесарев Г.П.* Реликты до мусульманских верований и обрядов узбеков Хорезма. М., 1969.
- Шайдуллаев Ш.Б.* Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Цивилизации Турана -Мавераннахра IV. Ташкент, 2000.
- Шайдуллаев Ш.Б.* Этапы возникновения и развития государственности на территории Узбекистана (на примере Бактрии). АДД. Самарканд, 2009.

**БАКТРИЯ АҲОЛИСИНИНГ КУЧУК 1 ДАВРИДА ДАФН МАРОСИМИ
МАСАЛАРИГА ДОИР**

Мақолада эрамиздан аввалги II минг йилликнинг сўнги чорагида Шимолий Бактрияда яшаган аҳолининг дафн маросимлари Кучук I материаллари асосида “реконструкция” қилинган. Муалифлар илк темир даври қабилаларини маънавий ҳаёти турли қирраларига доир хулосаларни ҳам билдиришган.

**TO THE ISSUE ON THE FUNERAL RITE OF POPULATION OF BACTRIA OF
THE PERIOD KUCHUK 1.**

This article is an attempt to reconstruct the burial rite of the population of Northern Bactria in the last quarter of the 2nd millennium BC (according to the data from the site of Kuchuk 1) and to conclude some aspects of the spiritual life of tribes in the early Iron Age.

С.Т. Саипов

*Каракалтакский государственный университет им. Бердаха
(г. Нукус, Узбекистан)*

НЕПОЛИВНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КРЫШКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МИЗДАХКАНА

В последние десятилетия в результате раскопок средневекового городища Миздахкан выявлено большое количество неполивной керамики являющейся неотъемлемой частью археологического материала. Часть ее ранее специально не исследовалась. Керамический материал служит для определения хронологии, этнической принадлежности и степени развития культуры населения того или иного памятника.

В процессе археологических раскопок Миздахкана удалось собрать значительный объем материалов, большую часть которого составляет неполивная керамика. Особую группу составляют керамические крышки.

В исследованиях по Средней Азии керамике специального назначения, в том числе крышкам, посвящено немало статей, среди них можно выделить таких авторов, как Н.Н. Вактурская, М.Х. Исамиддинов, М.Х. Хасанов, А.А. Анарбаев, А.Е. Смагулов, Г. Мирзалиев и другие.

Керамические крышки средневекового периода с городища Миздахкан по своему цвету разделяются на две большие группы: красноглиняные и сероглиняные, а по количеству сероглиняные крышки значительно преобладают над красноглиняными. По форме и орнаментации они мало различаются.

Наиболее разнообразными типами представлены красноглиняные неполивные крышки, делящиеся по способу изготовления: сформованные ручным способом с помощью матрицы-кальпа и изготовленные на гончарном станке. По форме внешней поверхности они выделяются также на варианты: крышки в виде плоского диска большого размера от 22 до 55 см, толщиной от 0,7-1,2 см до 2,2 см и крышки в виде округло-выпуклой или уплощенно-полусферической верхней частью. Оба варианта орнаментированы разнообразно.

Первый тип составляют крышки дисковидной формы без ручек. Диаметр - 22 см, толщина стенок 2 см, черепок в изломе красноватого цвета с добавкой примесей мелкого песка и шамота (рис. 1, 1). В центре снаружи, внутри прочерченного концентрического круга, нанесен орнамент геометрического характера, напоминающие стилизованные рога животных. Изделия сформированы на гончарном круге, на обратной стороне крышки заметны следы мелкой песчаной подсыпки, чтобы крышка не прилипла к поверхности, на которой производилась форма. Крышки такого вида представлены двумя экземплярами.

Второй тип крышки плоской формы представляют изделия, края которой имеют волнисто-фестончатое оформление. Ее внешняя поверхность декорирована в виде

лепестков, отделяющихся друг от друга параллельными линиями. Промежутки между ними заполнены треугольными насечками. Диаметр крышки составляет 16 см, толщина стенок колеблется от 0,8 до 1,4 см, обжиг равномерный, в середине прослеживается след оторванной ручки (рис. 1, 6). Крышка была изготовлена способом ручной лепки.

Крышки третьего типа также плоской формы, но отличаются по орнаментации. Его диаметр составляет 16 см, толщина стенок 0,7-1,2 см. Они изготавливались из хорошо отмученного теста. На поверхность изделия нанесены штампованные треугольники разной формы, среди них фигуры, напоминающие орнамент в виде листьев и треугольников внутри овала (рис. 1, 4). Характерно, что нижняя плоская поверхность крышки гладко заглажена.

Следующий тип крышки также плоской формы отличаются от других с нанесением орнамента. Поверхность делилась на сектора, в которых нанесен штампованный орнамент, напоминающий сужающиеся трапециевидные четырехугольники. Диаметр крышки 14 см, толщиной стенок 1,0-1,3 см. Они изготавливались из теста хорошей отмучки, без примесей (рис. 1, 8). По краям крышки прослеживаются явные признаки копти. Видимо крышка использовалась в качестве кухонного инвентаря.

Пятый тип плоской формы крышки диаметром 18 см, толщина стенок 0,9-1,0 см (рис. 1, 5). На поверхности орнамент нанесен пальцем, а насечки выполнены специальным инструментом. Края поверхности и внутренняя часть покрыты копотью.

Шестой тип крышки довольно большого размера дисковидной формы. С внутренней стороны крышка имеет слабозаметную выпуклость. Диаметр 32 см, толщина стенок 1,5-1,6 см. Они изготавливались с примесью шамота и мелкозернистого песка. Поверхность очень гладкая, в центре изделия имеются следы утраченной массивной ручки (рис. 1, 7).

Седьмой тип крышки диаметром 22 см, толщина стенки 1,1-1,5 см. Она изготавливалась из хорошо отмученного теста с добавкой органики. Поверхность края орнаментирована жгутообразным валиком, за ним по кругу прослеживаются вдавленные следы пальцев, в серединной части линейно-процарапанный орнамент длиной около 1,0 см, за ним прослеживаются следы утраченной ручки (рис. 1, 2). Крышка покрыта светлым ангобом. Другая подобная плоская крышка на поверхности края имеет рельефно-жгутообразный валик. Она также изготавливались из хорошо отмученной глины без каких-либо органических добавок. Верхняя часть изделия оформлена полуовальными медальонами и меандрообразными узорами. Диаметр его составляет 22,4 см, толщина стенок 1,0-1,4 см, черепок в изломе красновато-яркий, края крышки слегка закопченная (рис. 1, 3).

Следующую группу крышек составляют четко отличающиеся от других наличием ручки грибовидной формы расширением вверху. Это плоские крышки имеет богатый штампованный орнамент и представлен двумя экземплярами. Первый из них диаметром 10 см, толщина стенок 1,0-1,2 см, общая высота крышки с ручкой 2,6 см. Поверхность предмета разделена на две круговые секции, внутри которых нанесен орнамент, в виде не ровных четырехугольников. Между секциями расположен выпуклый круг. В середине крышки имеется грибовидная ручка, верхняя часть которой оформлена в виде шестиугольника (рис. 1, 10).

Другой тип изделия из этой группы в центре имеет блоковидную ручку, представлен, как и вышеописанные предметы, в плоском, дисковидном виде. Его внешняя сторона украшена очень тщательно, отпечатанными при помощи рельефно-выпуклого узора.

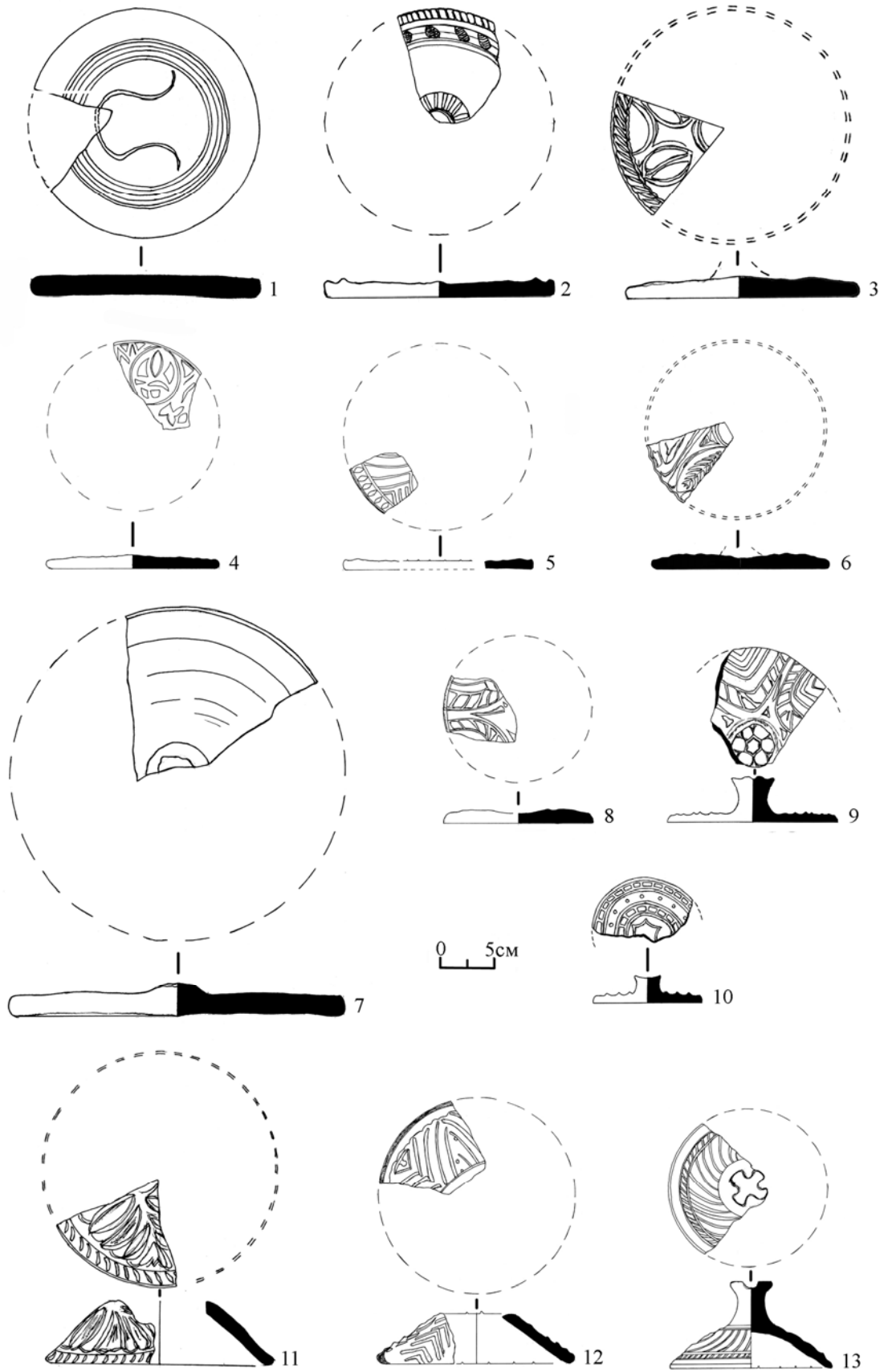

Рис. 1

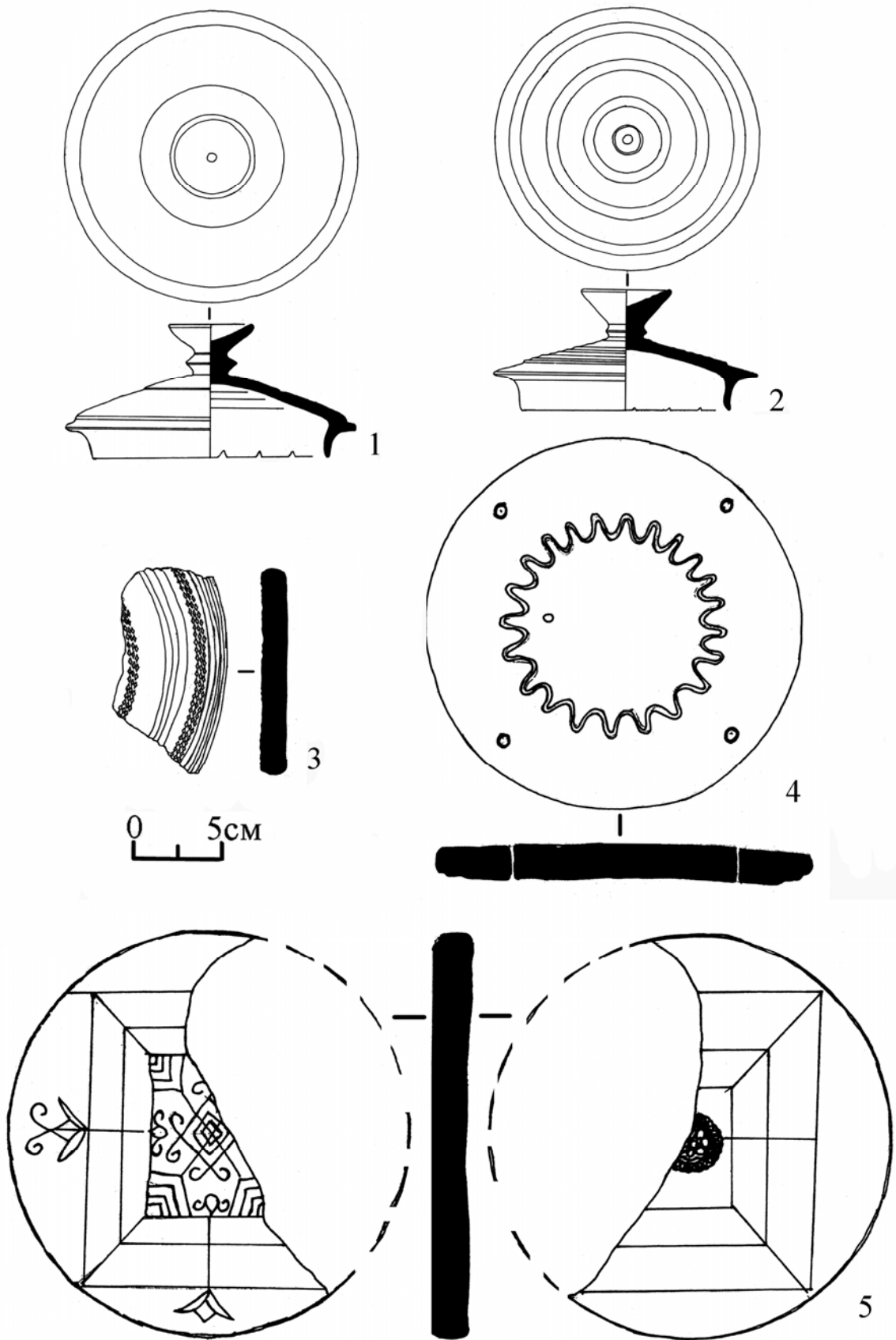

Рис.2

Диаметр крышки 16 см, толщина стенок 0,6-0,9-1,0 см, высота ручки 3,4 см. Крышка отличается от первого интересным орнаментом, его поверхность разделена на секцию, внутри каждой нанесена прямоугольная выемка, пространство между секциями заполнены треугольным рельефом (рис. 1, 9).

Второй тип красноглиняных крышек представлен тремя экземплярами, все они овально-выпуклой формой, но отличаются друг от друга размерами и орнаментацией. Первый вариант этой категории имеет блоковидную ручку в центре, сверху напоминающий крестообразный знак. Общая высота этой крышки составляет 8 см, в том числе длина ручки - 4 см, диаметр 15 см, толщина стенок колеблется от 1,1-1,4 см (рис. 1, 13).

Второй вариант этой группы представлен фрагментом вогнуто-выпуклой формы. Диаметр 22 см, толщина стенок 1,0-1,2 см, он изготовлялся из хорошо отмученной глины без примесей. По краю диска нанесен желобок с острым инструментом, а на поверхности имеется рельефно-выпуклый узор в виде полуовальных медальонов (рис. 1, 11).

Третий вариант также представлен фрагментом крышки вогнуто-выпуклой формы, которая отличается от других формой и рельефно-выпуклым орнаментом. Его диаметр 18 см, толщина стенок 0,8-1,1 см, края крышки сильно закопчены. Орнамент поверхности напоминает выемчатые насечки в виде ёлочки, промежутки заполнены кругами. Сохранившаяся высота-4,6 см. Черепок в изломе красновато-коричневого цвета, изготовлен с добавками мелкой примеси грубого характера. В центре поверхности, прослеживаются следы утерянной ручки. Формовка крышки неравномерная, заметно, что изделия ручной лепки (рис. 1, 12).

Вышеописанные лепные крышки имеют широкий ареал применения. Они встречаются среди керамики в памятниках Кердерской культуры (Ягодин, 1981. С. 93. Рис. 8, 13-15), раннесредневековых объектах юго-восточного Устюрта (Манылов, 1978. С. 263. Рис. 82, 8, 11), Каваткалинского оазиса хорезмшахской эпохи (Вактурская, 1958. С. 303). Подобные крышки известны также на памятниках Бухарского Согда (Отчет, 2011. С. 62. Рис. 18) и Казахстана (Акымбек, Нуржанов, 2009. С. 103. Рис. 4, 5). Там же их по аналогиям из соседних регионов датируются IX-X и XI-XIII вв.

Среди керамического комплекса Миздахкана, собранных в раскопках в большом количестве встречаются и сероглиняные крышки. Их также можно разделить на два больших типа: чернолощенные и сероглиняные крышки без лощения.

К первому типу относятся керамические крышки конической формы с черным лощением, они представляется в нашей статье тремя экземплярами. Они изготовлены тщательно отмученной глины без добавки примесей-песка и шамота. Один из них имеет диаметр 17 см, при общей высотой 8 см, диаметр кольцеобразной ручки составляет 5 см, весь наружная часть крышки покрыт черным ангобом, позже подвергавшем лощению. Оно подвергалось лощению до металлического блеска. Толщина стенки достаточно тонкая, составляет 0,2-0,5 см, черепок в изломе голубовато серый (рис. 2, 1).

Вторая сероглиняная чернолощенная крышка точно повторяет по формам первого, но отличается по величинам, диаметр составляет 15,2 см, общая высота 7 см (рис. 2, 2). Эти крышки, судя по формам, служило для закрытия чернолощенной миски или чаши. В памятниках Южного Приаралья такие сосуды известны из городища Джанпык-кала (Доспанов, 1990. С. 77), Шемаха-Калы (Вактурская, 1959. С. 315. Рис. 19, 3, 4), из слоя XIII-XIV вв. и Джигербент (Вишневская, 2001. С. 45).

Третий тип крышек имеет дисковидной формы, с явными признаками подражания металлическим изделиям. Поверхность крышки разделена на несколько круго-

вых секций, повторяющей ее форму, а между секциями нанесен сетчатый пояс в виде фестона, при этом только внешняя сторона придавалась лощению, что придает крышке блеск, как у металлических изделий. Подражания металлическим изделиям известны и по материалам сероглиняной керамики Южного Приаралья эпохи Великих Хорезмшахов (Вактурская, 1959. С. 315; Вишневская, 2001. С. 144. Рис. 15, 6; Сайпов, 2010. С. 84-88). Диаметр крышки 30 см, толщина стенки 1,5 см, черепок в изломе серые (рис. 2, 3).

Вторую группу составляет сероглиняные крышки имеющие дисковидную форму без ручек. Анализируя, размеры дисковидных крышек мы можем их разделить на три подтипа: I - малоформатные крышки имеющие диаметр до 25 см; II- среднеформатные диаметром от 26- до 40 см; III- крупноформатные диаметром от 41- до 55 см и более. Большинство из них орнаментировалась различными геометрическими фигурами, на некоторых из них нанесены, тамгаобразные знаки, часть из которых, в свою очередь, возможно представляли собой клейма мастеров-керамистов (Кдырниязов, Саипов, Кдырниязов, 2014. С. 46-47).

К I подтипу относится крышка дисковидной формы диаметром 23 см, а толщина стенок 2 см, в изломе серые и при сушке поставлено на песок. На лицевой стороне крышки до обжига нанесена волнообразная процарапанная линия в виде стилизованного «следа змеи». Образ змей, культ которой уходит корнями в глубокую древность, имел двоякое значение: олицетворение зла и мудрого, доброго начала. Сохранились легенды и верования о том, что змея охраняет клады с драгоценностями. Стилизованные изображения змей имели формы изогнуто-плавной волны, представляющей, возможно, символ воды и земли основного элемента зороастрийского культа (Мамбетуллаев, 1999. С. 88-89). Кроме того, крышка имела четыре параллельно расположенные друг от друга сквозные дырочки, диаметром 0,8-1,0 см (рис. 2, 4). Судя по сквозным дырочкам, крышка предназначалась для закрытия кухонного сосуда.

Вторая крышка относящиеся к I подтипу диаметром 23,2 см, толщиной 2,2 см, черепок в изломе серый, изготовлена с некоторой добавкой мелкого песка (рис. 2, 5). Верхняя часть крышки до обжига разделена на три квадрата. В центральном квадрате имеются процарапанные ромбические линии, концы которых завершаются стилистическим изображением виде «бараньего рога». Изображение барана с древних времен считается священным. отождествление изображения барана с зороастрийским фарном общепризнано и не требует дополнительной аргументации (Бернштам, 1952. С. 26; Мамбетуллаев, 2006. С. 52). В этом же квадрате вдоль линии есть изображение растительного орнамента в виде семени осоки, редко встречающиеся в других памятниках средневекового Хорезма. Общая композиция изображения требует более глубокого анализа. На обратной стороне крышки процарапаны три квадрата, в самом центре нанесено клеймо мастера-керамиста в виде вихревой розетки, диаметр которого 4 см. Такие знаки встречаются и на других крышках такого же типа. Знаки, находимые на днищах сосудов, так называемые гончарная клейма встречались в золотоордынской керамике (Полубояринова, 1980. С. 197).

Третья крышка, относящаяся к I подтипу, также имеет дисковидную форму, диаметр его достигает 25 см, толщина стенок 1,6 см, изготовлена из тщательно отмученной глины, обжиг серый, в середине крышки клеймо мастера в виде концентрического круга – стилизованный одуванчик, его мастер процарапал острым инструментом, поверхность крышки очень гладкая (рис. 5, 1).

Следующая крышка, относящаяся этому подтипу по формам точно повторяет вышеописанную, но чуть раздута, края изделия округлая и отличаются остальных

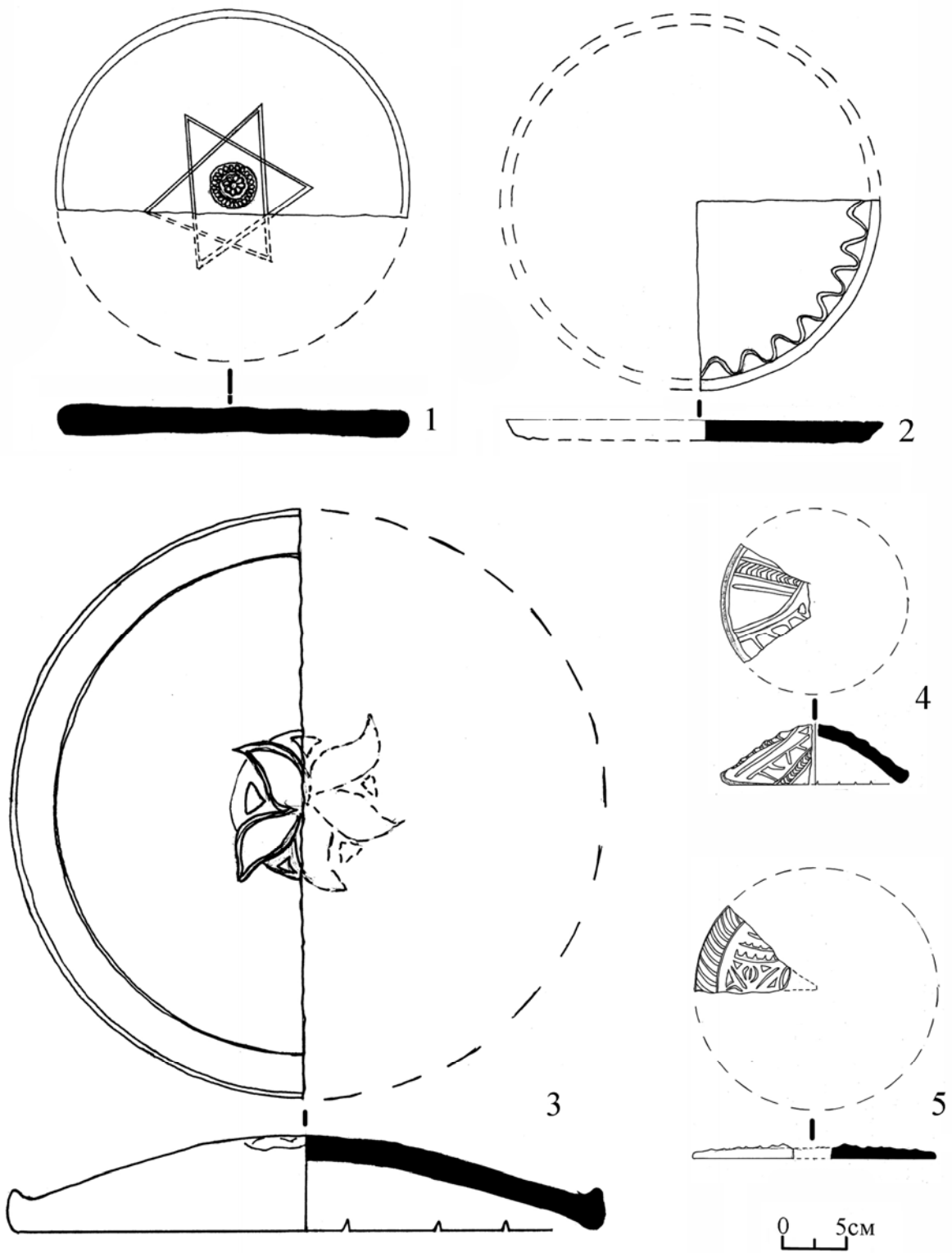

Рис.3

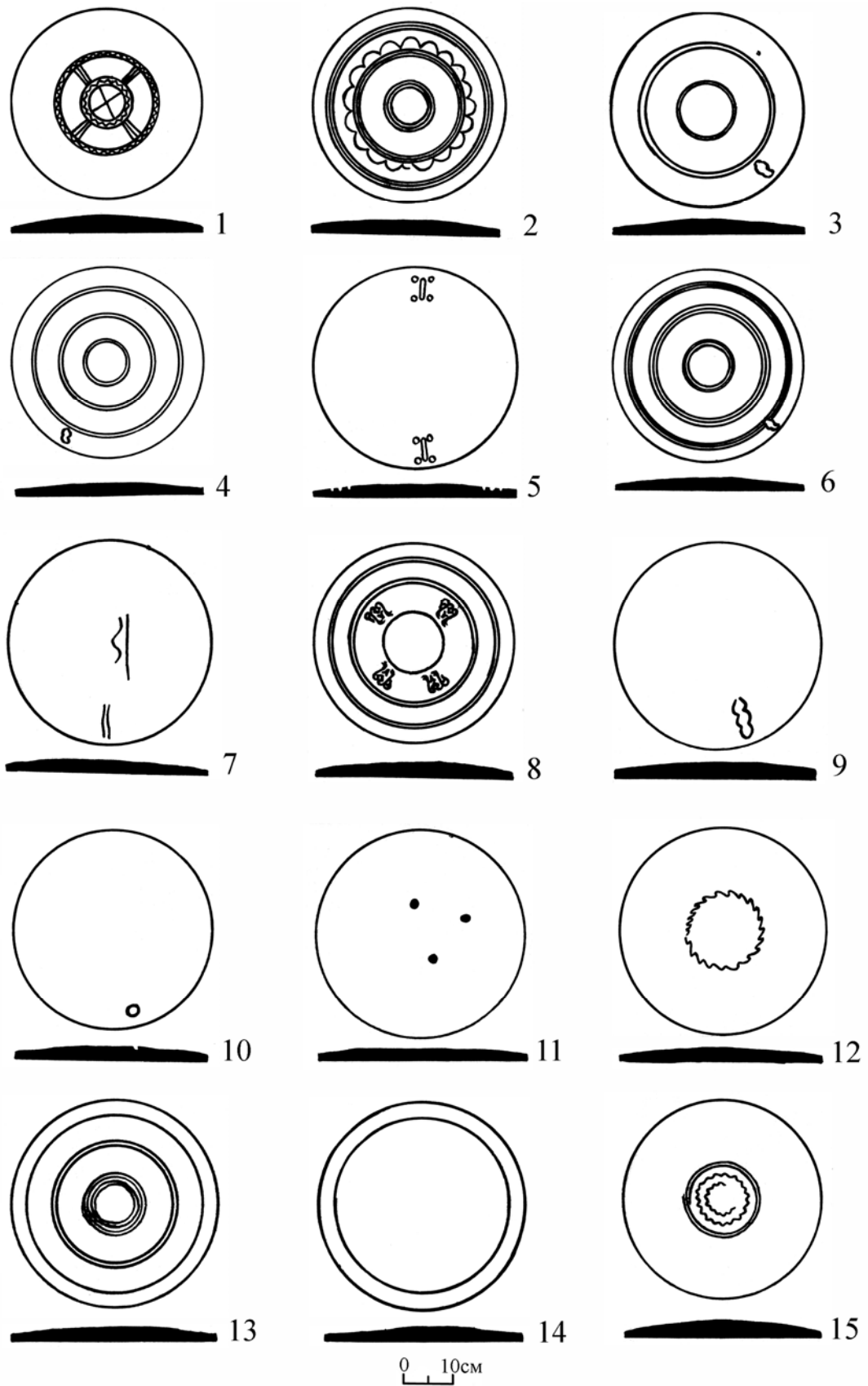

Рис. 4

грубостью теста. На поверхности имеются четыре симметрично расположенные пальцевым вдавливанием (рис. 5, 2).

Другая крышка второго подтипа, диаметром 38 см, толщина стенок 2 см, на поверхности крышки на центре - выемчатый крестообразный знак длиной 7,5 см, нанесенный острым инструментом, она окружена четырьмя концентрическими кругами (рис. 5, 3). Изображение креста - один из древнейших и распространенных знаков у многих народов средней зоны Евразии. Пристрастие к кресту объясняется тем, что он изначально был символом огня, солнца (Полубояринова, 1980. С. 197). В древности, зороастрийцы при постройке архитектурных сооружений пользовались частым применением элементов в виде креста. В этнографических материалах у каракалпаков знак креста является тамгой рода кенегеса, входившего в состав арыса он торт-уру. Ураном рода кенегесов является «шаули-шаухай». Этот уран по признанию информаторов рода кенегес связан с именем сына легендарного хорезмского стрелка Арык-Мергена (Жданко, 1950. С. 49).

Ещё одна крышка этого подтипа, диаметр которой составляет 28 см, толщина стенок 1,5 см, середине имеет крестообразный знак, но она нанесена пальцем до обжига (рис. 5, 4).

Другой вариант крышки второго подтипа имеет диаметр 31 см, толщина стенки 2,0 см, края предмета прямоугольные, но отличаются от других. На поверхности крышки нанесен орнамент в средней части в виде пятиконечная звезда и оттиснутой круговой печатью мастера, напоминающей вихревую розетку (рис. 5, 5). Такая круговая печать с вихревой розеткой встречается на другой крышке этого подтипа, диаметр которой 28 см, толщина стенки колеблется от 2 до 2,4 см, причем края изделия округлые. Печать поставлен на середину шестигранника (рис. 3, 1).

Еще один вид крышки, принадлежащий второму подтипу, диаметром 30 см, толщиной стенки 1,6-1,8 см, края предмета трапециевидные, на поверхности по краю нанесен процарапанный волнистый узор, напоминающий стилизованную волну или змейки (рис. 3, 2).

Следующий вариант дисковидной крышки второго подтипа сильно отличается от остальных наличием следов от массивной ручки. Диаметр крышки 40 см, толщина стенки колеблется от 1,0 до 3,5 см, в изломе серые, тесто с добавкой песка, поверхность гладкая, орнаментированный в виде круга, с овальной закраиной (рис. 5, 6).

Третий подтип керамических крышек, судя по размерам, служил для закрытия объемистого сосуда (хума). Диаметр их колеблется от 42 до 55 см, толщина стенок от 1,5 до 2,5 см. Все они изготовлены из хорошо отмученной глины, обжиг серый, просушка осуществлялась на песке. Они отличаются друг от друга нанесенным на поверхность орнаментами. Интересно, что среди них встречается узоры в виде «крыши юрты» кочевников, как «шанарак» (рис. 4, 1), «открывающаяся» ромашка (рис. 4, 2), некоторые имеют выемчатое клеймо мастера-керамиста в виде стилизованной волны на закраинах (рис. 4, 3, 4, 6, 9). На одной из этого подтипа крышки нанесен эпиграфический орнамент (рис. 4, 8), на другой на закраине нанесен выемка противоположно расположенных четыре черточек, где в середине выемка-линейка (рис. 4, 5). Кроме того, есть волнистообразные узоры и стилизованные волны (рис. 4, 7, 12, 15), клеймо мастера с тремя пальцевыми вдавливаниями (рис. 4, 11) и знак мастера (рис. 4, 10), круги (рис. 4, 13, 14). Все эти крышки имеют прямой заостренный край (Кдырнязов, 1989. С. 89).

Другой вид этого подтипа отличается от остальных, своей необычной формой и узорами. Она вогнуто-выпуклая, диаметром 50 см, толщина стенки 2,0-2,2 см, тесто

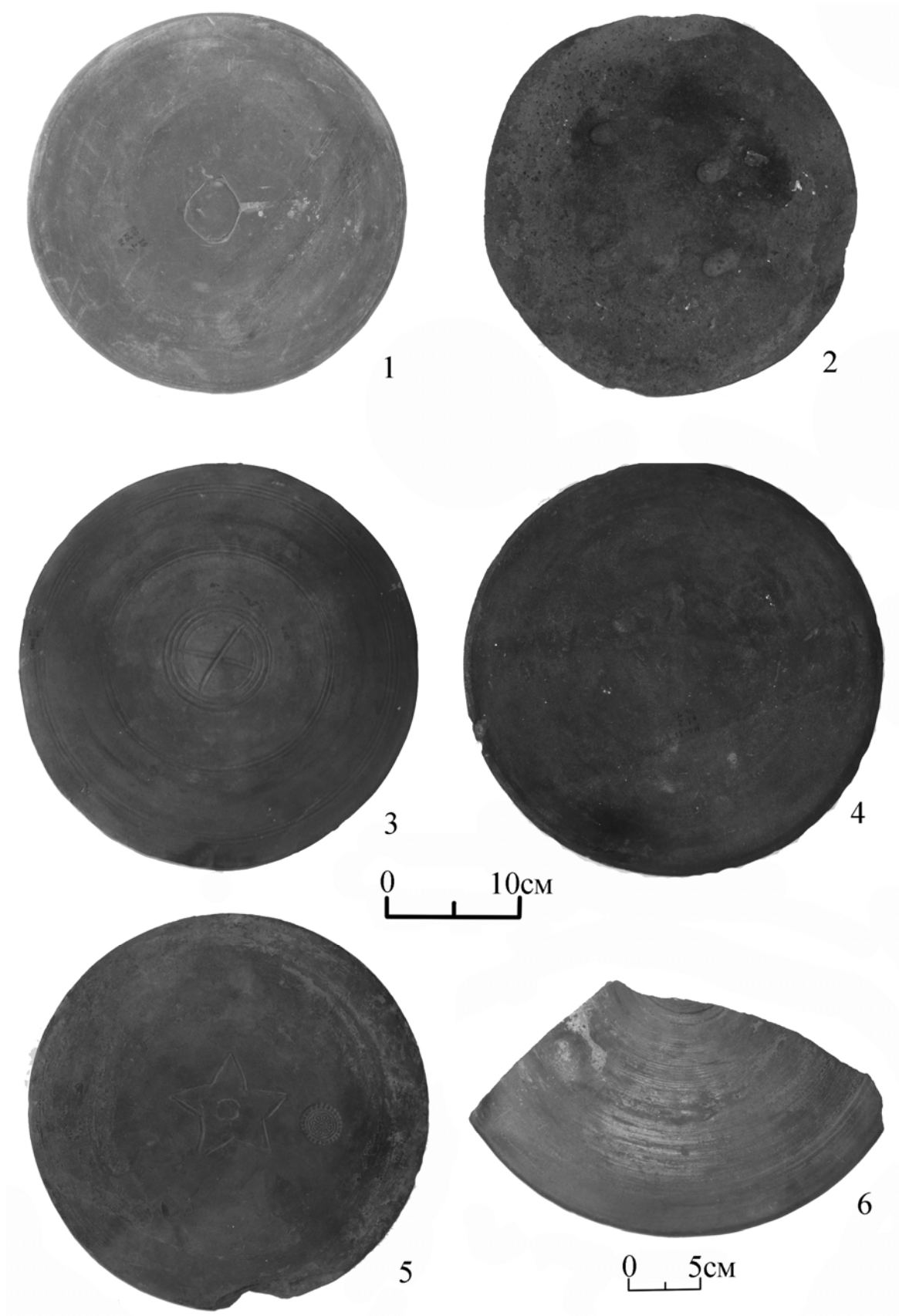

Рис.5

с добавкой песка, серый, закраина округлая, несколько приподнята от бортика, на середине поверхности узор растительного характера в виде листьев, и заполнена треугольниками. Общая высота выпуклого бортика составляет 8,0 см (рис. 3, 3).

Среди сероглиняных встречаются крышки, изготовленные ручной лепкой, выпуклой формы с рельефным узором треугольной линии и эта линия разделена на секцию сетчатой выемкой. Диаметр 15 см, толщина стенок 0,8-1,0 см, тесто не очень плотное и изготовлялось с добавлениями примеси. На поверхности, в середине прослеживаются следы отломанной ручки, внутренняя часть неравномерного обжига, закраина почти прямоугольная, общая высота 5,0 см (рис. 3, 4).

Следующий вариант крышки представлен плоской формой, на поверхности закраины нанесены круговые линии 2-1,6 см. На внешнем круге, расположенных в серединной части, имеются рельефно нанесенные линии с зубчатым треугольником. Диаметр 20 см, толщина стенок 0,6-0,8 см, черепок в изломе коричнево-серого цвета. Тесто изготовлялись с примесью мелкой дресвой (рис. 3, 5).

Знаки и тамги встречающиеся на керамических крышках Миздахкана в виде круга, креста, «песочных часов» или напоминающие цифру «восемь», три - четыре черточки, стилизованное изображение «птичьей лапы», «гусиной лапы», «бараньего рога», «змеиного следа», знаки в виде шестиконечной звезды и такие синхронные знаки и тамги часто встречались на сырцовых кирпичах в жилом комплексе Ток кала (Гудкова, 1964. С. 34), дворца Топрак кала (Толстов, 1948. С. 165-189), крепости Капараса, в комплексе Елхараса (Гертман, 1979. С. 70) и некоторых других районах Хорезма. Надо отметить, что характерной чертой всех подтипов I-II-III-групп керамических крышек Миздахкана орнаментация нанесена до обжига, в процессе изготовления крышки. Все крышки сформованы при помощи гончарного станка, кроме ручной лепки.

Тамги и знаки на керамических крышках, как и другие материальные и духовные ценности сложились в процессе исторического развития культуры региона. В результате трансформации они переходили от реалистического знака-рисунка тотема к абстрактным геометрическим фигурам, не теряющему в ряде случаев, своего смыслового значения и дошли до нас.

Таким образом, встречающиеся среди керамических изделий специального назначения крышки являются одним из элементов материальной культуры. Разные узоры и орнаментация служили одновременно украшением самой крышки. С другой стороны это доказывают, что происходило тесное этнокультурное взаимовлияние населения Южного Приаралья с его окружающими областями в области мировоззрения. Мы отметим, что в одной краткой научной статье не сможем подробно охарактеризовать все разновидности керамических крышек, поэтому остались не описанным поливные изделия этой группы. Тем не менее, описанный материал служит для характеристики керамического ремесла данного памятника.

Использованная литература:

- Анарбаев А. Ахсикет - столица древней Ферганы. Ташкент, 2013.*
Акымбек Е.Ш., Нуржанов А.А. Винодельческая мастерская на средневековом городище Актобе // Известия НАН Республики Казахстан. Алматы, 2009. №1.
Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памира // МИА. М.-Л., 1952. №26.
Вактурская Н.Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Труды ХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
Вактурская Н.Н. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959.
Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н.э. - начало XIII в. н.э.). М., 2001.

- Гертман А.Н.** Некоторые особенности маркировки сырцовых кирпичей Средней Азии // *Этнография и археология Средней Азии*. М., 1979.
- Гудкова А.В.** Ток-кала. Ташкент, 1964.
- Доспанов О.Т.** Жампық қала орта эсирлер естелиги. Нокис, 1992.
- Жданко Т.А.** Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX - начале XX века. М.-Л., 1950.
- Исамиддинов М.Х., Хасанов М.Х.** История древнего и средневекового керамического производства Нахшаба. Ташкент, 2000.
- Кдырниязов М.-Ш.** Материальная культура городов Хорезма XIII-XIV вв. Нукус, 1989.
- Кдырниязов М.-Ш., Сайпов С.Т., Кдырниязов О.-Ш.** Керамическое ремесло Миздахкана // *Археология Узбекистана*. № 2 (9)- 2014.
- Мамбетуллаев М.М.** Культурные курительницы с поселения Кердера // *История и материальная культура Каракалпастана*. Нукус, 2006.
- Мамбетуллаев М.М.** Кердерская чаша // *ИМКУ*. Вып.30. Самарканд, 1999.
- Маньлов Ю.П.** Средневековые хорезмийские памятники восточного чинка // *Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта*. Ташкент, 1978.
- Мирзалиев Г.** Неглазуванная керамика XII - начала XIII в. с городища Эски-Ахси // *ИМКУ*. Вып.20. Ташкент, 1986.
- Отчет о раскопках в Пайкенде в 2009-2010 годах** // *Материалы Бухарской археологической экспедиции*. Вып. XI. С-Пб., 2011.
- Полубояринова М.Д.** Знаки на золотоордынской керамике // *Средневековые древности Евразийских степей*. М., 1980.
- Пугаченкова Г.А.** Орнаментированный сосуд из Куня-Ургенча // *МХЭ*. Вып.4. М., 1960.
- Сайпов С.Т.** Форма и орнаментация чернолощеной сероглиняной керамики средневекового Хорезма (XII-XIV вв.) // *Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида*. Самарқанд, 2010.
- Смагулов Е.** Древний Сауран. Алматы, 2011.
- Толстов С.П.** По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948.
- Топрак-кала. Дворец** // *ТХАЭЭ*. Т. XIV. М., 1984.
- Ягодин В.Н.** Городище Хайван кала - раннесредневековый Кердер // *Археологические исследования в Каракалпакии*. Ташкент, 1978.

МИЗДАХҚАННИНГ ЎРТА АСР СИРЛАНМАГАН СОПОЛ ҚОҶҚОҶЛАРИ

Мақола Миздахканнинг ўрта асрларга оид сирланмаган сопол ашёлари – кизгиш ва кулранг тусдаги қапқоқларнинг ўрганилишига боғишланган. Сопол қапқоқларнинг шакли ва турлари, жумладан қора рангли қапқоқлар тавсири баён қилинган ўйма нақш ва безаклари ўрганилган. Куллолик маҳсулатлари орасида сопол қапқоқларнинг муҳим ўрни курсатиб берилган.

THE UNGLAZED CERAMIC LIDS OF MEDIEVAL MIZDAKHKAN

The article is an attempt to analyze one of the special types of unglazed ceramics such as red-clay and gray-clay ceramic lids of the Middle Ages from Mizdakhkan site. The shapes and types of ceramic lids including the black-polished lids and ornamental motifs are described in details. The lids are divided into groups and subgroups. The ceramic lids, as other artifacts, are one of the attributes of the material culture and evidence of the originality of ceramic crafts.

К. Турекеев

Каракалтакский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук Каракалтакского отделения АН РУз.
(г. Нукус, Узбекистан)

ОБЫЧАИ И ВЕРОВАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЁНКА У КАРАКАЛПАКОВ

Традиционно, каракалпаки, как и многие другие народы, исповедующие исламскую религию, отличаются чадолубием. Многодетные семьи всегда пользовались особым почетом. Поэтому наличие ребёнка определяет будущее молодой семьи. Не зря среди каракалпаков бытует пословица «*Балалы ўй базар, баласыз ўй мазар*», „Дом с детьми - базар, дом без детей – мазар (кладбище)".

После свадебных торжеств, по проишествии определенного времени, при появлении первых признаков беременности, каракалпакские женщины прибегают к определенным обрядам, связанным с их особым положением. Период беременности у каракалпаков называется *еки қабат, жукли, аягы ауыр*. С этим периодом у каракалпакских женщин связан ряд представлений, отражающих страх перед подстерегающими их опасностями. В этот период они стараются держаться на расстоянии от незнакомых людей, в особенности, женщин, о которых в народе сложилась молва, что они страдают недугом бесплодия.

Особое внимание в период беременности уделяется внутриутробному развитию плода. Во время токсикоза, называемого у каракалпаков *жериклик дәуир*, когда происходят изменения вкусовых пристрастий, любая прихоть беременной женщины по отношению к еде должна быть удовлетворена. В народе верили, невыполнение ее желания может нанести вред ребенку, или он может родиться с каким-либо физическим недостатком. Женщины, позволяют себе употреблять все что захотят, даже свинину, которая по мусульманским канонам считается нечистой (Есбергенов, Атамуратов, 1975. С.122). Однако, существовали и некоторые пищевые запреты, например, беременным женщинам запрещалось употреблять мясо некоторых животных. Табуированными являлись мясо петуха, зайца, верблюда и некоторых диких животных. По сведениям информаторов, каракалпаки верили, что если женщина съест во время беременности мясо петуха, то ребёнок будет плаксивым и крикливым. Употребление во время беременности мяса зайца или кролика, может привести к рождению ребенка с заячьей губой. Считалось, что беременность растянется до 12 месяцев, если беременная женщина употребит мясо верблюда. В случае, когда женщина, несмотря на предостережения, все же употребляла верблюжье мясо, бабки - повитухи должны были провести обряд, способствующий ускорению родов. Беременная трижды должна была пройти под верблюжьей шеей. Если по-

близости не оказывалось верблюда, она перепрыгивала через рисунок верблюда. Распространено и другое поверье, например, у беременной женщины, употребившей запретный продукт, может родиться вороватый ребёнок (Полевые записи автора за 2013. №7, 12, 13, 30, 33, 72; Есбергенов Х, Атамуратов, 1975. С. 124).

Поведение женщины во время беременности было регламентировано некоторыми предписаниями. Она должна быть со всеми обходительной, не причинять никому вреда, в том числе животным.

Ряд обрядов и поверий направлен на то, чтобы обезопасить женщину и плод от «дурного глаза», злых духов. Следуя им, беременной женщине запрещалось ходить, в сумерках за водой (к реке, каналу, колодцу), имеющаяся в доме вода должна была храниться в закрытой посуде.

В народе верят, что беременную женщину всегда подстерегает злой дух, стремящийся навредить ей, поэтому у каракалпаков выработан ряд обрядов, направленных на защиту женщины и плода. Беременные женщины носили с собой талисманы, обереги, амулеты, разные золотые украшения. Перед сном у изголовья ставили хлеб и нож.

Подобные верования и обряды, существуют и у других народов. У узбеков, чтобы уберечь женщину и ее ребенка, находящегося в утробе от вреда, брали кусок белой материи, заворачивали туда пиалу с мукой, деньги и посвящая духам предков, возносили над ее головой, производя при этом круговые движения (Аширов, 2007. С. 74.)

У казахов в юрте подвешивали плетку, челюсть волка, клюв сокола. По поверьям казахов, они отпугивают злых джинов (Аргынбаев, 1973. С. 87.)

У туркмен существовало поверье об Албасты - злом духе, который особенно опасен для роженицы и ребенка. Албасты является женским духом, поэтому мужчинам не может нанести вреда. Н.В. Брюллова-Шаскольская пишет: «Есть в туркменском фольклоре страшная ведьма Албасты. Она является в виде козла или старухи, она одноглазая, волосы до земли, из спины видны кишки, следы от раны, нанесенной ей Али. Иногда она сидит при трупах, но главным образом, это женский демон. Мужчинам она не вредит, но женщинам необходимо заручиться ее благосклонностью, иначе она вынет ребенка из чрева матери перед родами...» (Союнова, 1979. С. 67)

По поверьям туркмен, покровительницей рожениц и малолетних детей является Парау-биби. Перед родами женщины выполняли в честь святой следующий обряд. На дорогу в юго-западном направлении выносили *жам* чашка с мукой. Этот обряд назывался *унчыкарыляр*, что буквально переводится «выносить муку». Через некоторое время эту муку забирали с дороги и раздавали бедным или вдовам, или же пекли хлеб, которым угощали соседей. Цель обряда заключается в том, чтобы открыть дорогу в дом роженицы доброй покровительнице, которая способствовала бы быстрому и благополучному исходу родов. (Союнова, 1979. С. 67 - 68).

Существует огромное количество поверий и магических действий, связанных с началом родов. В некоторых каракалпакских семьях перед началом родов жарили *сөк* очищенное от шелухи просо. Развязывали узел на мешочке с пшеном, чтобы женщина быстрее разрешилась и семья могла отпраздновать рождение ребенка *шашыу той* (Полевые записи автора за 2013. № 33).

Ряд обрядов направлен на облегчение схваток. Например, свекровь начинает хлопывать беременную своим платьем или *чапаном* муллы. Перед приближением

родовых схваток окуривают дом *адраспаном* (*Péganumharmala*) или производят троекратные обходы печи для выпечки хлеба *тандыр*, прося у покровительницы женщин Пийрим Бийпатпы благополучных родов (Полевые записи автора за 2013. №12, 13, 19, 31, 45, 48).

Каракалпачки верили многим приметам и поверьям, связанным с быстрыми и легкими родами, а именно, перед родами необходимо расплести косы, развязать узлы на одежде. Если оставить на одежде петли и узлы, то по поверью, роды будут тяжелыми. Узлы распускают не только на одежде роженицы, но и следят за тем, чтобы во всем доме, узлы на веревках были развязаны (Полевые записи автора за 2013. № 33, 72). Чтобы облегчить роды, женщине страдающей от тяжелых схваток, приносили вареное яйцо, веря в то, что у съевшей яйцо роженицы, ребенок родится так же легко, как скатывается яйцо у курицы (Полевые записи автора за 2013. № 30).

Подобные обряды, связанные с облегчением родовых схваток существовали и у других народов. Например, у узбеков Хорезма для облегчения родов открывали двери, замки в доме, а при тяжелых, затянувшихся родах неожиданно разбивали рядом с роженицей чайник, надеясь, что, испугавшись, она быстрее родит (Фирштейн, 1978. С. 191).

У казахов с этой же целью убирали петли на одежде роженицы, снимали с нее металлические украшения, считалось, что наличие твердых предметов вызовет «твердые» (сильные) схватки; открывали крышки посуды, сундуков, развязывали тюки, расплетали арканы. При этом женщины приговаривали: «*Түйінішегін шешегөр, күнасі болса кешегөр*», т. е. «Развяжи все узелки ее! Прости все грехи ее!» (Толеубаев, 1991. С. 64).

Перед родами практиковались и другие магические обряды. Например, в верховьях Заравшана снимали развешанную по комнате одежду, на западной стене комнаты вешали ружье, заряженное порохом, но без пули. Произносили над роженицей различные заклинания и молитвы, окуривали ее дымом растения *испанд*, снабженного, по мнению населения, особой чудодейственной силой (Зеравшан) (Кисляков, 1959. С. 50).

Аналогичные приемы по облегчению родов существовали и у других народов, например, как отмечает исследователь Сайфутдинова Г., при тяжелых родах у татар применяли различные религиозно-магические меры: просили помощь у предков; роженицу водили под руки по комнате и заставляли трижды ударить правой ногой о порог дома, дверной косяк. В фольклорном сознании порог, косяк считались сакральными. Такое «беспокойство» духов предков (удары по косяку – Т.К.) соотносилось с выпрашиванием помощи. Старались вызывать рвоту - просили жевать свои волосы. Татарок-мусульманок опрыскивали молитвенной водой. В емкость наливали воду и произносили над ней молитвы, затем давали выпить роженице, или бумагу с написанной на ней молитвой сжигали, а пепел должна была съесть рожавшая (Сайфутдинова, 2010. С. 108).

У народов Сибири так же открывали все запоры в доме, где есть роженица, распускали женщине волосы, запрещали гостю, задерживаться у порога и т. д. Эти действия якобы облегчали роды (Алексеев, 1980. С. 145).

В старину, у каракалпаков, когда женщина рожала дома, и роды проходили тяжело, хозяин дома выходил на улицу и производил несколько выстрелов. Считалось, что выстрелы из ружья отпугивают злых духов и эти меры облегчат роды (Полевые

записи автора за 2013. №32, 72). Такое же поверье встречается у узбеков (Аширов, 2007. С. 75), казахов (Аргынбаев, 1973. С. 90).

При домашних родах возле беременной находится бабка - повитуха. Роженица находится в окружении уважаемых женщин, отличающихся положительными чертами характера. Это делалось для того, чтобы родившийся ребенок, перенял у этих женщин лучшие черты характера.

У каракалпаков считается плохой приметой покупать колыбель, игрушки, одежду и другие вещи для младенца до его появления на свет. В случае не соблюдения этого поверья можно нанести ему вред с возможным трагическим исходом. Поэтому каракалпаки, вещи и предметы для новорожденного, покупают после его рождения (Полевые записи автора за 2013. №33).

О рождении ребенка объявляется не сразу, а только после удаления последа, так как считалось, что если сделать это раньше, то послед может не опуститься (Полевые записи автора за 2013, № 72). Новорожденного сразу же прикладывают к груди роженицы, чтобы ребёнок был добрым и отзывчивым по отношению к матери. Если состояние роженицы тяжёлое, то дитя прикладывается к груди отца (Полевые записи автора за 2013. № 48).

Вестнику, сообщившему о рождении ребенка родственникам, полагаются *сүйиниши* подарок за радостную весть. У каракалпаков вестнику дают деньги.

Современные женщины рожают в родильных домах. Поэтому сложился ряд своеобразных обычаев, производимых при первом появлении женщины с ребенком в доме. Ребенка внося в дом, стараются держать в вертикальном положении. Согласно народному поверью, если ребенка занесут в дом головою вперед, то он заговорит раньше, чем начнет ходить. Если же ребенка занесут в дом ногами вперед, то он сначала начнет ходить, а говорить будет позже. Для того, чтобы эти два события произошли одновременно, ребенка, при вступлении в дом стараются держать вертикально (Полевые записи автора за 2013. № 13, 48).

Широко распространены обряды, связанные с обрезанием пуповины ребёнка. Женщину, обрезавшую пуповину называют *киндикшеше*. У народов, проживающих в Каракалпакстане, каракалпаков, узбеков, казахов, туркмен, пуповиной ребёнка очень дорожат. После обрезания, её заворачивают в белую ткань и хранят в укромном месте. По сведениям информаторов, существует обычай, подвешивать пуповину на детскую колыбель *бесик*, чтобы она охраняла его от «дурного глаза» и злых духов (Полевые записи автора за 2013. № 72; Есбергенов, Атамуратов, 1975. С. 144 – 145).

У казахов пуповину вместе с ножом, которым ее перерезали, плацентой закапывали у входа в юрту. Об обрядовом ноже тоже имеются различные сообщения, например, отмечается, что его больше не использовали и хранили в сундуке. По другим сообщениям, нож забирала бездетная женщина, желающая иметь детей, либо *киндик шеше* (Толеубаев, 1991. С. 68).

Поверья, связанные с последом составляют особую тему. Каракалпаки верят в то, что последующая жизнь ребёнка напрямую связана с его последом. После рождения ребёнка послед зарывают под фруктовыми деревьями. Считалось, что если послед закопать под фруктовым деревом, то ребёнок, когда вырастет, будет многодетным (Полевые записи автора за 2013. №12, 19, 48, 55). Еще в старину послед зарывали под порог *босага* юрты (Полевые записи автора за 2013. № 55). Такие поверья, существуют в различных вариациях и у других народов. По объяснениям уче-

ных, это можно расценивать, как одну из форм проявления культа предков. У каракалпаков, при рождении сына послед закапывали под порогом вместе с костью для игры в альчики *асық*. Если рождалась дочь, то с последом закапывали просо. Послед закапывался отцом новорожденного слева от входа в дом. По всей вероятности, этот ритуал был вызван представлением о тесной связи последа и новорожденного. Обычай закапывания последа с костью для игры и просом, видимо, был связан с полукочевым образом жизни, *асық* символизировал скотоводство, а просо земледелие (Мамедов, 2007. С. 157).

О том, что зарывание последа вместе с альчиками весьма распространенный обычай есть сведения у Г.П. Снесарева. Он отмечает, что всюду в Хорезме послед зарывали в доме, у порога его дверей. Вместе с последом зарывали альчик, если желали, чтобы следующим ребенком был мальчик или *уқ* – миниатюрный лучок или тряпичную куколку, если в дальнейшем ожидали девочку. Иногда вместе с последом зарывали веточку тутового дерева, «чтобы ребенок в будущем сделался кормильцем, своих родителей» (Снесарев, 1969. С. 91).

Казахский этнограф Толеубаев обычай закапывать альчики с последом объясняет следующим образом: «Дело в том, что у казахов послед тоже считался ребенком. Именно поэтому, видимо, вместе с ним закапывали асыки, чтобы он играл на том свете. Данное предположение подтверждается тем, что у казахов послед называется *баланың жолдасы*, что в буквальном смысле означает «спутник ребенка» (Толеубаев, 1991. С. 69).

В этнографической литературе имеются сведения о том, что у каракалпаков, послед ребенка отдавали на съедение собаке. Считалось, что это будет способствовать многодетности ребенка в будущем (Есбергенов, Атамуратов, 1975. С.136). Но во время наших полевых исследований, нами были зафиксированы совершенно другие сведения. Например, рассказывали, что в таком случае, нрав у ребенка будет как у собаки (Полевые записи автора за 2013. № 55). Поэтому послед стараются беречь от собак.

Такое трепетное отношение к плаценте связано с тем, что плаценту рассматривали как живое существо (Фрэзер, 1980. С.52). У некоторых народов плаценту считали матерью ребенка (Бутанаев, 2011. С.104), у других - братом или сестрой (Фрэзер, 1980. С. 51). Древние тюрки считали плаценту сакральным двойником ребенка (Кармышева, Губаева, 2006. С.150). Так или иначе, отношение к последу было более чем уважительное и для пущей сохранности старались закопать его в укромном месте, - часто даже в доме, у порога, в куче золы у очага или у срединного столба в помещении. В Турции послед закапывали в хлеву, чтобы увеличить плодородную силу скота- и т.д. Но некоторые народы предпочитали, чтобы послед был съеден собакой, чтобы иметь также много детей, как щенков у собаки. Именно так, видимо, считали и каратегинские киргизы, которые чаще всего бросали послед собаке, обязательно самке, хотя нередко и закапывали его, но подальше от юрты (Кармышева, Губаева, 2006. С. 150-151).

Традиционная многодетность народов Каракалпакстана с обязательным наличием в семье детей служит устойчивому сохранению различных обрядов и ритуалов в дородовой период. Эти обычаи, поверья, направлены на благополучное протекание беременности и рождение здорового ребенка.

Использованная литература:

- Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
- Арғынбаев Х. А.* Қазақ халқындағы семья мен неке. Алма-Ата, 1973.
- Аширов А.* Ўзбек халқининг қадимий этиқод ва маросимлари. Тошкент, 2007.
- Бутанаев В.Я.* Особенности культуры и быта тюрков Саяно – Алтая. Астана, 2011.
- Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975.
- Кармышева Б.Х., Губаева С.С.* Обряды, связанные с рождением и воспитанием детей у Каратегинских киргизов. Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2006.
- Кисляков Н.А.* Семья и брак у таджиков. М.–Л., 1959.
- Мамедов Н.* Каракалпакская литература. Баку, 2007.
- Сайфутдинова Г.Б.* Традиции, связанные с рождением ребенка у татар Поволжья // Вестник СамГУ. 2010. №5 (79).
- Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Союнова А.* Обряды, связанные с рождением детей у городского населения Туркменистана // Очерк этнографии населения южного Туркменистана (XIX – начало XX в.). Ашхабад, 1979.
- Толеубаев А.Т.* Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). Алма–Ата, 1991.
- Фириштейн Л.А.* О некоторых обычаях и поверьях, связанных с рождением и воспитанием ребенка у узбеков Южного Хорезма // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978.
- Фрезер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980.
- Турекеев К.* Полевые записи за 2013. № 12.
- Турекеев К.* Полевые записи за 2013. № 13.
- Турекеев К.* Полевые записи за 2013. № 19.
- Турекеев К.* Полевые записи за 2013. № 30.
- Турекеев К.* Полевые записи за 2013. № 31.
- Турекеев К.* Полевые записи за 2013. № 32.
- Турекеев К.* Полевые записи за 2013. № 33.
- Турекеев К.* Полевые записи за 2013. № 45.
- Турекеев К.* Полевые записи за 2013. № 48.
- Турекеев К.* Полевые записи за 2013. № 55.
- Турекеев К.* Полевые записи за 2013. № 72.

ҚОРАҚАЛПОҚЛАРДА ФАРЗАНД ТУҒИЛИШИ БИЛАН БОҒЛИҚ УРФ-ОДАТЛАР

Мақолада фарзанд туғилиши ва унинг чилла кунлари билан боғлиқ маросим ва урф-одатлар тарихи этнографик манбалар асосида таҳлил қилинган. Қорақалпоқ аёллари тез ва осон туғиш билан боғлиқ бўлган ҳар хил афсона ва ривоятларга ишонган. Аёллар хомилдорлик пайтида хомилани ёмон кўзлардан ва ёвуз руҳлардан сақлаш максатида катгий қоидаларга амал қилишган.

THE KARAKALPAKS' CUSTOMS AND BELIEFS RELATED TO BIRTH AND THE FIRST DAYS OF THE CHILD'S LIFE

In his article "The customs associated with birth and the first days of the child's life in the Karakalpak" considered the customs and rituals associated with the birth of a child, the process of defining their socialization. Karakalpak many believed in omens and beliefs associated with the fast and easy delivery. In connection with the pregnancy they had to adhere to certain strict rules to protect the fruit from the evil eye, evil spirits.

Г.Х. Хожаниязов

*Каракалтакский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук Каракалпакского отделения АН РУз
(г. Нукус, Узбекистан)*

РАСКОПКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ВОРОТ ВЕРХНЕГО ГОРОДА АКШАХАН КАЛЫ

Городище Акшахан-кала открыто в 1956 г. В 1982, 1985 гг. предварительно исследовано, с 1995 года здесь идут долгосрочные стационарные археологические исследования (Ягодин, Хелмс, Ходжаниязов, 1996).

Городище состоит из Верхнего и Нижнего города (далее ВГ и НГ) общей площадью более 50 га (рис. 1 а). На начальных этапах исследований было принято, что ВГ имеет всего двое ворот, расположенные в середине юго-восточной и юго-западной стен (Ходжаниязов, 1995. С. 111 и др.). Однако, в результате последующих работ, осуществленных в 2003 и 2004 гг., ворота были обнаружены и по середине остальных двух стен. В обоих случаях читаются контуры предвратных лабиринтов, возможно, даже остатки пандуса (Ходжаниязов, Хелмс, Колин, 2004. С. 213). Таким образом, ВГ имеет четверо ворот, расположенных по середине четырех стен. Из них на северо-восточных воротах в 2000-2001 годы проведены раскопки (Р.IX) (Ходжаниязов, Ягодин, Хелмс, Макларен, 2001; Ходжаниязов, Хелмс, Снеддон, 2002; Ходжаниязов, Хелмс, Колин, 2004). Раскопками был охвачен участок предвратного лабиринта с прилегающими отрезками крепостной стены. Общее протяжение вскрытой площади от 40 до 70 м, ширина от 30 до 50 м. Высотные отметки здесь сильно колеблются, достигая на наивысшем участке до 6-7 м (рис. 2 а, б).

Предвратное укрепление (28x28 м) представляло собой "Г"-образную стрелковую галерею, ограничивающую пространство его с северо-востока, юго-востока и башни, которая замыкает это пространство с юго-запада (рис. 1 б). С северо-запада лабиринт ограничен стеной города, у которой в его середине находятся ворота. Обе стены лабиринта (внешняя и внутренняя) образующие, по-видимому, двухэтажный коридор и входящие вместе с ним в общую конструкцию городской стены, покоятся на общем пахсовом цоколе-платформе высотой 1,6-2 м.

Стены лабиринта выложены из того же материала и в тех же конструктивных приемах, что и на других изучавшихся отрезках фортификационных систем ВГ. Связь между стрелковыми галереями крепостных стен и предвратного лабиринта осуществлялась с помощью прохода шириной 0,9 м.

Во внешней северо-восточной стене лабиринта отмечено наличие бойниц. Они располагаются на высоте около 4 м от основания стен.

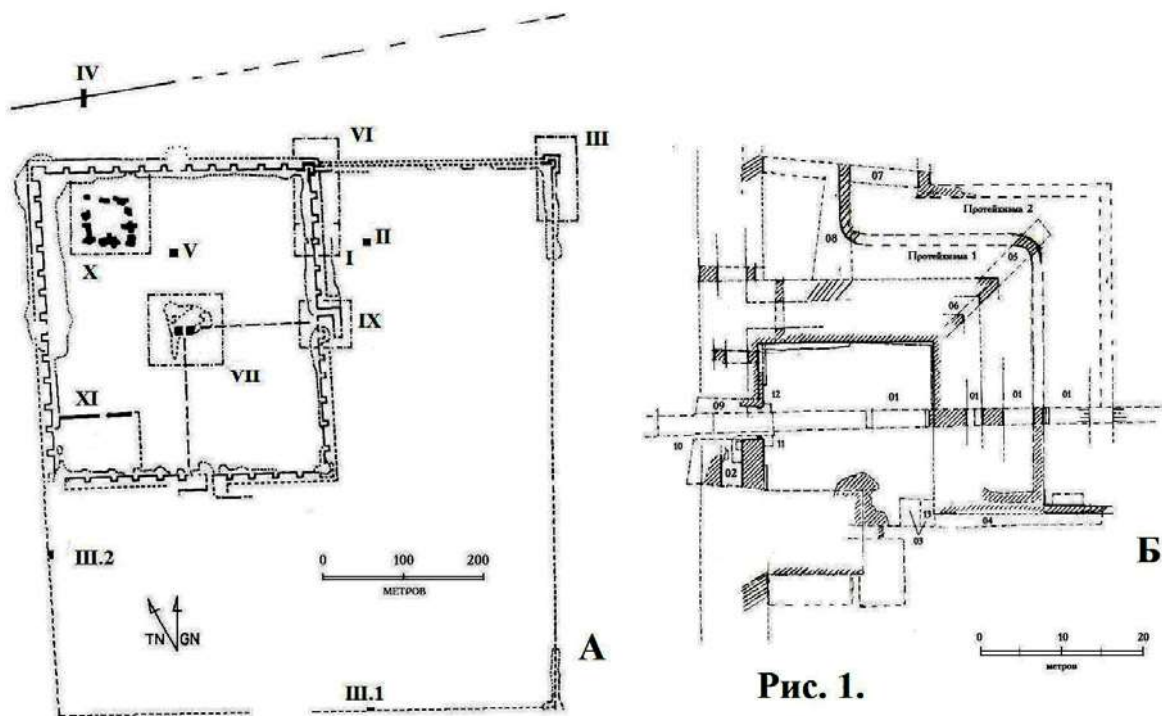

Рис. 1.

Одновременно с лабиринтом, в перевязку с кладкой городских стен из того же материала и конструкции была возведена предвратная башня. Она шириной около 10 м, выступает на 11,20 м за линию стены и включает стрелковую камеру со временем подвергавшуюся переделкам. Помещение в плане прямоугольное, размерами около 4,75x3,5 м, которое впоследствии уменьшается до 2,7x3,5 м. Вход в башню шириной 0,9 м вел из стрелковой галереи городских стен.

Ширина ворот составляет 3,95 м. Проход через них сужался за счет пилонов, выступающих с каждой стороны на 0,2 м и шириной 0,52 м. Въезд в город осуществлялся, по-видимому, через двустворчатые ворота, о чем свидетельствуют сохранившиеся гнезда глубиной до 0,7 м и выемки от балок для их крепления на каждой его стороне (рис. 2 ж).

Проезд через городские ворота имеет сплошное сырцовое мощение в три ряда на песчаном растворе, со следами изношенности (толщина кирпича составляет 5-7 см). Ниже сырцового пола у входа выявлены две параллельные пахсовые стены-цоколи (рис. 2 в, д): восточная и западная, общей толщиной около 10 м и максимальной высотой 1,4 м, с откосом с той и с другой стороны. Они находятся на материковом нивелировочном слое (0,62 м), который представляет собой кирпичную кладку из четырех рядов (рис. 2 л), засыпанных аллювиальным песком (0,12 м). Пространство между пахсовыми цоколями шириной 1,62 м (поверху) и 0,82 м (по низу), заполнено сырцовыми кирпичами (43-49x43-49x10-14 см) в девять рядов на песчаном растворе (рис. 2 з). Таким образом, общая толщина проезжей части ворот ВГ составляет около 2,16 м.

В местах, где стрелковый коридор крепостной стены примыкает к проезжей части ворот, он прегражден поперечными стенами, оставляя проемы шириной 0,45 м, вероятно, для вылазки. Эти проемы с внутренней стороны были заложены сырцовыми кирпичами на глиняном растворе. Толщина закладки 0,8 м, сохранившаяся высота 1,4-2 м.

Особо следует отметить, что сырцовый пол проезжий части ворот, как показали раскопки, выходят за его пределы на восток и образует специальную дорожку (рис. 2 в). Она строилась в следующем порядке. Сначала, были поставлены на расстоянии 2,9 м друг от друга две параллельные сырцовые стены, толщиной по 0,8 м, высотой 1,47 м. Пространство между ними заполнено сырцовыми кирпичами на песчаном растворе в 11 рядов.

Фортификационная идея, заложенная в планировочном решении этого самого уязвимого узла крепости заключается в том, чтобы заставить проникшего через проход в предвратный лабиринт неприятеля пройти по узкому простреливаемому вдоль и сбоку, своеобразному пандусу.

Таким образом, въезд расположенный посередине предвратной постройки, разделен отрезком поперечной стены, как бы создающей преграду движению и разделяющей его на два русла. Внутри предвратное пространство представляло, таким образом, отсек-ловушку, в котором прорвавшийся враг не смог бы свободно маневрировать, подвергаясь ожесточенной атаке защитников крепости.

Предвратный лабиринт опоясан протейхизмой. Их две, расстояние, между которыми составляет 4-8 м. Первая из них, общей высотой 3,4-4 м, расположена в 4-5 м от лабиринта, состоит из двух частей: верхней и нижней. Нижняя часть высотой 1,6 м состоит из сырцовой кладки (40-42-43x40-42-43x10-12 см), которая поставлена непосредственно на материковой песчаной подсыпке толщиной 0,15 м.

Пространство между стенами крепости и протейхизмой разделено на отдельные сырцовые отсеки высотой 1,6-1,7 м, засыпано аллювиальным песком, поверху выложены сырцовыми кирпичами в три ряда, служившими в качестве пола.¹ В результате общая толщина своеобразной забутовки соответствовала высоте нижней части протейхизмы.² Почти на всех кирпичах на постельной стороне имеются тамгообразные метки: прочерченная пальцами одинарная, двойная и тройная полоса; прямой крест, замкнутые и незамкнутые круги; крест внутри круга; Т, S образные и другие. Было зафиксировано более 30-ти видов тамг.

Верхняя часть протейхизмы высотой 1,8 м идет с отступом 0,3-0,4 м от кромки нижней, следовательно, в свою очередь, имеет такой же выступ с внутренней стороны. Однако, отступ верхней части от нижней на участках поворота протейхизмы составляет больше, чем обычно и достигает до 0,6-0,8 м. В результате общая высота протейхизмы составляет 3,4 м.

Вторая протейхизма находится у самого внутреннего края рва, на верху земляного вала. Ее сохранившая высота 0,3-0,6 м, ширина 1,4 м.

В 10,4 м к востоку от юго-восточной стены предвратного лабиринта был вскрыт внутренний край рва глубиной от края до 2,5 м. Работы до конца не были завершены, ширина рва осталась не выясненной. Однако о рве ВГ можно судить по зафиксированным на других трёх участках ВГ (Р.VI, IX и X, 5) и на одном участке НГ (Р.III). В северо-восточной стороне ВГ ширина рва достигает около 34 м (Р.X, Тр.1). По ширине ров Акшахан калы являются самым большим в древнем Хорезме, нигде более, таких размеров рвы пока не зафиксированы.³

На внутреннем краю рва обнаружено искусственная земляная насыпь, которая образует вал. Ширина вала по основанию - 7,3 м, по верху—2-3 м, высота 1,7 м. Внешние и внутренние поверхности вала имеют откосы.

Вдоль внешнего фаса протейхизмы, как и у стен предвратного лабиринта, выведена канава около метровой ширины и глубиной 0,3-0,5 м, образующие водосток

для отвода дождевых и талых вод (Р.Х). На восточном участке города (Р.VI) ширина её достигает до 1,45 м.

В ходе работ обнаружено значительное количество позднеархаической, кангюйской и кушанской керамики, среди которых имеется матрица для лепки маски головы (рис. 3). Здесь у ворот обнаружено большое количество каменных ядер для пращи и, возможно, для камнеметных машин. Коллекция керамики разделяется на три хронологические группы: позднеархаический, кангюйский и кушанский.

Керамика первой группы в количественном отношении составляет небольшую часть. В группе, кроме светлоангобированной керамики, встречаются также сероглиняные фрагменты по форме и профилю напоминающие керамику позднеархаического периода, аналогичная керамике городища Каладжик. Аналогичная керамика известна на территории Бактрии (Емши-тепе, Ай-Ханум) (Кругликова, 1973. С.111). Пока керамику первой группы (V или рубеж V-IV вв. до н.э.) не удастся связать с конкретной стратиграфической позицией, поскольку ее большая часть обнаружена вне слоя.

Вторая группа керамики (IV-III вв. до н. э. - I в. н.э.) связана с I, II и III хронологическими периодами.

Керамика третьей группы стратиграфически связана с наиболее поздними перестройками предвратного укрепления, т.е. с периодом V относительной хронологии и относится ко II-IV вв. н.э.

Согласно радиоуглеродным данным в конце существования третьего периода крепость, возможно, пережила осаду, на что косвенно указывают следы страшного пожара и проломы в крепостных стенах и башнях. По радиоуглеродным анализам, образцы (С5) которые взяты с пола первого яруса стрелковой галереи (Р.I), пожар происходил в 152-56 гг. до н.э. (Helms, Yagodin, Betts, Khozhaniyazov, Kidd, 2001. P. 128, 137).

Образцы (С3), взяты из закладки стрелкового коридора (Р. I) 22-110 гг. н.э. (Helms, Yagodin, Betts, Khozhaniyazov, Kidd, 2001. PP. 128, 137). В этот период происходит закладка первого яруса галерей. Образцы (С7) взяты из под приставной стены угловой и промежуточной башен (Р. I, VI) 41 г. до н.э. - 73 г. н.э. (Helms, Yagodin, Betts, Khozhaniyazov, Kidd, 2001. PP. 127-128, 137). Это дата не противоречит дате установленной для подобных стен фортификаций древнего Хорезма. Она подтверждает и то обстоятельство, что в II-I вв. до н.э. бойницы первого яруса выходят из пользования, о чем свидетельствуют образцы (С4-163-63 до н.э.), взятые из восточной угловой башни (Helms, Yagodin, Betts, Khozhaniyazov, Kidd, 2001. PP. 127-128, 137, fig. 9).

В целом археологические вскрытия объекта показали, что предвратные сооружения, как и все укрепления ВГ, претерпели ряд перестроек. В истории их выявлено несколько периодов, ознаменованных последовательным усилением обороны ворот.

Первый период связан с первоначальным возведением предвратного укрепления. Второй период лабиринта ознаменован усилением оборонительной системы, возведением протейхизмы. Третий период вводится во вторую очередь строительства протейхизмы. При этом уровень пола между лабиринтом и протейхизмой был приподнят на 1,75 м (1,6+0,15 м), появился плац-площадь по внешнему периметру крепостных стен. В конце функционирования третьего периода крепости, возможно, она пережила осаду, на что косвенно указывают следы страшного пожара у входа предвратного лабиринта и глубокие пробоины в стенах и башнях (Р. I, VI и IX).

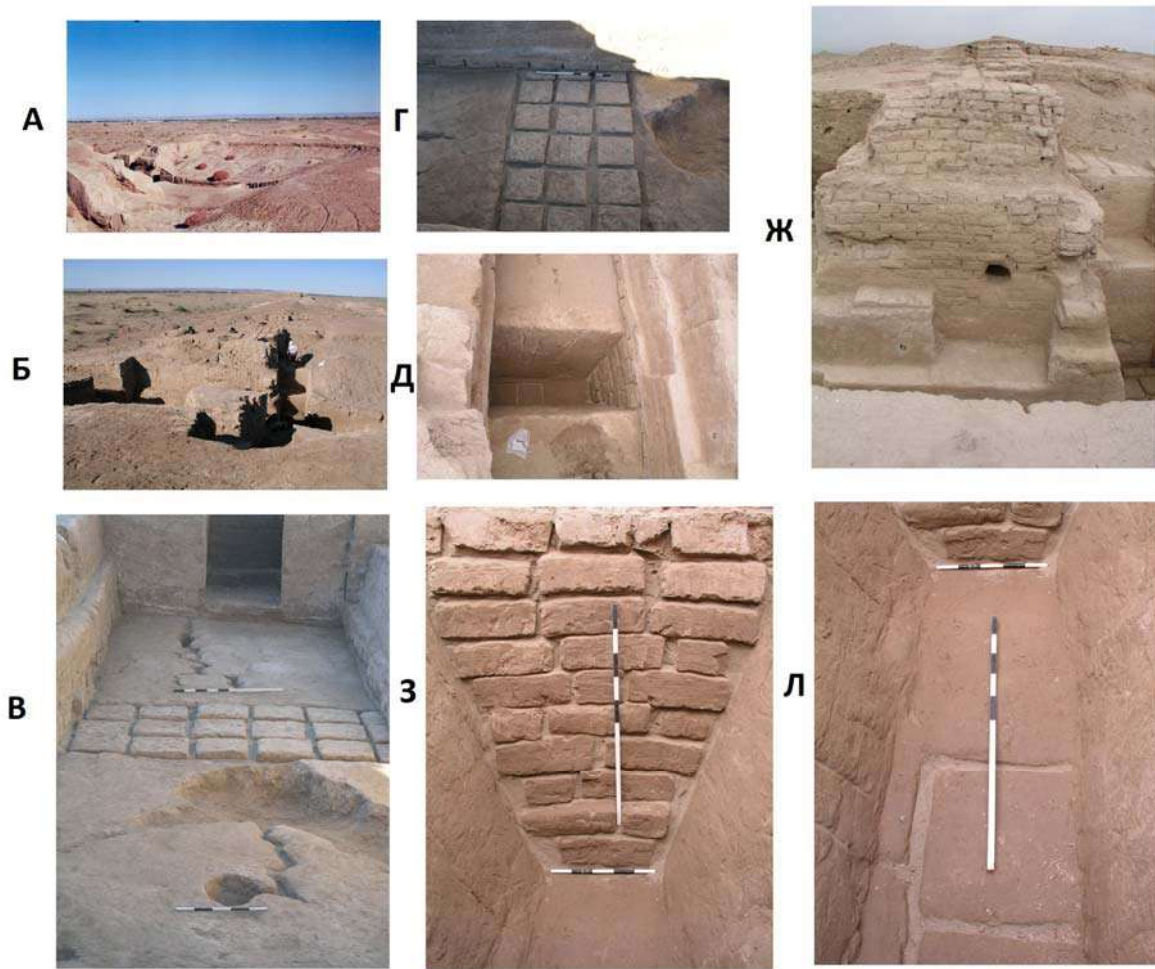

Рис.2.

Четвертый период в истории предвратного укрепления связан с восстановительными работами оборонительных систем. По периметру стен лабиринта и башен выводится сырцовая обкладка (Р. I, VI, IX, X), производится забутовка первого яруса стрелковой галереи и помещений башен, пояс обороны переносится выше (Р. I, VI) (Ходжаниязов, Хелмс, Снеддон, 2002. С.170).

Рис.3.

Пятый период в развитии фортификации ВГ выразился в строительстве вокруг лабиринта второй линии протейхизмы.⁴ Отдельные участки стрелковых галерей второго яруса, согласно раскопкам VI, сужаются, образуя узкий проход шириной 1 м, камеры башен по уровню бойниц закладываются изнутри.

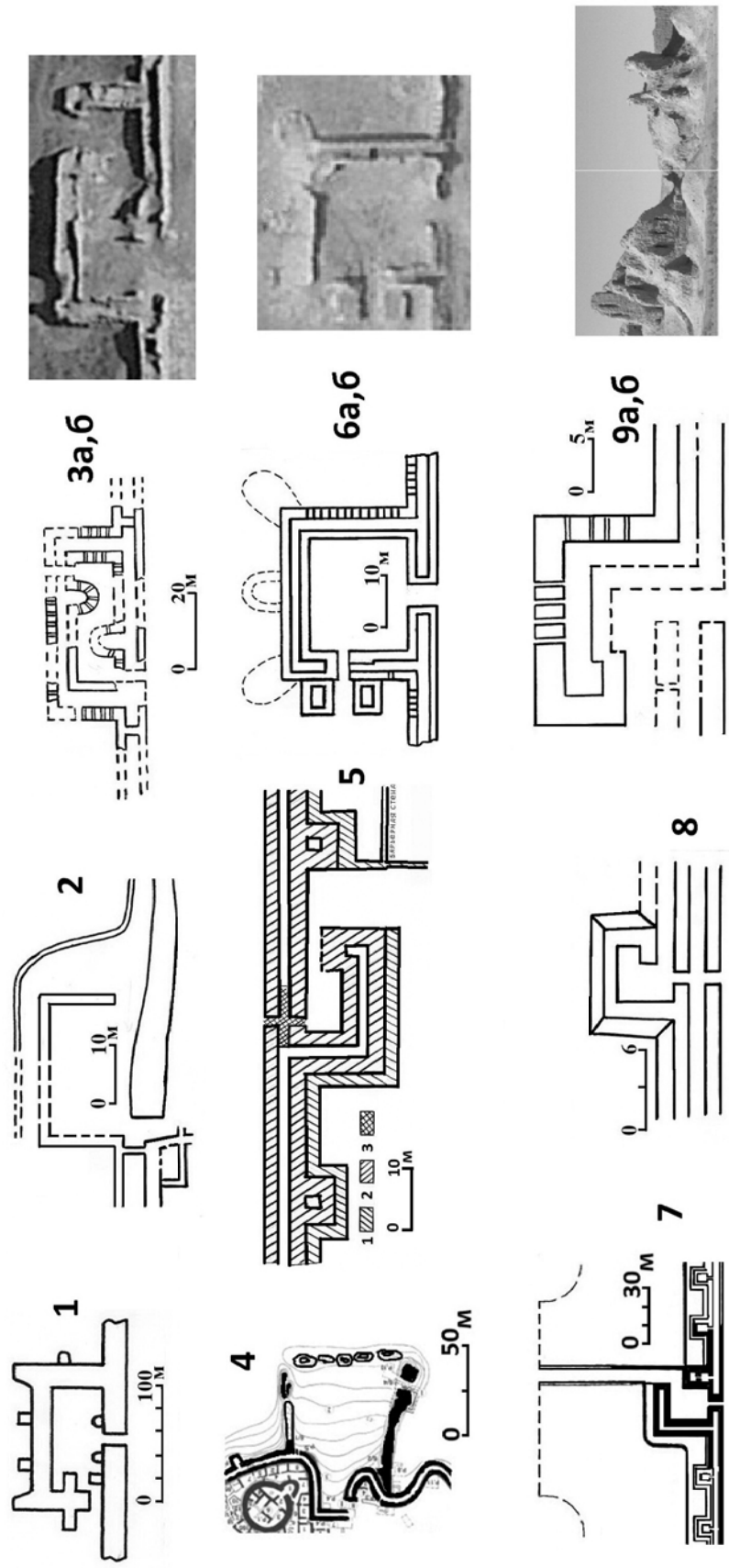

Рис.4.

Раскопанные восточные ворота ВГ иллюстрируют один из ярких примеров предвратного сооружения фортификации древнего Хорезма. В военном отношении ворота, вообще, всегда привлекали к себе особое внимание. Аналогичные предвратные лабиринты были отмечены в Калалыгыре 1 (рис. 4, 1), Большой Айбуйир-кале (рис. 4, 2), Джанбас-кале (рис. 4, 3 а, б), Калалыгыре 2 (рис. 4, 4), Топрак-кале Хивинской (рис. 4, 5), Аяз-кале 1 (рис. 4, ба, б), Кургашин-кале (рис. 4, 9 а, б), Кзыл-кале (рис. 4, 8), Большой Кырккыз-кале, Базар-кале (цитадель), Кюнерли-кале, Капарасе и в других памятниках древнего Хорезма. Каждый конкретный археологический объект имел свою отличительную особенность: в Джанбас-кале направление движения противника, находящегося под обстрелом, менялось пять раз; в Аяз-кале 1 система защиты ворот имела заметное усовершенствование, где вход в предвратный лабиринт был защищен двумя башнями. Кроме того, по углам и по фасамам лабиринта располагались еще три башни полуовальной формы; на городище Капарас, имелись дополнительные караульные помещения, которые находились с двух сторон ворот. Кроме того, чтобы лучше организовать защиту въезда при возникновении серьезной опасности, стрелковые галереи часто были связаны с воротами (Джанбас-кала, Койкрылган-кала, Ток-кала, Аяз-кала 1 и др.). Обнаруженные остатки деревянных конструкций, значительное количество железных “болтов” и обкладок от ворот в Калалы-гыре 2 (Вайнберг, 1983. С. 473-474) показывают, что, въезды в укрепления древнего Хорезма закрывались деревянными воротами.

Протейхизмы известны на городищах Хазарасп, Койкрылган-кала, Топрак-кала Хивинская, Миздахкан, Топрак-кала Шаватская, Большая Айбуйир-кала, Ичан-кала (Хива), Каладжик, Бурлы-кала, Большая Кырккыз-кала, Кургашин-кала и других ранних памятниках древнего Хорезма. Однако в Акшахан-кале этот вопрос решен несколько иначе. Древние хорезмийские полиоркеттики, возможно, понимали, что такая высота, как в Хазараспе, создает значительное мертвое пространство, к тому же приходящееся на ров и сводящее поэтому к нулю оборонительное значение протейхизмы. Чтобы избежать этого в фортификации Акшахан-калы применили новый подход. Здесь протейхизмы поставили не на внутреннем краю рва, как обычно, а подальше от него.⁵ Она находится почти посередине между рвом и крепостной стеной. В хорезмийской фортификации этим новшеством не ограничились. Здесь в ВГ прямо на внутреннем краю рва возвели дополнительный вал, формировавшийся, по-видимому, за счет расчистки рва. Его высота составляет от 1,1 м (Р. IX) до 2 м (Р. X), ширина соответственно по основанию 7,3-9,3 м и по верху—2-3 м. Их боковые грани скошены (Ходжаниязов, Хелмс, Снеддон, 2002. С. 168-169).

В кушанский период в фортификации древнего Хорезма, для усиления оборонительных качеств крепостных стен, применялись другие приемы. В некоторых ранних укреплениях, крепостные стены были обведены новыми стенами, охватывающими, как панцирь, старые. При этом внешняя стена была сложена частично, а иногда полностью заново, под внутреннюю использовались внешние стены первого периода (Хазарасп, Койкрылган-кала, Дэвкескен и др.) (Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963. С. 185-186; Койкрылган-кала, 1967. С. 47, 293-294). Стрелковые галереи крепости, в связи с подобными реконструктивными работами, иногда превращаются в отдельные замурованные отсеки. Этот своеобразный конструктивный прием, настоятельно рекомендованный Витрувием, обеспечивал сохранность в случае неравномерной осады.

В результате археологических работ на городище Акшахан-кала было определено время возведения предвратного лабиринта, который согласно керамическому материалу и стратиграфии крепостных стен датируется IV в. до н.э.

Таким образом, раскопанные ворота Акшахан-калы иллюстрируют один из ярких примеров предвратных сооружений фортификации древнего Хорезма.

Примечания

¹ В районе угловых башен (Р.VI) песчаная засыпка была заменена кладкой из сырцовых кирпичей, уложенных в несколько рядов на песчаном растворе.

² Аналогичный строительный прием в крепостных сооружениях древнего Хорезма известен. Цоколь Калалыгыр 1, например, сложен из блоков пахсы высотой от 0,6 до 1,2 м, в верхней части образующих как бы клетки, заполненные песком с примесью большого количества щебня и камней (Толстов, 1958. С. 155).

³ Ширина рва на городище Койкрылган-кале - около 15 м, Топрак-кале - 16,5 м, Топрак-кале - 25 м.

⁴ Причем старые, где они сохранились, были включены в систему новых фортификационных сооружений. Пространство между старыми и новыми стенами засыпано строительным мусором и песком и превращено в монолит.

⁵ Протейхизмы, иногда строили за внешним краем рва, в частности в Топрак-кале Шаватской (IV-III вв. до н.э.) (Мамбетуллаев, 1986. С. 15).

Использованная литература:

- Вайнберг Б.И. Работы в Южной части Присарыкамьшской дельты // АО 1981. М., 1983.*
Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразник Е.Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958-1960 гг. // МХЭ, № 6. М., 1963.
Городище Топрак-кала (Раскопки 1965-1975 гг.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. XIII. М., 1981.
Кой-крылган-кала памятник культуры Древнего Хорезма (IV в. до н.э. - IV в. н.э.) // ТХАЭЭ. Т. V. М., 1967.
Кругликова И.Т. Городище Емиш-тепе в Северном Афганистане // КСИА, вып. 136. М., 1973.
Мамбетуллаев М. Топрак-кала Шаватская (раскопки 1979-1980 гг.) // Археология Приаралья. Вып. 3. Ташкент, 1986.
Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // ТХАЭЭ. Т. II. М., 1958.
Хожаниязов Г.Х. К изучению античных памятников Ташкырмаского оазиса. - ТДМК Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. Самарканд, 1995.
Ходжаниязов Г.Х., Хелмс С.У., Колин Д.Т. Исследования в Южном Каракалпастане // Археологические исследования в Узбекистане—2003 год. Ташкент, 2004.
Ходжаниязов Г.Х., Хелмс С.У., Сннедон Э. Археологические исследования на городище Акшахан кала в 2001 году // Археологические исследования в Узбекистане - 2001. Ташкент, 2002.
Ходжаниязов Г.Х., Ягодин В.Н., Хелмс С.У., Макларен Б.К. Раскопки на Акшахан кале // Археологические исследования в Узбекистане – 2000 год. Самарканд, 2001.
Ягодин В.Н., Хелмс С.У., Ходжаниязов Г.Х. О работах Ташкырманской международной археологической экспедиции в 1995 году // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Узбекистана, № 3. Нукус, 1996.
Helms S.W., Yagodin V.N., Betts A.V.G., Khozhaniyazov G. and Kidd F. Five seasons of excavations in the Tash-K'irman oasis of ancient Chorasmia, 1996-2000. An interim report // Iran, #39, London, 2001.

АКШАХАН ҚАЛЪА ЮҚОРИ ШАҲАРИНИНГ ШИМОЛИЙ ШАРҚИЙ ДАРВОЗАСИДА ОЛИБ БОРИЛГАН ҚАЗИШМАЛАР

Мақола Акшахан қалъанинг шимолий-шарқий дарвозасин ҳудудида ўтказилган археологик қазув ишлари натижаси, қалъа дарвозасининг меъморий тузилиши ва хусусиятлари га бағишланган.

THE EXCAVATIONS OF THE NORTH-EASTERN GATE OF THE UPPER CITY OF AKSHAHAN KALA SITE

The article provides an analysis of an idea embodied in the layout of the most vulnerable junction of the fortress such as the gate of Akshahan Kala.

В.Н. Ягодин

*Каракалтакский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук Каракалтакского отделения АН РУз
(г. Нукус, Узбекистан)*

КУРГАН САЗКУДУК НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ УСТЮРТЕ

Местоположение и история изучения.

Курган находится на территории Юго-Восточного Устюрта, на краю чинка. Географические координаты: С.Ш. 42°40'21, 04¹¹; В.Д. 58°36'21,73¹¹.

Курган назван по наименованию колодца, расположенного под чинком. Вокруг кургана находится целый комплекс внекурганых объектов функционально видимо связанных с ним. Курган и объекты археологического комплекса расположены на мысу, далеко выступающем за край чинка (рис. 1). С обеих сторон мыс ограничен глубокими оврагами, крутыми склонами и отвесными обрывами. От края мыса начинается крутой подъем к самой высокой точке мыса, на которой расположен курган. За оврагами, по обе стороны мыса, чинк невысокий с многочисленными удобными спусками, использующимися для перегона скота и в настоящее время.

Курган был открыт и научно изучен в 1984 году Айбугирским археологическим экспедиционным отрядом Института истории, языка и литературы АН РУз.

Очень краткая информация о кургане уже публиковалась (Yagodin, 2007. P. 44).

Топография

В составе комплекса выделен одиночный курган и шесть внекурганых археологических объектов (ВО).

ВО 1. Оконечность мыса отделена невысокой стенкой из вертикально установленных каменных плит. Стенка протянулась от обрыва до обрыва на расстояние около 40 м.

ВО 2. В 45-50 м к северо-западу от ВО 1, на уступе находится объект в виде курганообразной каменной насыпи диаметром около 3 м, высотой не более 0,3 м. Насыпь из беспорядочно набросанных обломков известняковых плит и щебня. Сооружена на уровне древнего горизонта. Каких-либо подкурганых сооружений не обнаружено. находки отсутствуют.

ВО 3-5. ВО 3 расположен в 45-50 м к западу от ВО 2. ВО 4-5 находятся на выступах отвесных обрывов оврага. Все они представляют собой круглые в плане оградки диаметром 0,9-1,0 м, выложенные по уровню горизонта из обломков каменных плит и засыпанных щебнистым грунтом. Внутри ВО 4 было выкопана ямка глубиной до 0,3 м. Она была перекрыта каменной плитой. Какие либо находки отсутствуют.

Рис. 1. Расположение кургана Сазкудук и внекурганых объектов.

1 – курган; 2 – внекурганые объекты; 3 – стена каменная

ВО 6. Ещё одно аналогичное сооружение находится на вершине мыса в 230-240 м к северо-западу от одиночного кургана. Вокруг него обнаружено скопление фрагментов средневековой хорезмийской станковой керамики IX – XI и XII-XIII вв.

Можно предполагать, что внекурганые объекты за исключением ВО 1 и ВО 6, являются сооружениями поминальными сооружавшимися для совершения перио-

дически проводившихся у кургана поминальных обрядов. С какими-то обрядами так или иначе связанными с погребениями в кургане, вероятно, связана и каменная стенка, отсекающая край мыса (ВО 1). Что касается ВО 6 то он, судя по находкам керамики, может относиться к эпохе средневековья.

Курган

Насыпь. Курган расположен на самой высокой точке мыса. До раскопок имел вид расплывшейся, низкой каменной насыпи довольно неопределённых очертаний. Её ориентировочный диаметр не более 10 м, высота около 0,5 м. На поверхности прослеживаются верхушки каменных плит подкурганного сооружения. Среди мелкой щебенки, густо усыпавшей курган, отмечаются многочисленные находки фрагментов красноглиняной, станковой керамики и редкие находки бронзовых наконечников стрел. Редкие находки фрагментов красноглиняной станковой керамики отмечены по всей площади мыса.

Наземное сооружение представляло собой ограду, сложенную из не обработанных известняковых плит, окруженную по внешнему периметру беспорядочной закладкой из таких же плит, их обломков, щебня и грунта перекрытую такой же закладкой. По внешнему периметру сооружение имело диаметр около 10 м (рис. 2).

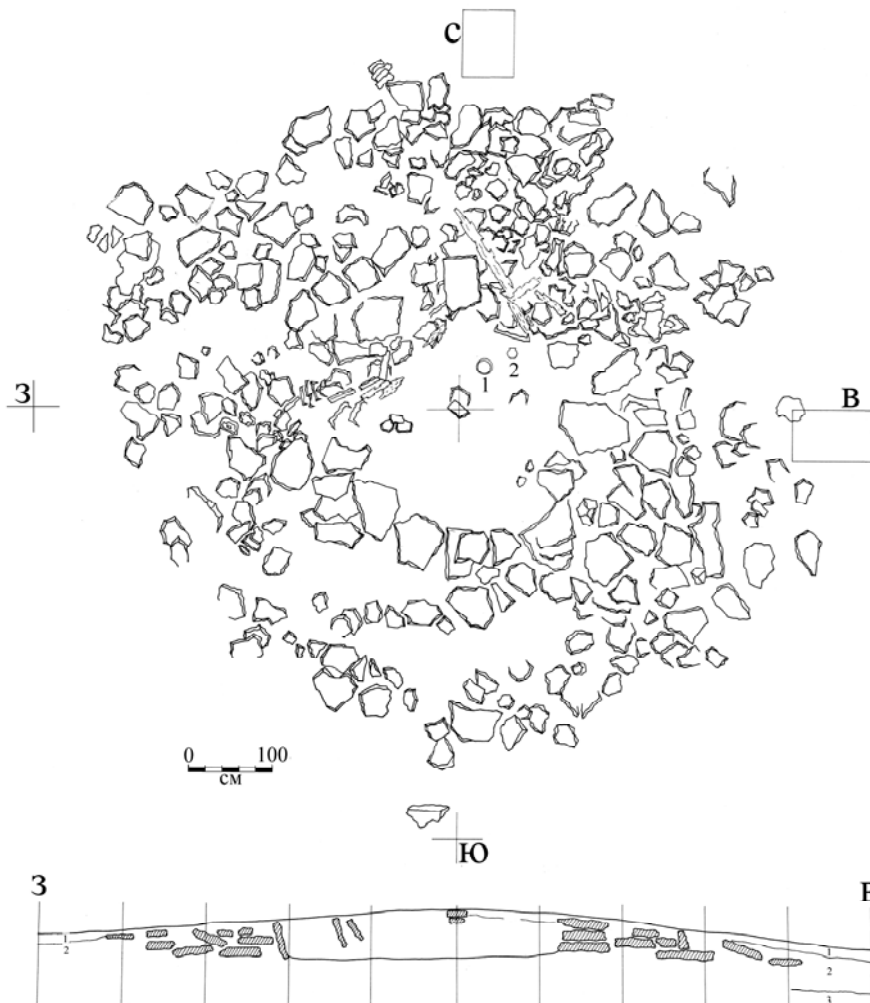

Рис. 2. План по уровню расчищенной насыпи.
1 - фрагменты сосуда станкового; 2 – сосуд лепной

Погребальная камера. Ограда окружала погребальную камеру неправильно округлой формы, диаметром 3,3-3,5 м. Камера на уровне древнего горизонта, глухая, не имевшая каких-либо входов. Сооружение неоднократно нарушалось разборками камня и перекопами, в результате чего его первоначальный облик сильно искажен. Вертикально установленными каменными плитами погребальная камера разделена на две половины: северо-восточную и юго-западную (рис. 3).

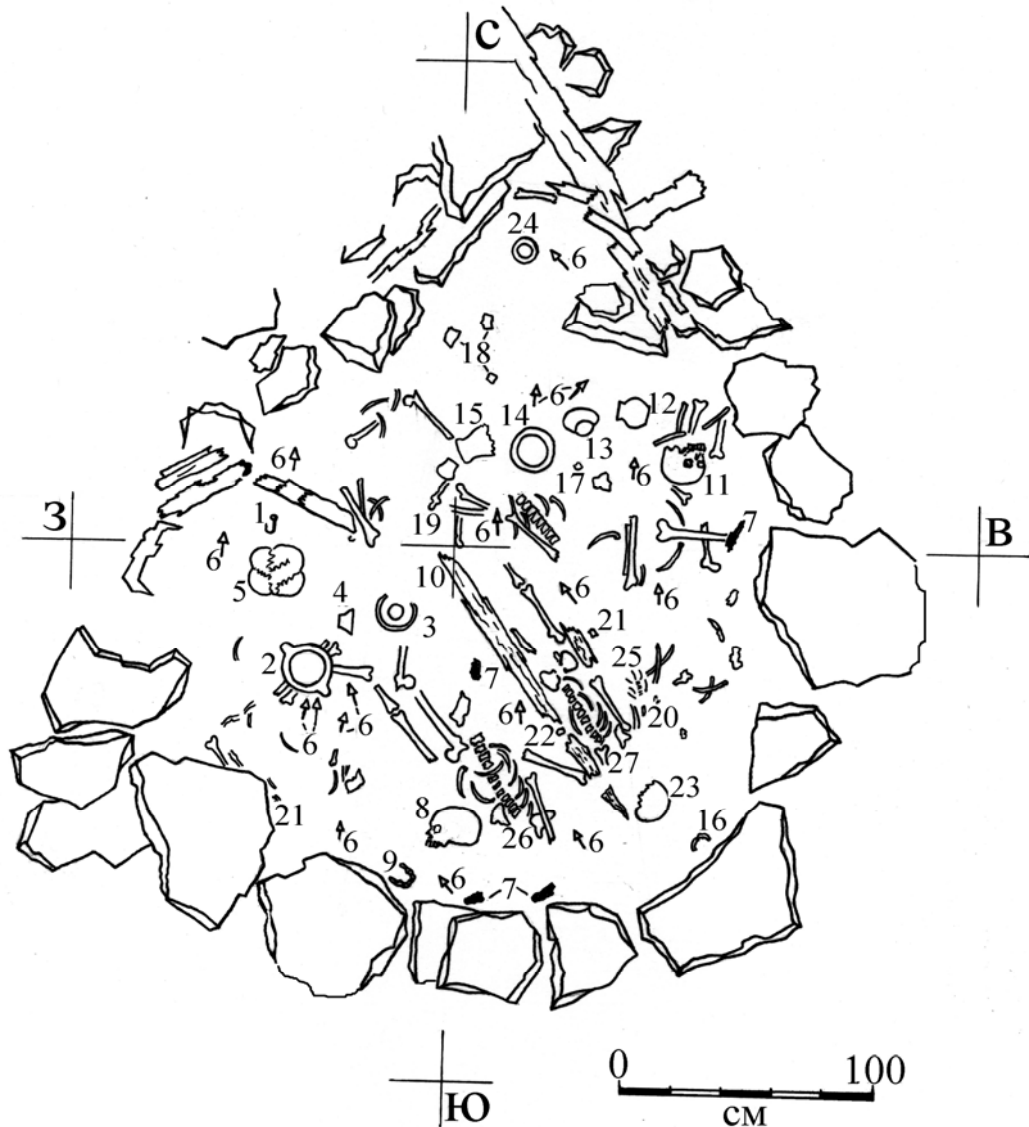

Рис. 3. План погребения. 1 - крючок колчанный, железный; 2 - курильница лепная; 3 - чаша станковая; 4 - фрагмент чаши станковой; 5 - череп 1; 6 - наконечники стрел, бронзовые; 7 - фрагменты железных предметов; 8 - череп 2; 9 - нижняя челюсть 1; 10 - вертикально стоящая каменная плита-перегородка; 11 - череп 3; 12 - сосуд станковый; 13 - фрагмент сосуда станкового; 14 - фрагмент сосуда станкового; 15 - фрагмент сосуда станкового; 16 - фрагмент браслета бронзового; 17 - подвеска стеклянная; 18 - фрагменты лепного сосуда; 19 - баранья кость (передняя нога); 20 - бусина; 21 - бусина; 22 - мел; 23 - череп 4; 24 - горшок лепной; 25 - костяк 1 (детский); 26 - костяк 2; 27 - костяк 3

Погребение коллективное, многократное. Судя по количеству сохранившихся черепов в камере было совершено не менее пяти погребений. Четыре из них погребения взрослых, одно детское. Более точные половозрастные определения невозможны вследствие многократного нарушения погребений как для последующих захоронений, так, вероятно и в процессе неоднократного разграбления. В трех случаях часть костей скелета сохранилась *in situ*, что позволяет определить, что погребённые были уложены на спине, вытянуто, головой ориентировались на юго-восток (аз. 140°).

В северо-восточной половине камеры находились костяки 1 (детский) и 3 (взрослый) положенные рядом, видимо одновременно. В юго - западной половине находился костяк 2.

Погребальный инвентарь. Предметы погребального инвентаря обнаружены на разных уровнях заполнения погребальной камеры. Большинство из них повреждены и перемещены из своего первоначального положения, видимо, неоднократно. Часть инвентаря утрачена во время повторных захоронений и разграбления, возможно, также неоднократно. Сохранившийся погребальный инвентарь может быть распределён по двум половинам погребальной камеры.

В юго-западной половине были обнаружены крючок железный, колчанный (рис. 3, 1), лепная курильница с черным необработанным закопченным камнем, находившемся внутри (рис. 3, 2), чаша станковая (рис. 3, 3-4). Фрагменты железных изделий, возможно обломков меча (рис. 3, 7), наконечники стрел бронзовые (рис. 3, 6).

В северо-восточной половине находились два фрагментированных станковых кувшина (рис.3, 12-13; 14-15), фрагменты браслета бронзового (рис. 3, 16), подвеска стеклянная (рис. 3, 17), фрагменты сосуда лепного (рис. 3, 18), бусина каменная (рис. 3, 20), бусина стеклянная (рис. 3, 21), кусок мела (рис. 3, 22), лепной сосуд (рис. 3, 24).

Судя по находкам разрозненных костей барана (кости передней ноги), погребения сопровождалась положением заупокойной пищи.

Обычай положения в погребение кусков мела и камней отмеченный для кургана Сазкудук, находит соответствие в погребальной обрядности ранних кочевников Южного Приуралья, у которых был распространен обычай класть в могилу куски мела или речные гальки. По представлениям древнего населения они выполняли очистительную функцию (Пшеничнюк, 1983. С. 107).

Предметы вооружения.

Мечи. Сохранились только в обломках позволяющих лишь констатировать наличие такого рода предметов в погребении, но не позволяющих реконструировать форму меча.

Крючок колчанный (рис. 4, 6). Откован из отрезка круглого в поперечном сечении железного прута, его верхний конец свернут в колечко расположенное сбоку от осевой линии. Нижний согнут собственно в крючок. Находки таких же крючков имеются в комплексе инвентаря склепа 10 могильника Дордуль на Узбое, датированного IV-II вв. до н.э. (Юсупов, 1986. С. 89-90. Рис. 32, 9, 14) и в материалах одиночного склепа Акяйла 1 также датированного IV-II вв. до н.э. (Юсупов, 1986. С.68-69. Рис. 20, 18).

Аналогичные крючки, выделенные М.Г. Мошковой в вариант 5, имеются в курганных комплексах IV-II вв. до н.э. Прохоровской культуры Южного Урала и Нижнего Поволжья: Старые Кишки, курган 3, погребение 11; Бережновка. Южная груп-

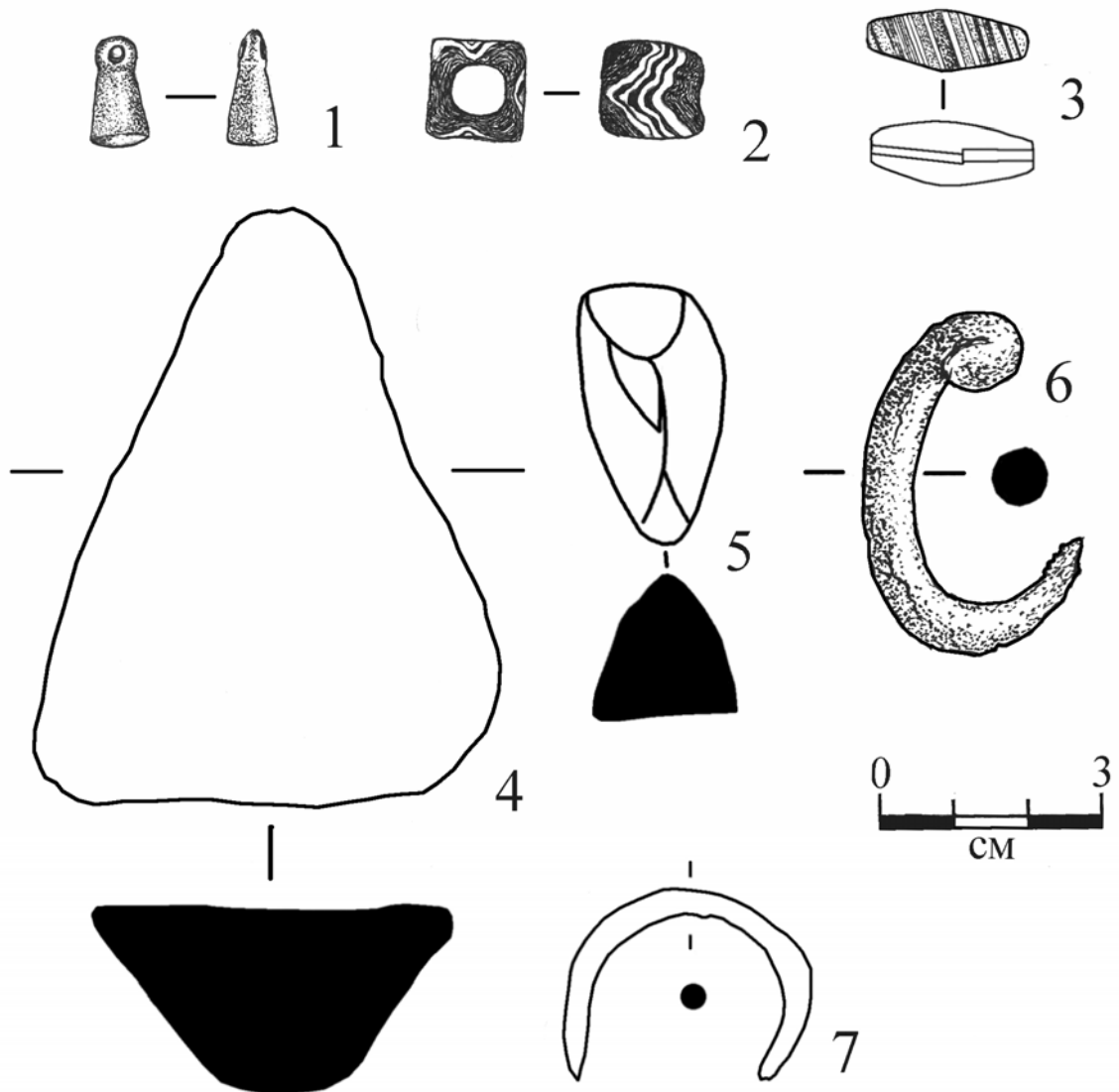

Рис. 4. Погребальный инвентарь

па, курган 2, погребение 11; Калиновка, курган 8, погребение 11 (Мошкова, 1963. С. 35. Табл. 20, 3, 5, 6). С.Ю. Гуцалов в своей классификации колчанных крючков Южного Приуралья выделяет такие предметы в тип 2, вариант 1. По его наблюдениям они спорадически встречаются в Южном Приуралье с конца V до II, а может быть даже I вв. до н.э. (Гуцалов, 2004. С. 22. Табл. 17, 9, 13). Генезис такого рода предметов вооружения мог быть связан, по мнению С.Ю. Гуцалова, с районами Южного Зауралья. Колчанные крючки, интересующего нас типа, найденные в курганах VI-V вв. до н.э. Аландское II 1/1; к.4 (Мошкова, 1972. Рис. 1, 39), Тавлыкаевский IV (Пшеничнюк, 1983. С. 140. Табл. VII, 5. С. 183. Табл. 1, 39), а также в Переволочанских курганах V—начала IV вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1995. Рис. 17, 7; 16, 3) практически полностью совпадают как с крючками из Зауральских степей, так и с интересующим нас крючком из погребения Сазкудука. Находки подобных колчанных крючков отмечаются также в курганах второй половины первого тысячелетия до н.э. в лесостепной Сибири (Могильников, 1997. Рис. 47).

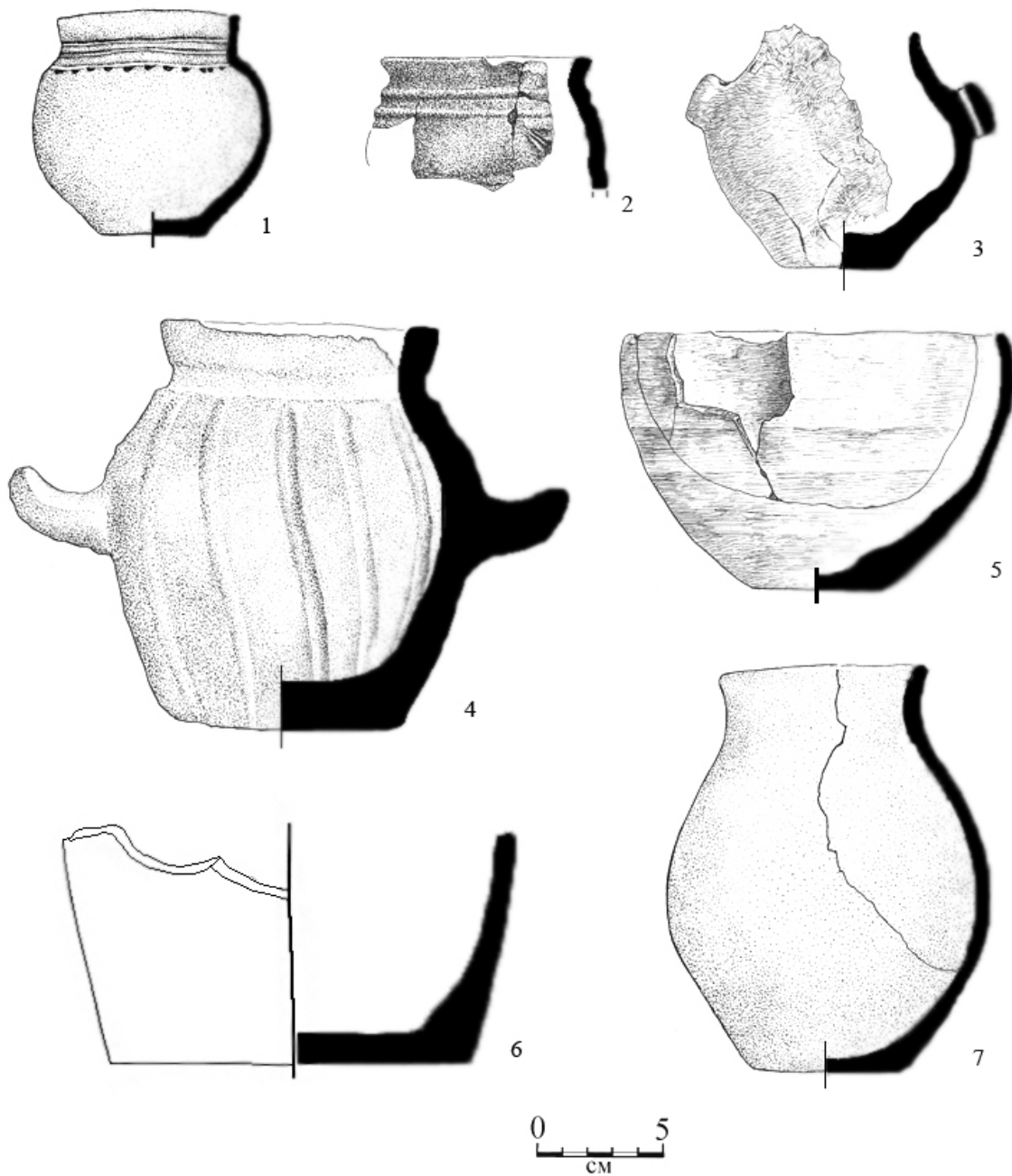

Рис. 5. Погребальный инвентарь

Наконечники стрел (рис. 6, 1-18). Разбросаны по всей площади камеры и на разных уровнях её заполнения. Возможно, происходят из разных колчанных наборов. В типологическом отношении набор довольно однообразен. Преобладают (13 экз.) трехлопастные наконечники стрел с выступающей втулкой, сводчатой или треугольной головкой, основанием лопастей заостренных в шипы. Отлиты из бронзы в трехстворчатой литейной форме, от которой на некоторых экземплярах наконечников сохранились по три литейных шва расположенных по линии лопастей. На некоторых экземплярах следы заточки (рис. 6, 1-13).

Керамика: лепные сосуды

Сосуд плоскодонный, небольшой с ассиметричным, вертикально вытянутым бочковидным туловом, низкой, широкой раструбообразной горловиной, диаметр которой немного превышает диаметр дна. Прямо на покатые плечики посажен массивный, неясно выраженный воротничковый венчик с неровным, уплощённым бережком. В средней части тулова две массивные, оппозитно расположенные, плоские ручки, концы которых загнуты вверх (рис. 5, 4).

Диаметр горловины - 10 см, наибольший диаметр тулова – 14,2-14,4 см, диаметр дна – 8,3-8,4 см, длина ручек – 3,5-4,2 см, толщина стенок сосуда – 1,1-1,5 см, толщина дна – 1,8-2,0 см.

Сосуд лепной, массивный с очень толстыми стенками и дном. Изготовлен из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями отощителя, в качестве которого использован грубомолотый шамот. Внешняя поверхность до обжига затёрта жидкой глиной, внутренняя без покрытия, растрескавшаяся. Обжиг напольный, недостаточный, черепок в изломе - красный у внешней поверхности, черный у внутренней. Внешняя поверхность пятнистая, красная и желтоватая, видны отдельные углисто-серые пятна (“пожоги”) кострового обжига.

По внешней поверхности сосуд украшен широкой полосой проведенной по основанию горловины и дугообразно изогнутыми, вертикальными желобками протянутыми по всему тулову от основания горловины до дна.

Внутренняя поверхность сосуда дополнительно обмазывалась глиной. Обмазка растрескавшаяся. На стенках и дне густой черный нагар. Внутри сосуда находился черный, необработанный камень, сильно закопченный (рис. 4, 4).

Функционально сосуд может быть определён как курильница - тип сосудов широко использовавшихся в культовой практике кочевых племен раннежелезного века степного пояса Евразии. Сводка находок подобного рода в Азиатской Сарматии опубликована К.Ф Смирновым, выделившим эти сосуды в своей классификации в тип III (Смирнов, 1973. С.167. Рис. 1, IV). По его наблюдениям “...вертикально вытянутые формы с боковыми, выступами известны только в прохоровской культуре” где они широко используются в погребальной практике (Смирнов, 1973. С. 168. Рис. 1, III A),

Курильницы аналогичных форм описаны для лесостепной тагарской культуры Южной Сибири (Мартынов, 1979. С. 61. Табл. 26).

Находки аналогичных сосудов отмечены для сакской культуры нижней Сырдарьи. Здесь они были обнаружены в так называемых “шлаковых курганах” VII-VI вв. до н.э. (Левина, 1979. С. 187-188. Рис. 7, 13).

Сосуд горшковидной формы с небольшим плоским дном, сильно раздутым в средней части туловом и суженой горловиной с вертикальными стенками. На плечиках оппозитно расположенные налепы со сквозными вертикальными каналами (рис. 5, 3).

Диаметр дна – 6 см.; наибольший диаметр тулова – 13 см; диаметр горловины 7,5 см. Толщина дна – 1,8 см; стенок от 0,7 до 1,2 см.

Сосуд сформован вручную из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями отощителя, в качестве которого использована грубо-дроблёная дресва. Обжиг напольный, недостаточный, черепок крошится, в изломе черный в середине и красный у поверхностей. Поверхности бугристые, плохо заглаженные.

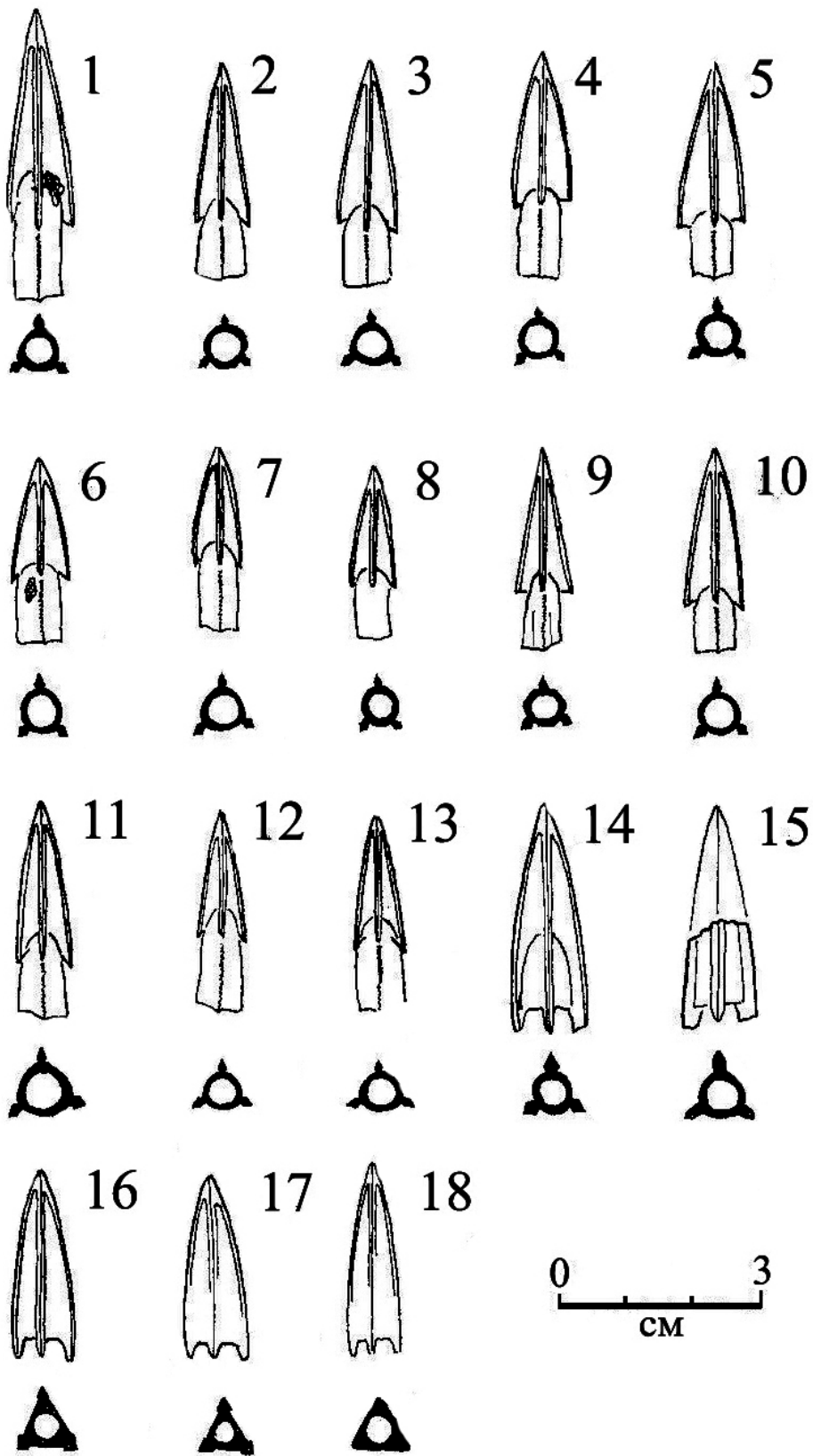

Рис. 6. Наконечники бронзовых стрел

Форма индивидуальная не имеющая аналогий в доступных мне материалах. Возможно, сосуд мог использоваться в погребальном обряде как курильница.

Горшок небольших размеров. Дно плоское, массивное со слабо намеченным поддоном. Тулово раздутое, наибольшей ширины достигает в верхней трети высоты сосуда. Горловина широкая, низкая, с вертикальными стенками (рис. 5, 1).

Диаметр горловины – 8,6 см., наибольший диаметр тулова – 11,3 см, диаметр дна – 5,0 см, высота сосуда – 10,6 см, толщина стенок 0,4-0,5 см, толщина стенок у дна – 0,8 см, толщина дна 0,8 см.

Сосуд сформован вручную, без использования гончарного круга. Симметричность сосуда может свидетельствовать об использовании поворотной подставки. Сосуд изготовлен из плохо промешанной формовочной массы с примесями отощителя в виде мелкодробленого шамота. Обжиг неполный, недостаточный, черепок в изломе – черный.

Внешняя поверхность хорошо заглажена. По основанию горловины и верху плечиков сосуд опоясан тремя неровными бороздками, ниже которых расположен пояс вдавненных треугольников.

По небольшим размерам сосуд может быть отнесен к типу “туалетных”.

Небольшой сосуд горшковидной формы с низкой горловиной и плоским горизонтально срезанным бережком. Плечики покатые. Под горловиной сосуд опоясан двумя параллельными рельефными валиками. Ниже, по тулову сосуд опоясан неглубоким желобком (рис. 5, 2).

Диаметр устья – 10,2 см., толщина стенок – 0,6-0,7 см. Сосуд сформован вручную из относительно хорошо промешанной формовочной массы с примесями отощителя в виде мелкодробленого шамота. Обжиг неполный, недостаточный, черепок в изломе черный. Поверхности сильно закопчены. По небольшим размерам сосуд может быть отнесен к типу “туалетных”.

Керамика: станковые сосуды

Чаша. Глубокий чашевидный сосуд (рис. 5, 5). Сосуды такой формы в литературе описываются как “кубки” или “бокалы”. Диаметр устья немного меньше наибольшего диаметра тулова находящегося в верхней четверти сосуда.

Диаметр устья – 14,7 см, наибольший диаметр тулова – 15,3 см, диаметр дна – 5,0 см, высота сосуда – 10,0 см. Толщина стенок – 0,3-0,4 см к дну стенки утолщаются.

Сосуд изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной и равномерно промешанной формовочной массы. Обжиг горновой, равномерный. Черепок в изломе равномерного красного цвета.

Аналогичные сосуды типичны для архаического Хорезма. Они известны, в частности, в керамическом комплексе усадьбы Дингильдже в слое первой половины V в. до н.э. (Воробьева, 1973. Рис. 38, 17).

Сосуд кувшиновидный (рис. 5, 7). Сосуд грушевидной формы. Имеет суженную горловину со слегка отогнутым наружу краем, покатые плечики, раздутое ниже середины высоты сосуда, тулово и маленькое, плоское дно.

Диаметр горловины - 9,7 см, наибольший диаметр тулова - 15,3 см, диаметр дна – 7,7 см, высота сосуда - 19,0 см.

Сосуд изготовлен на гончарном круге из предварительно отмученной и хорошо промешанной формовочной массы без примесей отощителя. Обжиг равномерный. Горновой, черепок в изломе равномерного красного цвета. Внешняя поверхность

гладкая, естественного красного цвета обжига. Местами на ней видны пятна копоти. Аналогичный сосуд имеется в комплексе инвентаря одиночного склепа Ак-Яйла 1 на Узбое (Юсупов, 1986. С. 66. Рис. 20, 2). Сосуды находят многочисленные аналогии в парфянских материалах Южного Туркменистана (Пилипко, 1970. С. 79-80; 1972. С. 78-87; 1973. С. 60-64)

Украшения.

Подвеска (рис. 4, 1) из зеленоватого, полупрозрачного стекла, усеченно-конической формы с петелькой наверху. Высота – 15 мм.

Аналогичные подвески из зеленого стекла известны из комплекса погребального инвентаря кургана 23, погребения 5 могильники Покровка 2 на Илеке (Яблонский и др. 1994. С. 48. Рис. 89, 1, 2, 3), а также из прохоровского кургана 6, погребения 2а, датированного второй половиной IV-III вв. до н.э. (Смирнов, 1975. С. 106, 108, 115. Рис. 31, 6).

Бусина (рис. 4, 2) в форме параллелепипеда с широким продольным каналом отверстия. Изготовлена из черного глухого стекла, грани бусины украшены фестонобразным орнаментом желтого цвета. Размер 13×15 мм, диаметр отверстия – 7 мм.

Находки подобных бус, датирующихся IV-III вв. до н.э., отмечены в греческих городах Северного Причерноморья: Фанагории, Ольвии и Пантикапее (Алексеева, 1982. С. 49. Табл. 31, 6-7, тип 276 б). Известны они и в комплексах погребального инвентаря курганов прохоровской культуры IV-II вв. до н.э. (Мошкова, 1963. С. 52. Табл. 31, 2; Яблонский и др. 1994. С. 48. Рис. 89, 22-24; рис. 90, 8 - 10).

Бусина-пронизь (рис. 4, 3), вытянуто-бочковидной формы. Изготовлена из агата или сердоликового оникса с наклонными молочно-белыми и красновато-желтыми полосами. Канал отверстия цилиндрический, сверление встречное, двустороннее. На торцах бусины слабо заметны риски, наносившиеся перед началом сверления. Длина бусины - 22 мм, наибольший диаметр - 9 мм, диаметр торцов - 4 мм, диаметр канала отверстия – 1 мм. Аналогии в Северном Причерноморье – депаспортизированные бусы из Херсонеса. В классификации выделены в 4 тип агатовых бус (Алексеева, 1982. С.20. Табл. 36, 31-33).

Браслет(?) бронзовый (рис. 4, 7). Согнут из гладкого, бронзового прута, круглого в поперечном сечении. Диаметр сечения – 3 мм. Концы приострены. Судя по небольшому диаметру (3,5 см) браслет мог происходить только из описанного выше детского погребения.

Дата и культурная принадлежность

Как это уже было определено в предварительной публикации, и подтверждено последующим полным анализом материалов раскопок курган может быть датирован V-IV в. до н.э.

В предварительной публикации было установлено, что курган принадлежит к так называемой “Арало-Каспийской археологической культуре” и входит в одну из территориальных групп (Айбугирскую) археологических объектов этой культуры (Yagodin, 2007. P. 44, 54; Ягодин, 2011. С. 160-163).

Использованная литература:

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // *Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г1-12. М. 1982*
- Воробьева М.Г.* Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н.э. в Древнем Хорезме // *Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 9. М. 1973*
- Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII – I вв. до н.э. Уральск. 2004.

- Левина Л.М.** Поселения VII-VI вв. до н.э. и "шлаковые" курганы южных районов сырдарьинской дельты // *Кочевники на границах Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции т. XI. М. 1979.*
- Мартынов А.И.** *Лесостепная Тагарская культура. Новосибирск. 1979.*
- Могильников В.А.** *Население Верхнего Приобья в середине второй половине I тысячелетия до н.э. М. 1997.*
- Мошкова М.Г.** *Памятники раннесарматской (Прохоровской) культуры // Свод археологических источников СССР. Вып. Д1-10. М. 1963.*
- Пилипко В.Н.** *Раскопки парфянского сельского поселения в местностях Гарры-Кяриз (Парфиена) // Каракумские древности. Вып 3 Ашхабад. 1970.*
- Пилипко В.Н.** *Исследование античных памятников в Северной Парфиене в 1970 году // Каракумские древности. Вып 4. Ашхабад. 1972.*
- Пилипко В.Н.** *Памятники парфянского времени в районе Анау // Известия АН Турк. ССР сер. общ. наук, №5. Ашхабад. 1973.*
- Пшеничнюк А.Х.** *Культура ранних кочевников Южного Урала. М. 1983.*
- Пшеничнюк А.Х.** *Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.*
- Смирнов К.Ф.** *Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. 1973.*
- Смирнов К.Ф.** *Сарматы на Илеке. М. 1975.*
- Юсупов Х.** *Древности Узбоя. Ашхабад. 1986.*
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Ведер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л.** *Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека, вып. 2. М. 1994.*
- Ягодин В.Н.** *Саки-Тиграхауда – Массажеты Арало-Каспия // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Алматы-Актобе. 2011.*
- Yagodin V.N.** *The Duana archaeological complex // Yagodin V.N., Betts A.V.G., Blau S. Ancient nomads of the Aralo-Caspian Region. The Duana archaeological complex. Peeters. Leuven-Paris-Dudley, Ma. 2007.*

ЖАНУБИЙ-ШАРҚИЙ УСТЮРТ ТЕКИСЛИГИДАГИ САЗҚУДУҚ ҚҶРҒОНИ

Мақола Жанубий-Шарқий Устюртдаги Сазқудуқ қўрғони ва унинг археологик тадқиқотлари таҳлилига бағишланган. Типологик жиҳатдан қўрғон айлана тарздаги иншоот бўлиб, у қўп маротаба дафн қилинишга мўлжалланган даҳма ҳисобланади. Унинг ичида дафн маросимида қўйилган уй-рўзғор буюмлари ва озиқ-овқат қолдиқлари аниқланган. Қўрғон мил.ав. V-IV асрларга тааллуқли бўлиб, мақолада унинг «Орол-Каспий» маданиятига мансублиги борасида сўз боради.

SAZKUDUK BURIAL MOUND AT THE SOUTH-EASTERN USTYURT

The article deals with the materials of excavations of single burial mound of Sazkuduk in the South-eastern Ustyurt. A number of outside mounds of cultic and funeral aim are considered together with Sazkuduk burial mound. The kurgan is identified as a circular construction with burials of different periods and with the inventory and funeral foods. The burial mound is dated to 5-4th centuries BCE it belongs to the so-called "Aral-Caspian culture."

М. Реутова, Ж. Фрай
*Институт Археологии
Академии наук Республики Узбекистан
(г. Самарканд, Узбекистан)
Международная ассоциация спасения
живописи Афрасиаба
(Париж, Франция)*

РЕСТАВРАЦИЯ И ПЕРЕМОНТИРОВКА РОСПИСЕЙ ИЗ ПАРАДНОГО ЗАЛА ДВОРЦА ВАРХУМАНА НА АФРАСИАБЕ

Одним из интереснейших экспонатов музея основания г.Самарканда на Афрасиабе являются росписи так называемого "Зала послов". Они были обнаружены на городище Афрасиаб в 1965 году при прокладке дороги в центральной части городища. Благодаря сохранившейся на росписи надписи была точно определена дата их создания - вторая половина VII в. На четырех стенах зала были изображены сцены из светской жизни царя Вархумана. Это праздник Навруз, царь в сопровождении свиты едет на поклонение к могилам предков. Это сцена приема послов из Китая, Чача, Чаганиана, Тибета и Кореи. Это переправа через реку китайской принцессы, битва с леопардами и другие сцены.

После вскрытия росписей началась кропотливая работа по расчистке более сотни квадратных метров живописи. Ведь размеры зала были 11×11 м, а высота сохранившейся росписи - 2-2,5 м. Расчистка показала, что несмотря на прошедшие тринадцать веков живопись сохранила первоначальную яркость и свежесть красок. Раскрытие стен с росписями шло поэтапно в период 1965-1968 гг. До 1985 года коллективом реставраторов Института археологии Академии Наук Республики Узбекистан проводились работы по обработке более 100 квадратных метров росписей. Первоначально живопись была смонтирована на легкие щиты. Это был деревянный каркас из реек, на котором крепился плиточный пенопласт. Такой щит обтягивался грубой тканью (мешковиной), которая приклеивалась к щиту клеем БФ-6, затем на ткань приклеивались тем же клеем фрагменты росписей. В 1986 году шли работы по установке щитов с росписями в центральном зале Музея основания города Самарканда.

С момента установки росписей Афрасиаба в музее прошло 30 лет. Периодически состояние живописи проверялось сотрудниками-реставраторами Института археологии АН РУз. Мониторинг последних лет показал, что состояние живописи изменилось в худшую сторону. Росписи нуждались в закреплении и дополнительной пропитке соответствующими растворами-консервантами. На состояние росписей повлиял изменяющийся в здании музея температурный и влажностный режим. Так в течении 1997-2009 годов в зале с росписями проводился замер температурно-влажностного режима. В среднем в январе температура опускалась до 4 градусов тепла, относительная влажность воздуха достигала 61-78%. В июле температура поднималась до 31 градуса тепла,

влажность воздуха составляла 40-55%. Однако наиболее благоприятными условиями для росписей является постоянная температура 20-22°C и относительная влажность воздуха 50-55%. Для поддержания такого температурно-влажностного режима было закуплено две климатических установки, которые позволили несколько стабилизировать температуру и влажность в экспозиционном зале. Также перед входом в зал был установлен тамбур. В итоге всех этих работ произошла некоторая стабилизация температурно-влажностного режима.

Однако предыдущие условия хранения уже неблагоприятно повлияли на состояние живописи. Было выявлено появление сети трещин на поверхности самих росписей. На значительной поверхности произошло отслоение тонкой ганчевой подложки от лессовой основы росписей и появились так называемые "карманы". Все это привело к выпадению кусочков красочного слоя и повреждению росписей. Кроме того, живопись нуждается в дополнительном закреплении красочного слоя с консервантами. В отдельных местах произошло отслоение фрагментов живописи от щита. Все это являлось прямой угрозой повреждения этого шедевра древнего изобразительного искусства, который известен всей мировой общественности.

В связи с этим было принято решение о повторной реставрации и перемонтировке живописи на новое прочное основание, представляющее собой алюминиевые ячеистые плиты, покрытые с двух сторон стеклопластиком. Эта работа проводится совместно с французским реставратором Ж. Фрай (Geraldine Fray, wall painting restorer in France). Исходя из создавшейся ситуации было запланировано проведение следующих реставрационных работ:

Снятие щитов росписей с деревянной основы в зале музея.

Разрезание фрагментов живописи по швам и отделение фрагментов росписей от щитов (подрезка длинной стамеской) (рис. 1).

Отслоение мешковины от тыльной стороны фрагмента с использованием этилового спирта.

Закрепление красочного слоя живописи растворами консервантов. Было выявлено, что отдельные места росписей как бы "высохли" и нуждаются в дополнительной пропитке. Их пропитывали 2-3 раза с 5%-ным раствором полибутилметакрилата в ацетоне с небольшим добавлением метилэтилкетона. Этот растворитель используется для более глубокого проникновения полимера в штукатурку живописи. Пропитанные места закрывали полиэтиленовой пленкой для уменьшения процесса испарения летучих растворителей.

Приклеивание отслоившихся фрагментов к основе росписи. Несколько отслоившихся небольших фрагментов расписной штукатурки на западной стене были приклеены к основе. Они вычленились из вновь образовавшихся трещин. Для склеивания использовался 15%-ный раствор паралоида В-72 в ацетоне.

Приклеивание отслоившихся и вспученных фрагментов ганчевой основы и штукатурного слоя. На рис. 2 показаны места появления вышеперечисленных дефектов расписной штукатурки. На рисунке мы представили лишь некоторые дефектные места. Довольно подробно такие изменения зафиксированы на панораме стен зала. Для приклеивания отслоившейся штукатурки и ганчевого слоя с краской мы использовали инъекции растворами полимеров под ганчевую подложку и использованием шприца.

Мастиковка трещин с специальной мастикой. Одни из трещин неопасные. Это трещины, которые образовались в слое мастики, которой мы заполняли пространства, где находились утраты на красочном слое живописи. Наиболее опасные трещины, которые проходят непосредственно по красочному слою (рис. 3) Вследствие их образования вычлениются небольшие кусочки, которые начинают осыпаться. Теряется красочный слой

Рис. 1. Снятие фрагмента живописи со старого щита

Рис. 2. Места отслоений ганчевой основы с краской (отмечено прямоугольниками)

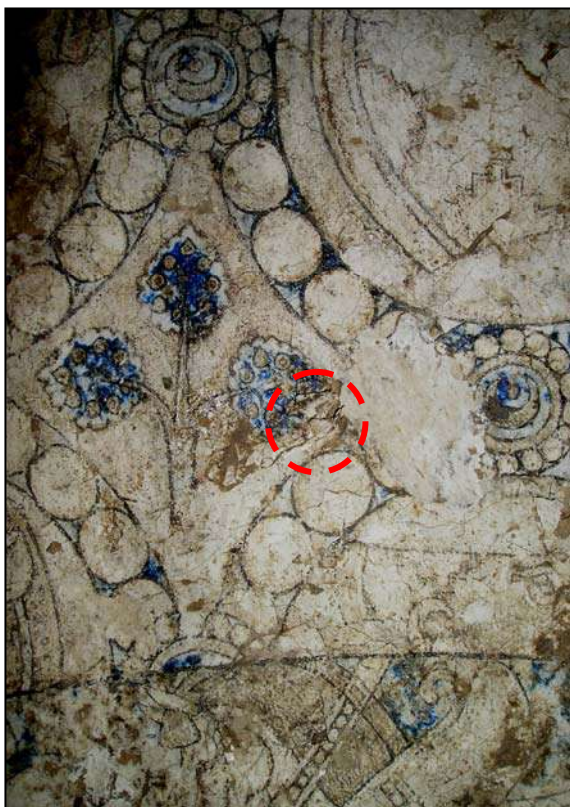

Рис. 3. Трещины на поверхности

Рис. 4. Изготовление щита из

Рис. 5. Подготовка к приклеиванию фрагмента к щиту

Рис. 6. Мастиковка щита

и нарушается рисунок. Поэтому мастиковка трещин - важный этап в сохранении росписей. Для заполнения таких трещин использовалась мастика из обессоленного просеянного афрасиабского лесса и 10%-ного раствора акрилата в ацетоне. Перед заполнением трещины ее внутренние стенки, для лучшей адгезии, смачивались слабо концентрированным раствором консерванта. Затем трещина с использованием глазного скальпеля заполнялась мастикой и заглаживалась.

Выявление слабо видимых контуров росписи растворами консервантов. Для выявления слабо видимых контуров живописи мы использовали 1%-ный раствор акрилата в метилэтилкетоне. Насыщение контуров полимером выявляет его слабый красочный слой и он становится более заметным. Много таких мест по всей западной и северной стене, красочный слой которых во многих местах лежит непосредственно на лессе (ганчевая подложка была размыта в результате многолетнего нахождения под землей).

На отдельных фрагментах еще оставался местами слой полимера. Красочная поверхность в этих местах была загрязнена и блестела. Раньше полимер с красочного слоя

Рис. 7. Установка щита с живописью

удалялся вручную и поэтому он уходил неравномерно. Вместе с полимером частично мог быть снят и красочный слой. Поэтому в таких местах, особенно на красной и желтой краске акрилат убирался не полностью. В настоящее время для удаления избытка полимера с лицевой стороны росписей мы используем "ксилольную баню".

Для монтирования живописи были изготовлены большие щиты. Щиты были смонтированы из алюминиевых сотовых плит и закреплены длинными рейками на болтах с тыльной стороны (рис. 4). Сначала фрагменты, прошедшие реставрационную обработку, расположили на щите и плотно подогнали края друг к другу. Контур каждого куска был обведен фломастером. Затем на места обведенные контурными линиями нанесли мастику, состоящую из 35%-ного ацетонового раствора Paraloid В-44 и черного песка (рис. 5). Каждый из фрагментов на этой массе приклеивался к щиту. На места стыковки фрагментов положили груз для лучшего приклеивания краев. Швы между фрагментами мастиковались с заделочной массой из 20%-ного полибутилметакрилата (ПБМА) в ацетоне и обессоленного просеянного лесса.

Оставшееся на щите свободное пространство сначала просверливалось (для лучшей адгезии мастики), а затем заполнялось заделочной массой (рис. 6). Состав мастики был выбран экспериментальным путем. Это смесь:

Лесс + мел в пропорции 1:3,5;

Нейлоновое волокно;

50%-ный раствор акрила АС-33.

После подготовки щитов с живописью они монтировались на стену. Для этого был сделан металлический каркас, прикрепленный к кирпичной стене зала. К этому каркасу с помощью крепежных болтов прикреплялись щиты (рис. 7). Места стыковки щитов заполнялись мастикой. Затем проводилась вторичная мастиковка утраченной поверхности росписей (пустые места на щите между уцелевшими фрагментами живописи). Это делалось для придания этому пространству единого цветового оттенка. На нынешнее время произведена перемонтировка северной и западной стен парадного зала. Работа с двумя другими стенами будет продолжена в будущем году.

Таким образом, выполнение всего этого комплекса реставрационных работ позволит улучшить состояние афрасиабской живописи и продолжить ее экспонирование в музее для тысячи посетителей.

Афросиёбдаги Вархуман саройи кабулхонаси деворий суратларининг таъмирланиши ва кайта куйилиши

Мақолада Афросиёб монументал деворий суратларини янги асосга кўчириш бўйича олиб борилган таъмирлаш ишлари ёритилган. 30 йил аввал бу суратлар читакоп тортилган ёғоч ва пенопластдан иборат ромларга қотирилганди. Бироқ иқлимий саклаш шароитларининг нобоплиги ушбу сурат ва уларни асосларига салбий таъсир кўрсатган (суратларда тирқишлар пайдо бўлиб, бўёқ лой асосида кўча бошлаган). Шу сабабли суратларни қайта таъмирлаш зарурати туғилди. Деворий суратлар махсус алюмин плиталарга кўчирилди.

Restoration and re-mounting of murals from a main hall of a palace of Varhuman on an Afrasiab

Restoration works on transfer of monumental murals from an Afrasiab on the new basis are described. More 30 years ago painting has been mounted on boards from a wood and the polyfoam, covered with a sacking. Climatic conditions of storage have adversely affected safety of assembly boards and the paintings, mounted on them (clefts on painting and a paint layer separation from a clay basis have appeared). Therefore necessary restoration of a painting has been made. The painting has been transferred on assembly boards from special aluminium plates.

Студенческая практика на городище Миздахкан. 1986 год.
Е.Б. Бижанов, К.С. Сарыбаев, О.Ж. Юсупов, М.Т. Тлеумуратов,
М.-Ш. Кдырниязов, М.Т. Туребеков и студенты

Ж.Х. Хакимниязов, М.Т. Туребеков, М.-Ш. Кдырниязов, Г.Х. Ходжаниязов,
Б.С. Сайпанов, Е.Б. Бижанов, В.Н. Ягодин. 2005 г.

М.-Ш.Кдырнязов на награждении грамотами профессоров Каракалпакского Государственного университета им. Бердаха. 2014 г.

М.-Ш. Кдыр尼亚зов, А.Д. Искандерова, М.Т. Торебеков, Ж.Х. Хакимниязов, Б.С. Сайпанов, Г.Х. Хожаниязов, В.Н. Ягодин, Е.Б. Бижанов, А. Авизова. 2005 г.

Дахма Чилпик. 2007 год.
Н. Сапаров, А. Искандерова, М.-Ш. Кдыр尼亚зов, А. Торгоев, А. Омельченко

Научная конференция, посвященная 100-летию С.П. Толстова. 2007 год.
Н. Торежанова, М.-Ш. Кдырниязов, Г.Х. Хожаниязов

Ф.Ж. Утепбергенов, Ж.А. Айтмуратов, М.-Ш. Кдырниязов, М.Т. Туребеков,
акад. А.А. Аскарлов, М.М. Мамбетуллаев, Г.Х. Хожаниязов, А.К. Алимбетов.
2008 г.

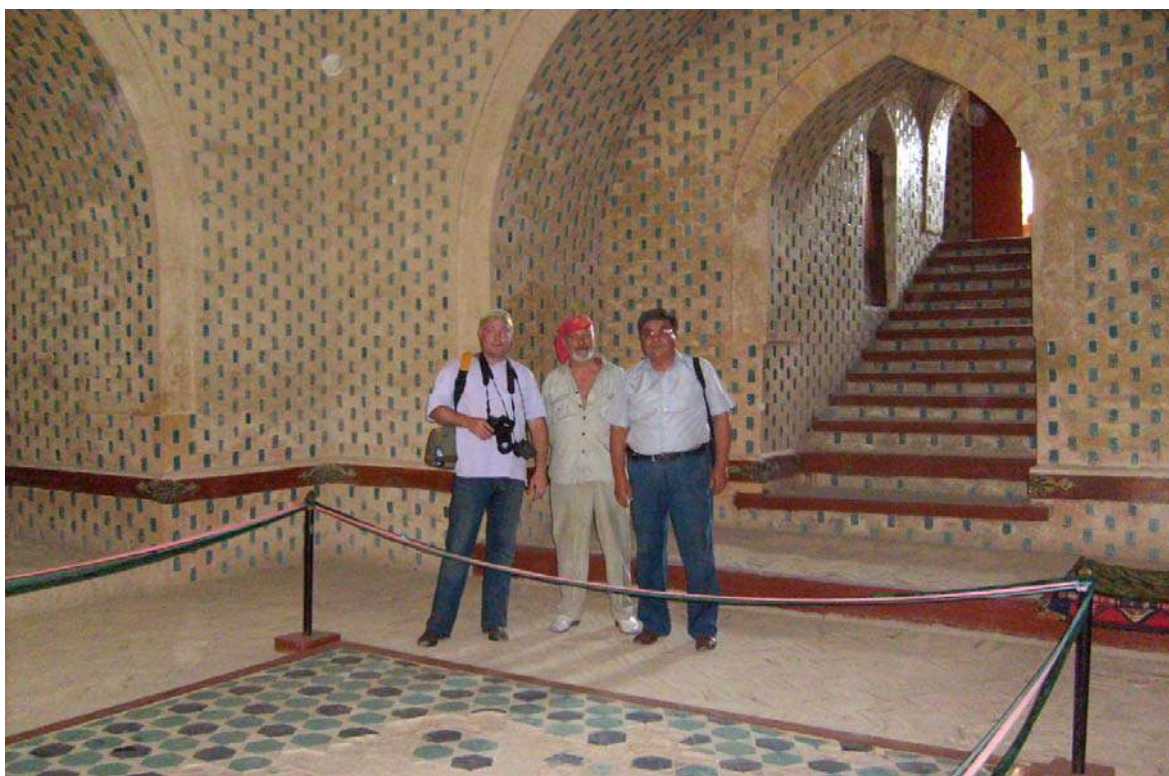
Пулжайская археологическая экспедиция Каракалпакского государственного университета им. Бердаха. 2012 г.

Археологи М.-Ш. Кдырниязов, С. Саипов и А. Алимбетов со студентами КГУ во время практики на городище Пулжай. 2014 г.

В лагере Пулжайской археологической экспедиции. 2014 г.

М.-Ш. Кдырнязов с коллегами из Москвы Л.Л. Галкиным и С.Н. Ариамовым
Мавзолей Мазлумхан Сулу. 2013 г.

Семинар магистрантов исторического факультета Каракалпакского государственного университета им. Бердаха. 2014 г.

С детьми: Максет и Нурсултан. 2014 г.

С сыном Омар-Шарипом, невесткой Дильфузой, внучками Айсулу и Гульсанем

Сыновья Бахтияр и Омар-Шарип Кдырнязовы. 2014 г.

Участники Международной научной конференции «Казахское ханство в потоке истории» в Алматы: Кольцов П.М. (Элиста), М.-Ш. Кдырниязов (Нукус), Брагин А.О. (Нижний Новгород), С. Саипов (Нукус), Петров П.Н. (Нижний Новгород), Я.А. Лукпанова (Уральск), А.А. Нуржанов (Алматы), Е. Казизов (Талгар). 2015 г.

Участники научно-практической конференции в Эллик кале, посвященной 20-летию Каракалпакско-Австралийской экспедиции: М.-Ш. Кдырниязов, М. Тилеумуратов, Р. Абдиримов, К. Хожаниязов, Ж. Хакимниязов, К. Сабиров, Б. Садуллаев, Т. Абдуллаев. 2015 год

М-Ш. Кдырнязов и академик А.А. Аскарлов. 2015 г.

Участники юбилейного торжества академика А.А.Аскарлова. 2015 г.

Список сокращений

АИУ	– Археологические исследования в Узбекистане.
АКД	– Автореферат кандидатской диссертации.
АП	– Археология Приаралья.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АО	– Археологические открытия.
ВДИ	– Вестник древней истории.
ВККО АН РУз	– Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан.
ВККФ АН	– Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры.
ГМВ	– Государственный музей Востока
ЗВОРАО	– Записки Восточного отдела Русского археологического общества.
ЗКВ	– Записки коллегии востоковедов.
ИМКУ	– История материальной культуры Узбекистана.
ИИАЭ	– Институт истории, археологии и этнографии
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР .
МОН РК	– Министерство образования и науки Республики Казахстан
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР.
МИТТ	– Материалы по истории туркмен и Туркмении.
МХЭ	– Материалы Хорезмской экспедиции.
НАН РК	– Национальная академия наук Республики Казахстан
НГПИ	– Нукусский государственный педагогический институт им. Ажинияза.
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика.
ОНУ	– Общественные науки Узбекистана.
СА	– Советская археология.
САГУ	– Среднеазиатский государственный университет.
СМИЗО	– Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.
СЭ	– Советская этнография.
ТД	– Тезисы докладов.
ТКАЭЭ	– Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.
ТОВЭ	– Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТХАЭЭ	– Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
ЭВ	– Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ	– Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

Институт археологии им. Я. Гулямова
Академии наук Республики Узбекистан

Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ТУРАНА №2

Технические редакторы:

А.Д. Искандерова
М.В. Кондрикова

Компьютерная верстка:

Т.Х. Очилов

Составитель:

А.Д. Искандерова

Сдано в набор 20.11.2016. Подписано в печать 15.12.2016.
Формат 60x84 ¹/₈. Гарнитура Times. Усл.печ.л. 20,7.
Тираж 200 экз. Заказ. 401

Отпечатано в типографии Института археологии АН РУз.
140151, г. Самарканд, ул. акад. В. Абдуллаева, 3.
Телефон: (366) 232-12-90

ISBN 978-9943-4300-3-7

ISBN 978-9943-4300-3-7

9 789943 430037